

ВАЙНАХ

Ежемесячный литературно-художественный журнал

11. 2013

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Министерство территориального развития, национальной политики и массовых коммуникаций ЧР.

Адрес: 364051

г. Грозный, ул. Маяковского, 92

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 27 марта 2009 г.
Регистр. свид-во
ПИ № ТУ 20-00064

Журнал выходит с 1991 г.

Главный редактор –

Ахмадов

Муса Магомедович

Редколлегия:

Л. Абдулаев

С. Алиев

М. Бексултанов

Л. Довлеткиреева

Р. Межиева

С. Мусаев

Р. Талхигова

А. Шайхийев

Рукописи принимаются редакцией в первом и втором экземплярах, а также на электронных носителях. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Адрес редакции: 364051

г. Грозный, ул. Маяковского, 92

Тел.: 8 (8712) 22-32-45

E-mail: vaynah_azi@bk.ru

<http://www.vaynah.at.ua>

<http://www.j-vaynah.ru>

Журнал выходит один раз в месяц. 16+

Журнал набран на компьютерной базе ГУ «Литературно-художественный журнал «Вайнах».

Отпечатано в ГУП «ИПК «Грозненский рабочий»

364021 ЧР, г. Грозный,

ул. Интернациональная, 12/35

Подписано в печать

22.11.13

В случаях полиграфического брака обращаться в типографию, указанную в выходных сведениях журнала.

Тираж – 2500 экз.

Свободная цена

Заказ № _____

СОДЕРЖАНИЕ:

ПРОЗА

Абузар АЙДАМИРОВ. *Дороги моей жизни.*

Продолжение. Начало в №10.

Автобиографический очерк.....2

Шаран ДАШАЕВ. *Последний аккорд.* Рассказ.....22

Анзор ДАВЛЕТУКАЕВ. *29 маршрут.* Дийцар.....54

ГОЛОСА ДРУЗЕЙ

Ольга ЕРМОЛАЕВА. *Грибоедов.* Поэма.....16

ЮБИЛЕЙ

Леча ЯСАЕВ. *В этой жизни, корявой и хилой, было все – и почти ничего...* Стихи.....38

ПОЭЗИЯ

Роза МЕЖИЕВА. *Лирический дневник*

Ахмета Асхабова.....40

Ахмет АСХАБОВ. *Я мало видел, мало знаю...* Стихи.....42

Асет ХАЛИКОВА. *Дашочу гIенашлахь шен ирсах Iаба ца кхьнарг...* Стихи.....56

Муса ШАМСАДОВ. *Дуьненан лазам.* Поэми тIера дакъош.....65

ДЕБЮТ

Гунки ХУКИЕВ. *Из записок солдата эпохи застоя...*

Рассказы.....45

ХИЛЛАРШ, ДЕЛЛАРШ

Гарби БЕЧУРКАЕВ. *Шо Iийн Чора*.....57

ДРАМАТУРГИЯ

Абу ИСМАИЛОВ. *Эдал.* Драма в стихах. Продолжение.

Начало в №№9,10. Перевод с чеч. автора.....61

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Лидия ДОВЛЕТКИРЕЕВА. *Ментально-семантические нюансы языковых средств выражения*.....67

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

Римские каникулы Аси УМАРОВОЙ. Беседовал

Саламбек АЛИЕВ.....72

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

Магомед ЦУНЦАЕВ. *Приключения в стране пирамид*....78

ПУБЛИЦИСТИКА

Муслим ГАПУЕВ. *Рожденный под счастливой звездой*.....87

К НАШИМ ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

Зура ИТСМИАЛОРД. *Абрек Зелимхан в творчестве*

Зайнди Аласханова.....93

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

Лидия МАХМУДОВА. *Вкус айвы. Молодая кавказская литература: Проза, поэзия, критика,*

публицистика.....94

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ПЕРЕВОДЧИКАХ.....96

Абузар Айдамиров**Дороги моей жизни***

Автобиографический очерк

Продолжение. Начало в №10

Я всегда с глубоким уважением отношусь к русскому народу, его языку и культуре. Я знал, что для межнационального общения в многонациональном государстве необходим один язык и этим языком является русский язык. Я знал, что без знания русского языка малочисленные народы не могут открыть для себя сокровища мировой науки и культуры. Я бы хотел, чтобы все чеченцы прекрасно владели не только русским, но и английским, немецким, французским, испанским, арабским, тюркским и другими языками. Но не ценой исчезновения с лица земли моего родного чеченского языка и культуры. Ибо с исчезновением языка вымирает народ и его культура. Поэтому совесть не позволяла мне молча взирать, как в школах калечат наших детей, постепенно вытесняя родной язык.

Я написал статью «О состоянии преподавания родного и русского языков в школах республики», в которой изложил трагическое состояние школ республики. В ней я приводил неопровержимые факты, аргументы. Ссылаясь на всемирно известных педагогов, доказывал, что первоначальные знания дети должны получать на родном, материнском языке, изучение родного языка детьми должно предшествовать изучению иностранного языка. Предлагал обучение в 1-4-м классах вести на родном языке, а с 5-го класса переходить к обучению на русском языке, в 5-10-м классах сохранять родной язык и литературу как предмет и при этом обеспечить эти классы учебниками, наглядными и методическими пособиями, составленными с учетом национальной специфики чеченских и ингушских детей. Все учителя не чеченцы, работающие в чеченских школах, должны владеть хоть минимумом родного языка детей. Одним словом, я требовал сохранять и развивать, беречь родной язык, ибо с исчезновением языка исчезает, вымирает сам народ.

Газета «Грозненский рабочий» отказалась опубликовать эту статью. Вскоре состоялось республиканское совещание работников просвещения, науки и культуры, в котором участвовали все секретари обкома КПСС во главе с Титовым и все члены правительства. Здесь я выступил со своими идеями, изложенными в отвергнутой газетой статье.

Выступивший после меня директор Института усовершенствования учителей назвал мое выступление националистическим, вредным. Один товарищ из Шали, то ли зав. РОНО, то ли директор школы, заявил, что Айдамиров заботится не о родном языке, он боится, что, если исключат изучение родного языка в школах, некому будет читать его книги.

Спустя месяц в нашу школу нагрянула комиссия из 18-ти человек во главе с заместителем министра просвещения и того директора ИУУ. Она работала с первого звонка первой смены до самого вечера, придираясь к каждой мелочи. Вечером созвали педсовет. Перед началом заседания с глазу на глаз я заявил руководителю комиссии, что я знал, что они приехали наказать меня за мое выступление на республиканском совещании, хотя наша школа числится среди лучших школ республики, и что они найдут недостатки, чтобы наказать меня. И что в таком случае я тоже пройду по школам республики, потом выступлю в «Литературной газете», «Учительской газете», на всю страну расскажу о тех безобразиях, которые творятся в этих школах.

* Публикуется в сокращении.

Когда обсуждали итоги проверки на коллегии Минпроса, меня не вызвали, работу нашей школы, вроде, признали удовлетворительной. То ли они испугались моих угроз, то ли не хотели официально критиковать новоиспеченного заслуженного учителя, члена СП СССР, РК КПСС, депутата райсовета. Одним словом – дело замяли. Но с тех пор начали притеснять меня исподтишка: ущемляли школу в финансировании, в обеспечении мебелью, инвентарем, стройматериалом и т.д. На конференциях, пленумах, сессиях, совещаниях учителей нашу школу обходили молчанием. Одним словом, этим выступлением я «заработал» себе ярлык националиста.

В 1967 году я решил поехать на учебу в ВЛК при СП СССР. Это решение я принял по трем причинам. Во-первых, я не мог спокойно смотреть, как в школах калечат детей, и быть соучастником этого преступления. Во-вторых, мне надоели придирки со стороны руководителей просвещения. И, наконец, самое главное – я хотел собрать материалы для своих исторических романов в Государственной библиотеке СССР и в архивах Москвы. У меня уже сложился план трилогии. Первая книга: Кавказская война, переселение чеченцев в Турцию в 1865 году. Вторая книга: восстание в Чечне в 1877 году. Третья книга: абреческое и революционное движения в Чечне в начале XX века. И, если мне удастся, отдельно написать роман о депортации чеченского народа в 1944 году. Основу для первой, третьей и четвертой книг я уже заложил: первую я написал более половины, для третьей книги была повесть «Маршонан цIарах», для четвертой – повесть «Кхолламан цхьа де» («Один день из жизни»). По второй книге – о восстании в Чечне в 1877 г. – не было написано ни одной строчки.

В то время написать капитальное произведение на историческую тему было очень трудно. Дело в том, что тогда у нас не было ни одного историка, даже кандидата исторических наук, ни одной работы по истории Чечено-Ингушетии. Не с кем было посоветоваться, не к кому обратиться за помощью. Самому приходилось собирать документальные материалы, литературу по истории Чечено-Ингушетии. Самому обобщать, анализировать их. После восстановления республики открыли научно-исследовательский институт истории, языка и литературы. У института была скудная библиотека, его директор А. Салачов взял машинописные и фотокопии имевшихся у меня литератур, снял с них копии для института.

В 1967 году я получил много фотокопий и микрофильмов из Госбиблиотеки СССР: А.П. Ипполитова «Учение «зикр» и его последователи в Чечне и Аргунском округе», Г. Прозрителева «Шейх Мансур», П.И. Ковалевского «Восстание в Чечне и Дагестане в 1877-1878 гг.», Я. Абрамова «Кавказские горцы», А. Тахо-Годы «К 50-летию восстания Чечни и Дагестана» (1877 г.), А.И. Иванова «Восстание в Чечне и Дагестане в 1877 г.», «Национально-освободительное движение в Чечне и Дагестане в 60-70-х годах XIX в.», «Социально-экономическое положение Чечни и Дагестана в 60-70-х гг. XIX в.», А.П. Ермолова «Записки Ермолова А.П.», «Хронология чеченского восстания 1877 г.», «Шамиль в Чечне» и другие.

Я уже написал более половины первой книги трилогии, однако до завершения ее было еще далеко. Требовалось много документального материала. Я решил издать сокращенный вариант будущей первой и третьей книги трилогии. Мой рассказ «Къонахалла» превратился в повесть «Маршонан цIарах», ее напечатала «Орга», вышла книга «Лабмнашкахь серло». Я объединил главы первой книги и повесть «Маршонан цIарах» в одну книгу и предложил ее книжному издательству. Издательство отказалось включить ее в тематический план. В издании ее помог мне тогда секретарь обкома КПСС Боков Х.Х. Вышла книга в 1968 году.

В Москве после учебных занятий и в выходные дни я работал в Госбиблиотеке СССР и в Центральном государственном военно-историческом архиве. В Госбиблиотеке я прочитал всю литературу, в которой написано о Чечне и

чеченцах, получил фотокопии и микрофильмы нужных мне материалов, сделал очень много выписок.

В 1969 году, когда я возвратился из Москвы, первая книга трилогии была почти завершена. Однако, чтобы включить ее в тематический план книжного издательства, мне пришлось писать много писем в обком КПСС и в Управление по печати при СМ ЧИАССР. Я назвал первую книгу «Черные дни», но руководству издательства оно не понравилось. Потом я назвал ее «Дагийна латта» («Выжженная земля»). Издательство отвергло и его. Наконец, я назвал книгу «Еха буйсанаш» («Долгие ночи»). С этим согласилось руководство издательства.

Роман «Долгие ночи» увидел свет благодаря мужеству главного редактора издательства Вахи Дыхаева и рецензии Хасана Туркаева. После выхода в свет «Долгих ночей» я начал работу над второй книгой трилогии «Молния в горах» о восстании в Чечне в 1877 г. Теперь у меня под рукой были в полном объеме документальные материалы. В то же время за короткий срок я написал несколько рассказов и историческую хронику «Шемалан леламаш» («Одиссея Шамиля»).

Написать последнюю работу меня заставила книга Р. Гамзатова «Мой Дагестан». Как известно, в своем стихотворении «Имам» он оклеветал Шамиля и чеченский народ. Теперь в этой книге он, проливая «крокодиловы слезы», каялся перед дагестанским народом за грешное стихотворение «Имам», восхваляя Шамиля и его дагестанских наивов. Однако в своей книге он не сказал ни одного доброго слова о чеченском народе, который он оклеветал в 1954 году. Когда Шамиль был в опале, дагестанские ученые и литераторы отказались от своего великого соплеменника и «подкинули» его чеченскому народу, кричали на весь мир, что в 1839 году дагестанцы изгнали его, всю последующую двадцатилетнюю войну против России Шамиль вел, опираясь исключительно на разбойничью Чечню и чеченский народ. Когда Шамиль был в опале, Р. Гамзатов назвал его «чеченским воякой и ингушской змеей». Однако, когда звезда Шамиля вновь взошла, отобрав его у чеченцев, не сказал ни одного доброго слова о чеченском народе! Поступок Р. Гамзатова задел мои национальное чувство и гордость.

Прочитав книгу Р. Гамзатова, буквально за один месяц я написал историческую хронику «Шемалан леламаш». В ней я показал Шамиля таким, каким он был на самом деле – мудрым, мужественным, храбрым и смелым, но и коварным, и жестоким государственным деятелем, что всемирно известной личностью он стал благодаря чеченскому народу и военному искусству чеченских наивов.

Хроника не понравилась кое-кому из Дагестана. Мне рассказали, что один сотрудник Дагестанского филиала АН СССР, родом из Шали, по происхождению аварец, перевел хронику на русский язык, представил Дагестанскому обкому КПСС, оттуда хронику передали для проверки доктору исторических наук, профессору В. Гаджиеву с поручением проверить и составить объективную справку. Профессор составил справку, что все написанное в хронике исторически достоверно, документально обоснованно. Тем не менее кое-кто из Дагестана писал жалобы в Чечено-Ингушский обком КПСС и в газету «Ленинский путь» с требованием наказать меня. Но никто по этому вопросу меня не потревожил.

В те годы я пришел к убеждению, что 99% чеченцев абсолютного не знают историю своего народа. Это была не их вина, а их великая беда, ибо, не зная свой пройденный путь, свои прошлые ошибки, заблуждения, народ повторяет их веками. Поэтому, создавая свои исторические романы, я не только преследовал цель восстановления исторической правды о чеченском народе, но и показал ему его ошибки и заблуждения в прошлом, чтобы народ призадумался над ними, осмыслил их, не повторил ныне и в будущем. Поскольку мне физически не под силу было написать о всех событиях в прошлом в художественной прозе, я решил написать хронологию истории Чечено-Ингушетии. Она была

бы доступна и понятна массовому читателю, всем, кто умеет читать. Да и материал был у меня под рукой.

Я поговорил с директором ЧИНИИЯЛ, кандидатом философских наук Саид-Аднаном Сангариевым, ему понравилась моя идея, от имени института он заключил со мною договор. В 1974 году я представил институту рукопись «Хронология истории Чечено-Ингушетии». Сотрудники института Дж. Межидов, М. Мужухоев, И. Оздоев, Х. Туркаев, М. Точиев дали ей положительную оценку, рекомендовали к изданию. Против выступил заведующий сектором атеизма института Мустафинов. Однако хронологию не издали. Вероятно, сверху поступило указание. Хронологию я отложил в архив. Ее издали в 1991 году, спустя 16 лет.

В 1971 году в Турцию направили группу писателей республик Северного Кавказа. В эти годы началось потепление в отношениях между СССР и Турцией, которые с 20-х годов были натянутыми. Поскольку в Турции проживало более миллиона кавказских горцев, наше правительство решило установить с ними культурные, дружественные связи. От нашей республики поехали М. Мамакаев, М. Сулаев, М.-С. Плиев и я.

После этой поездки я написал путевые записки «Под чужим небом» о жизни потомков кавказских горцев, переселившихся в начале 60-х годов XIX века, в современной Турции. Записки составляли более пяти печатных листов. Газета «Ленинан некъ» напечатала два отрывка (20.4.1975 г. в №48, и 24.4.1975 г. в №49).

Книжное издательство в свой тематический план на 1977 год включило мою книгу повестей и рассказов на русском языке, в которых были и записки «Под чужим небом». После типографской верстки цензура запретила ее издание из-за путевых записок «Под чужим небом». На какой-то встрече с работниками науки Власов А.В. сказал, что Айдамиров в своих произведениях восхваляет капиталистическую систему. Потом я узнал, что связанный с этим мой вопрос вынесен на бюро обкома КПСС. В январе 1978 года я написал письмо Власову А.В., в котором аргументировано опровергал измышления клеветников, и вопрос сняли с обсуждения на бюро. Однако меня вызвали к заведующему идеологическим отделом обкома КПСС Тацитову А.И. Меня обвинили в том, что в путевых записках я написал, что в Турции имеются чеченские генералы, сенаторы, что там нет воровства, нищих, не употребляют спиртных напитков, отлично обслуживают в магазинах, гостиницах, ресторанах и т.д., что в беседах с кавказскими выходцами я рассказал о депортации чеченцев и ингушей в 1944 году.

У нас с Тацитовым состоялся такой смешной разговор.

– Вы пишете, что в Турции имеются чеченские и ингушские генералы. Что скажут наши чеченцы и ингуши, прочитав ваше произведение? Скажут, почему в Турции имеются чеченские и ингушские генералы, а в Советском Союзе нет? По-вашему, выходит так, что по отношению к чеченцам и ингушам у нас дискриминация. Вы пишете, что у турок нет воров, нищих, алкоголиков, а у нас их кругом. У нас в сфере обслуживания населения одни безобразия, а у турок все это поставлено на высшем уровне. Вы открыто восхваляете капиталистическую систему! Кроме того, вы рассказывали там о депортации чеченцев и ингушей при культе личности Сталина. КПСС осудила культ личности Сталина и несправедливость по отношению к чеченскому и ингушскому народам, возвратила их на свою родину. Зачем после всего этого ворошить прошлое?

– Что здесь крамольного, Александр Иванович? – говорю я. – Я ничего не выдумал, написал правду. Ведь были же при царе чеченские и ингушские генералы, но никто не говорит, почему при царе они были, а при советской власти нет ни одного? Вот, в 1975 году в Абхазии вышла монография профессора

Дзидзария «Мухаджирство и проблемы истории Абхазии в XIX столетии». В ней автор на целых двадцати страницах перечисляет имена кавказских горцев, которые занимали в Турции высшие государственные и военные должности – председателя меджлиса, премьер-министра, генералиссимуса, генералов, министров и т.д. И эта книга не сделала сенсацию в Абхазии. А вы устроили здесь панику из-за каких-то трех безвестных чеченских и ингушских генералов в Турции!

– Ну, там Абхазия, а мы живем в Чечено-Ингушетии!

– А что, разве Абхазия не входит в состав Советского Союза? Или для Чечено-Ингушетии особая мерка!

– Ну, не будем отклоняться от темы!

– Я не отклоняюсь от темы, это как раз по нашей теме. Разве секрет, что чеченцев и ингушей депортировали в 1944 году? Да это знает весь мир! В Турции кавказские выходцы спрашивали об этом. Я и рассказал. А что я мог делать? Говорить, что чеченцев и ингушей не изгоняли с родины в 1944 году? Да они высмеяли бы меня!

Одним словом, мои путевые записки «Под чужим небом» не издали, они ушли в архив. Не издали вообще эту книгу.

По возвращении из Москвы, по просьбе педагогического коллектива, я опять возглавил Мескетинскую среднюю школу.

В 1977 году мне присвоили почетное звание «Народный писатель Чечено-Ингушской АССР». Вслед за этим с 1978 года начались самые трудные, горькие дни моей жизни, которые и так не были легкими. Все началось с того, что мои исторические произведения, в которых отражалась историческая правда, противоречили фальсификаторской концепции о добровольном вхождении Чечено-Ингушетии в состав России.

В 1970 году я сделал попытку издать повесть «Именем свободы» на русском языке. Халид Ошаев и бывший заведующий отделом пропаганды и агитации обкома КПСС Эдуард Лин дали положительные отзывы и рекомендовали ее к изданию. Однако Госкомиздат РСФСР затребовал ее в Москву, там отдали на рецензирование доктору исторических наук, профессору МГУ В.А. Федорову и кандидату филологических наук, преподавателю Литинститута А. Власенко. Оба они дали отрицательные отзывы, при этом В.А. Федоров – разгромный, с великодержавно-шовинистических позиций.

В 1973 году я предложил московскому издательству «Современник» русский перевод романа «Долгие ночи». Первые отзывы литературных критиков В. Степаненко и И. Чернолуцкого были в основном положительные, они сделали ряд замечаний и высказали ряд предложений, как доработать рукопись. Я внес некоторые незначительные дополнения и изменения. В 1975 г. повторно представил роман издательству. Московский критик Н. Нефедов раскритиковал роман с великодержавно-шовинистических позиций. Я легко опроверг его инсинуации. В 1976 году «Современник» отдал роман на рецензирование известному кавказоведу, автору упомянутой выше статьи «Шейх Мансур и его турецкие вдохновители», капитального труда «Мюридизм на Кавказе», доктору исторических наук, профессору Н. Смирнову. Он в целом положительно оценил роман, но не рекомендовал его издание: «Автор прекрасно знаком с историческим материалом и фактами, является знатоком местного фольклорного материала, этнографии и топографии Чечни. С этой стороны в работе все благополучно. Но меня беспокоит общий вопрос о целесообразности переиздания труда Айдамирова вообще... Воспоминания о кровавых днях прошлого не всегда могут принести историческую пользу... Автор владеет большим фактическим материалом, хорошо разбирается в событиях и людях, начиная от царских генералов и кончая местными деятелями. Ошибочных характеристик, неверных и надуманных событий здесь нет. Но жестокость, щедро изображенная в произведении, не всегда помогает раскрыть трагизм положения, отчаяние народа.

Вывод: с исторической точки зрения труд А. Айдамирова не может встретить возражений, если бы не чрезвычайное увлечение самыми неприглядными сторонами, кровавыми экзекуциями, примерами жестокости. Сейчас этот материал не так звучит, как прежде! Необходимо поставить вопрос: помогает он в наше время или мешает укреплению братских, интернациональных связей на Кавказе?»

С одной стороны, прав был Н.А. Смирнов. Я сам думал и убежден в том, что нельзя все время ворошить кровавое, трагическое прошлое, беречь старые кровоточащие раны. Надо стремиться к тому, чтобы народы забыли старую вражду, войны, укрепить между ними дружбу и братство.

Но «о кровавых днях прошлого» первыми в 50-х годах писали они – багировы, данияловы, смирновы, фадеевы, гамзатовы, колосовы и другие советские историки и литераторы, при этом бесстыдно извращая историческую правду, обвиняя чеченский народ во всех смертных грехах, навешивая на него всевозможные позорные ярлыки, называя чеченцев «бандитами», «разбойниками», «фанатиками», «изменниками», «предателями» и т.д. 25 лет тому назад, когда он, Н.Л. Смирнов, писал статью «Шейх Мансур и его турецкие вдохновители», почему-то сам не думал, помогает он в наше время укреплению братских, интернациональных связей на Кавказе или мешает. Вспомнил обо всем этом, когда я написал историческую правду о зверствах, кровавых методах царских завоевателей в Чечне, об истреблении ими чеченского народа в течение 80-ти лет!

Именно клевета на чеченский народ, появившаяся в советской историографии в 50-х годах, заставила меня написать мои исторические романы.

В январе 1977 года «Современник» окончательно вернул мне русский перевод романа «Долгие ночи». И.о. директора издательства В. Сорокин сопроводил его длинным письмом, в котором обобщил критические замечания всех рецензентов. В заключении он писал: «Наконец, несколько замечаний по роману, как мне кажется, очень важных. Автору следовало вывести вместо забитого Васала, беглого солдата, другого русского, который был бы инициативным человеком, который мог бы вести за собой чеченцев... Сейчас в романе только одни русские – завоеватели, т.е. враги чеченского народа...»

Последнее замечание без основания. В моих исторических романах много положительных образов русских, которые глубоко сочувствуют героической борьбе чеченского народа за свою независимость, вместе с чеченцами сражаются против их общего врага – царского самодержавия, за общую свободу чеченского и русского народов. Правда, в моих романах эти русские не «ведут за собою чеченцев...»

В советской национальной литературе, в том числе и чеченской, бытовала искусственная интернациональная дружба. То есть представитель русского народа, «старший брат», всегда выступал в роли наставника, опекуна «младших братьев», учил их уму-разуму. На писательских съездах, на встречах с русскими писателями в своих выступлениях национальные писатели обязательно вставляли слова «великий русский народ», «наш старший брат» и т.п. Мне претило все это. Я очень уважаю русский народ, его культуру, его язык, ценю его вклад в просвещение, науку и культуру, народное хозяйство Чечено-Ингушетии. Но зачем преклоняться, раболепствовать перед каким-нибудь народом или отдельными личностями? Я написал ответ В. Сорокину: «Русский мужик был для русского помещика только «говорящим орудием», послушным холопом, которого можно было избивать, продавать, обменять на гончих собак. Помещик безнаказанно издевался над женами, дочерьми крепостных крестьян. Мог ли такой русский вести чеченцев за собой? У чеченцев был двухсотлетний опыт героической борьбы за свою свободу, и они вовсе не нуждались, чтобы их поводырем стал темный, безропотный русский мужик!»

На этом я потерял все надежды издать «Долгие ночи» в Москве.

Между прочим, подобные мысли мне навязывал и Тацитов А.И. Прочитав

перевод романа «Долгие ночи», он сказал мне, что в нем все русские показаны жестокими, вероломными, одним словом, преступниками.

– В романе я не делил персонажи по национальным и религиозным признакам, – говорил я ему. – В нем имеются жестокие, вероломные генералы и чиновники – русские, чеченцы, грузины, дагестанцы, армяне, немцы, осетины... Вместе с тем, показаны положительные образы представителей этих народов. Таких примеров очень много в романе.

– Вот на русско-турецкой границе умирает Арзу, – говорит Тацитов. – Около него турок, курд, грузин, армянин. А русского нет. Почему?

– Потому что там не было русского.

– Но вы же художник, имеете право на вымысел. Надо было показать одного русского, который склонился над умиравшим Арзу, поддерживая его голову.

– Я не имею на это права.

– Почему?

– Потому что это – исторический роман, документальное произведение. Там не было русского. Где были русские – я их показал. И хороших, и плохих.

Тацитов делал мне ряд наивных предложений, которые я отвергал со смехом.

Была у нас с Тацитовым крупная стычка из-за моего выступления на XVII Областной партийной конференции, в котором я подверг критике курируемые Тацитовым идеологические учреждения и организации («Грозненский рабочий», 28-12-1980 г.).

Одним словом, своим упрямым характером в лице Тацитова А.И. я постепенно нажил себе сильного, коварного врага.

В начале 1978 года я предложил республиканскому книжному издательству русский перевод романа «Долгие ночи», а в конце того же года рукопись – второй книги трилогии – «Молния в горах».

В дальнейшем мне пришлось вести сражение на двух фронтах.

В книжном издательстве уже не работало прежнее руководство, которое издало мои книги «Именем свободы» и «Долгие ночи». Директор издательства Джунид Чапанов, который всегда относился ко мне доброжелательно, вышел на пенсию. Моего друга, главного редактора Ваху Дыхаева, освободили от должности за его принципиальную позицию.

Рукопись перевода «Долгие ночи», по моей просьбе, для рецензирования отдали в книжное издательство – доктору исторических наук, профессору ЧИГУ Н.П. Гриценко, в Союз писателей республики – известному писателю, литературоведу, доктору филологических наук, профессору, академику АН Грузинской ССР Джусойты Нафи Григорьевичу. Оба дали роману положительные отзывы с незначительными замечаниями. Н.П. Гриценко писал: «Читая рукопись романа, чувствуешь, что А. Айдамиров хорошо изучил архивные материалы, знает быт и нравы своего народа, влюблен в него. Это странно и похвально для него. Роман написан с марксистско-ленинских классовых позиций, в нем воплощены идеи интернационализма, дружбы народов, показана колониальная политика самодержавия на Северном Кавказе, тяжелое положение народных масс в России, Турции. Большинство глав, посвященных переселению чеченцев в Турцию, читается с захватывающим интересом. Все показано правдиво и убедительно. Это – литературная удача автора... Для того, чтобы выпустить роман в свет, необходимо отдельные места уточнить, заново перечитать. Мне кажется, роман должен преследовать следующие цели: укрепление дружбы народов, проповедь атеизма, не безнадежность, а воззвание о светлом будущем. Роман А. Айдамирова будет лучше, если он учтет мои принципиальные замечания».

Учитывая замечания рецензентов, я внес в рукопись незначительные дополнения и изменения, возвратил ее издательству.

К этому времени Тацитов А.И. по одному пригласил в идеологический отдел обкома КПСС всех тех, кто были причастны к изданию «Долгих ночей» на

чеченском языке, и рецензентов русского перевода, редакторов: Х. Туркаева, Ю. Айдаева, Р. Ахматову, Ч. Гриценко и других. Обработал их, взял у них нужные ему объяснительные.

После авторской доработки для контрольной проверки рукопись направили П.П. Гриценко и Н.Г. Джусойты. После вызова в обком КПСС Гриценко Н.П. в корне изменил свою первоначальную оценку романа, написал отрицательный отзыв. Н.Г. Джусойты был неподвластен Чечено-Ингушскому обкому КПСС, дал всестороннюю, блестящую оценку роману: «...А. Айдамиров, безусловно, влюблен в свой народ, но это не слепая стереотипная любовь, которая столь часто декларируется в стихотворных излияниях на всех языках. Это – любовь выстраданная, осознанная исторически и идеологически, любовь, обращенная не к прошлому, а к будущему. Роман А. Айдамирова можно анализировать долго и обстоятельно, но в данном случае в этом нет необходимости. Роман не вызывает у меня абсолютно никаких сомнений как в части его идеологической содержательности и верности, так и в смысле его художественного уровня. Он написан на уровне самых добротных современных исторических романов.

В конце этой краткой рецензии хочется отметить еще одно прекрасное свойство писательской позиции Абузара Айдамирова. В романе множество представителей разных национальностей – чеченцы, ингуши, русские, грузины, аварцы, турки, но ко всем авторское отношение не только объективно, но прямо-таки уважительно, проникнуто подлинно интернационалистическим духом. Слова Белинского, приведенные в качестве эпиграфа к первой части романа: «Любовь к отечеству должна быть вместе с тем и любовью к человечеству», – органично реализованы в художественной ткани произведения. Национальные, стереотипные предрассудки, по сие время имеющиеся в быту у всех народов, начисто отсутствуют в романе, а это, к сожалению, встречается не так уж часто в исторических повествованиях.

Думаю, что с выходом в свет романа А. Айдамирова на русском языке чеченский исторический роман займет достойное место в большой советской прозе. Издать его на русском языке необходимо еще и потому, что роман ярко показывает исходный рубеж всемирно-исторического явления в нашей общественной, идеологической и нравственной деятельности, которое носит название дружбы народов.

Днний роман А. Айдамирова, таким образом, имеет не только общеэстетическое значение, но и по всему пафосу является сугубо современным произведением, очень нужным в процессе дальнейшего сближения наших народов путем усвоения правды исторического прошлого народов.

Думаю, что с появлением на книжной полке читателей романа «Долгие ночи» на русском языке чеченская художественная проза упрочит свою репутацию в глазах не только чеченского, но и всесоюзного читателя. Надо только издать его в тщательно отредактированном виде (имею в виду редакцию перевода) и не тянуть с этими делом впредь».

(Рецензию Джусойты Н.Г. впоследствии полностью опубликовала газета «Голос Чеченской Республики» под названием «Влюбленный в свой народ» с моим предисловием. 29 марта–5 апреля 1997 г. №12 (21004)).

Добрейший Гриценко Н.П. под давлением Тацитова А.И. вовсе запутался во втором отзыве. Я легко опроверг его с трудом выдуманные замечания. Тогда руководство книжного издательства организовало против меня своих редакторов Минтяка И.И. и Поваляева Ю.С. Редактором рукописи романа назначили местного, безвестного поэта Минтяка И.И. Он написал крикливое редзакключение, а Поваляев Ю.С. отзыв, в котором он назвал роман идейно вредным, антирусским, антинаучным, противоречащим политике компартии, в частности новой исторической концепции о добровольном вхождении Чечено-Ингушетии в состав России. Оба они были профанами в исторической науке, тем более в истории Чечено-Ингушетии и Кавказа, потому я легко опроверг их голословное критиканство. Тем не менее руководство издательства приняло их клеветнические измышления за основу.

Чтобы подкрепить свою шаткую позицию, руководство издательства в апреле 1980 г. направило роман на рецензирование в Институт истории АН СССР, рецензирование его поручили там старшему сотруднику института, кандидату исторических наук, доценту Маршаеву Р.Г. родом из Дагестана. Маршаев Р.Г. дал весьма положительный отзыв.

Наступил 1981 год. В следующем 1982 году намечалось торжественно отметить в республике и в Москве 200-летие добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России. Все газеты восторженно писали, радио и телевидение беспрестанно трубили об этом, издавали сборники, проводили научно-практические конференции, посвященные этой дате, в которых участвовали ученые со всех концов страны. И я, словно Дон Кихот Ламанчский против ветряной мельницы, выступал против этой мощной идеологической машины.

В 1981 году Тацитов А.И. лично сам от имени обкома КПСС направил роман на рецензирование в Москву критику В.А. Чалмаеву, известному в литературном мире своей нечистоплотностью, как апологет дореволюционных реакционных исторических личностей, великодержавного шовинизма и монархизма («Вопросы литературы», 1969 г. № 8, В. Оскоцкий. Историзм и история. 1972 г., с.190-191 и его же «Богатство романа». М.,1976 г., с.81-87; Я.А.Лукин. Единство, рожденное в борьбе и труде. М.,1972 г., с.229, В.Озеров. Литературно-художественная критика и современность. «Вопросы литературы», 1972 г., №4; А. Бочарев. «Человек и война», М., 1973 г. с. 424).

Чалмаев отлично выполнил заказ Тацитова А.И., а последний собрал все отрицательные отзывы, объяснительные, которые он добыл у некоторых товарищей, затребовал отзывы из «Современника», даже вытащил из издательского архива отзыв В.А. Федорова на повесть «Именем свободы». Обобщив воедино всю эту грязь, он сфабриковал справку для Власова А.В. Помощник первого секретаря обкома КПСС Подпорин В.В. в присутствии Ахматовой Р.С. ознакомил меня с этой справкой и приложениями.

Мое терпение лопнуло, и я написал письмо Власову А.В., в котором разоблачал Тацитова А.И. в его грязных махинациях против меня.

31 марта 1982 года состоялся пятый пленум Чечено-Ингушского обкома КПСС с длинной повесткой: «О задачах областной партийной организации по дальнейшему усилению идейно-политического и интернационального воспитания трудящихся республики в свете решений XXVI съезда КПСС и указаний Генерального Секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР тов. Л.И. Брежнева».

В докладе Власов А.В. подверг критике меня и роман «Долгие ночи», но в опубликованном тексте доклада этого не было. Приводился текст выступления Р.С. Ахматовой: «Известно, что художественное освоение прошлого и настоящего требует от писателя большой политической зоркости, глубокого, с марксистско-ленинских позиций осмысления того, о чем он пишет, того, что он несет своим творчеством широким массам. К сожалению, не всем нашим литераторам удается с четких классовых позиций показать события прошлого и настоящего. В этом отношении совершенно правильно подвергнут в докладе критике выпущенный в начале 70-х годов роман Абузара Айдамирова «Долгие ночи». Виноват в этом и Союз писателей республики, не увидевший просчеты этого произведения. Но в связи с этим возникает вопрос, как наши критики и рецензенты могли обойти существенные недостатки этого романа». («Грозненский рабочий», 1 апреля 1982 г., №77 /17615).

Спустя неделю после пленума я приехал в Союз писателей. Когда я зашел в кабинет Р. Ахматовой, она горько заплакала:

– Абузар! Клянусь Аллахом, не хотела этого... Меня заставили выступить... Вот, Сацита (секретарь-машинистка) – свидетель. Тацитов заставлял меня восемь раз переделывать выступление... Я же женщина... ты один защищал

меня всегда, теперь и ты отвернешься от меня... мои недруги уже ликуют...

– Не плачь, Рая, – сказал я, – если бы ты выступила против меня даже добровольно, я бы не изменил свое отношение к тебе. Как ты сказала, ты – женщина, а я уважаю женщин.

После этого случая она со всей силой помогала мне в издании романа «Молния в горах».

Одновременно с 1979 года я вел ожесточенную борьбу за издание романа «Молния в горах».

Против моей воли редактором рукописи романа назначили Хасмагомеда Эдилова. Он был моим другом, хорошим поэтом, но слабым прозаиком. Это еще ничего, вся беда была в том, что его знания по исторической науке не простирались дальше учебников истории средней школы. И эта его слабость скоро проявилась в написанном им редзаклучении на «Молнию в горах». Эдилов работал тогда редактором книжного издательства. Не знаю, чем его соблазнило руководство издательства, но он с такими наивными доводами отверг роман. И в конце своего заключения написал, что Айдамиров не владеет чеченским литературным языком, роман написан на ножай-юртовском диалекте. Разумеется, я не согласился с редзаклучением Эдилова. Рукопись направили на рецензирование в ЧИНИИИЯЛ и Союз писателей. Рецензенты Якуб Вагапов и Алвади Шайхиев дали положительные отзывы, рекомендовали роман к изданию. Руководству книжного издательства не нужны были положительные отзывы на роман. Рукопись отдали на рецензирование редактору книжного издательства Айндину Лепиеву, главному редактору республиканского радиовещания Умару Ахмадову, сотруднику ЧИНИИИЯЛ, кандидату исторических наук, апологету концепции о добровольном вхождении Чечено-Ингушетии в состав России Сираждиному Умарову. Все трое решительно отвергли роман.

То, что я восхваляю мужество чеченского народа, высказываю мысли, унижающие и оскорбляющие другие народы, писал и Лепиев. Впоследствии в обкоме КПСС это повторил С.М. Лорсанукаев.

Я написал письмо на имя нового директора издательства Галаева и главного редактора Лорсанукаева на 118 машинописных страницах, в котором пункт за пунктом аргументировано опроверг инсинуацию подручных руководства книжного издательства.

В июне 1981 года, по моему настоянию, рукопись направили на рецензирование компетентным ученым в ЧИНИИИЯЛ. Там ее рецензировали кандидаты исторических наук Шарпуддин Ахмадов, Явус Ахмадов, Таус Исаева и кандидат филологических наук Хасан Туркаев. Все четверо дали положительную оценку роману и рекомендовали к изданию. Однако руководству издательства и его шефу Тацитову не понравились такие отзывы, и последний потребовал от рецензентов написать отрицательные отзывы. Однако Ш. Ахмадов, Я. Ахмадов и Т. Исаева отказались изменить свои мнения о романе, в июле 1982 года, даже с дополнениями в лучшую сторону, повторили свои отзывы.

Такую же принципиальную позицию занял редактор книжного издательства Асланбек Осмаев, назначенный редактором рукописи романа. Он написал положительное редзаклучение и рекомендовал роман к изданию. Его уговаривали изменить свою позицию, но он оставался непреклонным.

До 1975 года у меня с Айдаевым Ю. были приятельские отношения, в своих литературно-критических трудах он очень хорошо писал о моем творчестве, особенно о романе «Долгие ночи». Написал положительный внутрииздательский отзыв о путевых записках «Под чужим небом». Однако с 1976 года резко изменил свое отношение ко мне и к моему творчеству, незаслуженно критиковал мои рассказы «Жерочун дийцар» и «КІ ант веллачу дийнахь» (Сборник литературно-критических статей «Грани жизни», г. Грозный, 1976 г., стр.16-18). Наверняка, он предвидел скорую мою опалу. Впоследствии, будучи главным редактором

книжного издательства, под давлением своего партийного шефа Тацитова А.И. последовательно и упорно выступал против меня.

Айдаев был умный и талантливый ученый, человек культурный и тактичный. Хотя он вольно или невольно выступал против меня, но он прекрасно знал, что я прав, мои исторические произведения, как он сам не раз утверждал раньше, исторически верны, написаны с марксистско-ленинских классовых позиций, в духе интернациональной дружбы народов.

Руководство издательства не признало отзывы Ш. Ахмадова, Я. Ахмадова, Т. Исаевой и Х. Туркаева, упорно цеплялось за отзывы С. Умарова, А. Лепиева, У. Ахмадова. Я вновь обратился к Власову А.В. с просьбой создать специальную комиссию из компетентных, принципиальных людей, пусть эта комиссия обсудит мой роман в моем присутствии, я могу защитить его перед любой комиссией и учеными.

Летом 1982 года обком КПСС создал комиссию в составе Я. Ахмадова, Т. Исаевой, Х. Туркаева, кандидатов филологических наук Казбека Гайтукаева, Исмаила Мунаева, кандидата философских наук Вахи Гадаева. Руководителем комиссии назначили заместителя заведующего идеологическим отделом обкома КПСС Руслана Нашхоева, который, вопреки воле своего шефа Тацитова, в этом вопросе занял твердую принципиальную позицию, сделал для меня все, что в его силах, чтобы издать роман «Молния в горах». Доброжелательно ко мне относился и секретарь обкома КПСС Магомед Бузуртанов, поддерживал меня, как мог, но мои вопросы Власов решал не через него, а с Тацитовым.

Все члены комиссии дали письменные отзывы, затем их объединили на ученом Совете ЧИНИИИЯЛ. Мне не разрешили принять участие в обсуждении рукописи. Из членов комиссии Я. Ахмадов, Ш. Ахмадов, Т. Исаева, В. Галаев, К. Гайтукаев, И. Мунаев решительно выступили за издание романа «Молния в горах» с незначительными дополнениями и изменениями. Против выступил С. Умаров, а Х. Туркаев занял нейтральную позицию, как говорится, «золотую середину». Р. Нашхоев поддержал большинство членов комиссии.

После доработки мною рукописи вместе с материалами комиссии ее направили в Союз писателей республики для контрольной проверки.

Правление СП поручило члену правления Алвади Шайхиеву, а книжное издательство своему редактору Асланбеку Осмаеву проверить, как автор осуществил рекомендации обкомовской комиссии. А. Шайхиев и А. Осмаев составили блестящую, объективную справку, обратились к правлению СП с просьбой рекомендовать роман к изданию. Все члены правления СП – Р. Ахматова, Ш. Арсанукаев, А. Боков, Г. Гагиев – единодушно поддержали предложение А. Шайхиева и А. Осмаева. За его принципиальную позицию руководство книжного издательства немедленно уволило А. Осмаева с работы.

Из-за ее выступления на пятом пленуме обкома КПСС все думали и думают, что Р. Ахматова была против меня. Это не так. Ее принудили к этому как председателя правления СП и члена обкома КПСС. Зато в моей борьбе за роман «Молния в горах» она последовательно и решительно поддерживала меня, оказывала всестороннюю, посильную помощь. Даже в моем присутствии разругала Тацитова А.И. в его кабинете. После обсуждения «Молнии в горах» Р. Ахматова написала письмо Власову А.В. о том, что она лично сама внимательно прочитала рукопись, роман написан на основе исторически достоверных фактов, с марксистско-ленинских классовых позиций, в духе интернационализма и дружбы народов, на высоком идеологическом и художественном уровне и т.д. На самом деле Р. Ахматова никогда в руки не брала рукопись!

Мое письмо Власову А.В., написанное 16 сентября 1981 года, долго оставалось без ответа.

2 ноября 1982 года через первого секретаря Ножай-Юртовского РК КПСС он пригласил меня на прием.

А.В. Власов был умным, культурным, тактичным человеком и партийным руководителем. Лично ко мне он относился с большим уважением, а по важному вопросу с глубоким сочувствием. Он всегда принимал меня вечером, после рабочего дня. Мы беседовали по два-три часа.

И на этот раз он принял меня вечером. Он извинился передо мной, что так долго не мог принять меня, сказал, что все это время он был занят подготовкой и проведением юбилейных мероприятий в республике и Москве, которые завершились в конце октября этого года.

Наша беседа началась с того письма, в котором я писал о коварстве и лицемерии Тацитова А.И. в решении судьбы моих романов.

– По отношению к Александру Ивановичу ты глубоко ошибаешься, Абузар, – сказал он. – Он честный, принципиальный партийный работник и добродушный человек. Если обком партии против издания твоих исторических романов в таком виде, в этом вина не Тацитова и обкома партии. Мы проводим политику ЦК КПСС. В данном случае о 200-летию добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России. Империалисты на всех международных форумах тычут нам в глаза, что сегодня Советский Союз – единственная в мире колониальная держава, она не дает свободу и независимость народам, которые царизм насильственным путем присоединил к России. Все народы, входящие в состав СССР, давно объявили, что они добровольно присоединились к царской России. Осталась только одна Чечено-Ингушетия. Московские и местные историки на основе архивных документов доказали, что Чечня в 1781 году добровольно присоединилась к России. По Постановлению ЦК КПСС, мы готовимся в 1982 году торжественно отметить 200-летие добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России. А ты в своих романах пишешь совершенно противоположное. Тоже на основе исторических фактов. Народ верит тебе. Не ведая сам, ты вмешался в международную политику. Давай договоримся так. Мы издадим на русском языке третью часть романа «Долгие ночи», в которой события происходят в Турции. Мы издадим и второй роман, если ты внесешь дополнения и изменения с учетом замечаний рецензентов и редактора. Если ты в этом пойдешь нам на уступки, мы переиздадим и на чеченском, и на русском языках все твои произведения. Я знаю, что ты кристально чистый человек и лично верю тебе и глубоко уважаю. Иначе не присвоили бы тебе почетное звание народного писателя и не наградили бы орденом Трудового Красного Знамени. Ты очень упрямый и принципиальный. Нельзя так упрячиться и лезть на рожон. Надо обходить острые углы.

– Таким меня создал Бог, – говорю я. – Мне скоро исполнится 50 лет. Точнее – 55. Поздно изменять характер, я не изменю ни одной строчки из своих романов. Ибо они написаны, как утверждают многие компетентные рецензенты, – на исторически достоверных фактах, с марксистско-ленинских классовых позиций, в духе интернационализма и дружбы народов. Если вы не издадите роман «Молния в горах», в этой республике я не буду печатать ни одной строчки. Я не ради славы, почетных званий и орденов писал эти книги. Я писал их не ради материальных благ, хотя и всю жизнь живу в бедности и материальной нужде. Я писал их для народа. Скажите руководству книжного издательства, чтобы со мной заключили договор на издание «Молнии в горах» и выдали мне аванс. Последнее я требую по принципу.

Власов нажал кнопку селектора.

– Александр Иванович, скажите завтра Шанину, чтобы он распорядился о том, чтобы книжное издательство заключило договор с Айдамировым на книгу «Молния в горах» и срочно выдало ему аванс.

Я слушал ответы Тацитова.

– Александр Владимирович, чтобы заключить договор с автором, его произведение должно иметь два положительных отзыва специалистов. На книгу Айдамирова имеется два отзыва – положительный и отрицательный. При этом положительный отзыв написан приятелем Айдамирова по его личной просьбе...

Я давно подозревал, что Тацитов скрывает правду от Власова, а теперь убедился.

– Скажите ему, что роман «Молния в горах» имеет 22 положительных отзыва, – подсказал я.

– Айдамиров сидит у меня. Он говорит, что его книга имеет 22 положительных отзыва!

Тацитов замолчал. Я видел недовольство на лице Власова.

– Александр Владимирович, все эти годы Тацитов дезинформировал вас. А вы не верили мне, защищали его как честного, принципиального партийного работника и добродушного человека.

Я рассказал ему о решении специальной комиссии во главе с Р. Нашхоевым и правлением Союза Писателей.

– Я не получил информации об этом. Даю тебе слово, я лично разберусь в этом вопросе раз и навсегда!

После этой нашей беседы Власов А.В. отстранил Тацитова от решения моих дел, передал их секретарю обкома КПСС Бузуртанову Магомеду Османовичу.

С тех пор прошло три месяца. В Феврале 1983 года Бузуртанов М.О. пригласил меня в обком КПСС. В его кабинете сидели Х. Галаев и С. Лорсанукаев. Бузуртанов вслух зачитал протоколы Ученого Совета ЧИНИИИСФ и правления СП по обсуждению романа «Молния в горах» и письмо Р. Ахматовой на имя Власова А.В.

– Вам ясно? – обратился он к Галаеву и Лорсанукаеву. – Первый секретарь обкома КПСС товарищ Власов Александр Владимирович поручил мне довести до вашего сведения, чтобы вы без всяких дальнейших обсуждений, рецензирования и прочих волокит сегодня же заключили договор с Абузаром Айдамировым на его книгу «Молния в горах», выплатили ему причитающийся аванс, обязать вас немедленно начать работу по изданию романа. И еще поручил мне передать вам, если он хоть раз услышит от вас или других недоброе слово об Айдамирове и его творчестве, тот будет строго наказан. Можете быть свободным.

В июле 1981 года Указом Президиума ВС СССР меня наградили орденом Трудового Красного Знамени за заслуги в народном образовании. К этой награде меня представил мой большой друг, первый секретарь Ножай-Юртовского РК КПСС Харсанов Лечи Мусулчаевич. Он был одним из немногих друзей Власова А.В.

В ноябре 1983 года Р. Ахматова сказала мне, что она договорилась с Власовым А.В. торжественно отметить мое 50-летие.

Я категорически отказал.

– Скажи Власову, что с 1975 года в республике не издают мои произведения, с 1979 года газеты не печатают мои очерки и статьи, в печати, радио и на телевидении не упоминают мое имя, все эти годы меня травят и преследуют. При таких обстоятельствах официальное мероприятие, посвященное моему 50-летию, выглядит по меньшей мере как комедия!

В начале декабря поздно вечером ко мне приехал новый первый секретарь Ножай-Юртовского РК КПСС Ваха Тагаевич Сагаев.

– Из-за твоего упрямого характера Власов отчитал меня и Раису Ахматову, как нашкодивших школьников!

– Из-за меня?

– Ну, да. Говорит, что ты отказываешься отмечать свое 50-летие. И мы опустили руки. Власов обязал нас провести это мероприятие в ближайшие десять дней. Если он не хочет, говорит он, пусть Абузар не отметит эту дату у себя дома – мы обязаны. Айдамиров пользуется любовью и уважением народа. Если мы не отметим его 50-летие, народ скажет, что мы преследуем его. Этого нельзя допустить. Поэтому мы должны отметить эту дату на высшем уровне, сказал он. Через пять дней мы с Раисой должны отчитаться перед Власовым о проделанной нами работе.

Я махнул рукой, пусть делают, что хотят. Может быть, Власов А.В. хочет до конца искупить свою вину передо мною.

Да и нетактично было заупрямиться после того, как он дал указание издать роман «Молния в горах».

Торжественный юбилейный вечер республиканского масштаба был назначен на 15 декабря. За несколько дней студенты меня пригласили в университет. В назначенный день вечером мы с Раисой Ахматовой, Ахмедом Боковым и Алвади Шайхиевым пришли в университет. У подъезда мы встретились с тремя преподавателями. Мы спросили их, в какой аудитории собрались студенты. Они подсказали нам и быстро смылись. Со студентами в аудитории были из многочисленных преподавателей университета только организатор этой встречи Эльбрус Минкайлов и с ним Тамара Вагапова. В годы моей опалы даже некоторые мои друзья избегали меня как прокаженного. Поэтому к студентам и не пришли преподаватели.

На второй день вечером меня пригласили в пединститут. Там вместе со студентами меня встретили все преподаватели во главе с ректором М.У. Умаровым. Затем провели торжественный вечер в Ножай-Юртовской школе-интернате.

Юбилейный вечер республиканского масштаба состоялся в актовом зале Дома профсоюзов 15 декабря. Все места были заняты, люди стояли между рядами и вдоль стен. В приветственных адресах и выступавшие перечисляли все мои произведения, кроме романа «Долгие ночи». Он был назван только в приветственном адресе от ИУУ и в выступлении его представителя Асет Вагаповой.

Заведующий отделом культуры обкома КПСС Руслан Сайханов зачитал приветственный адрес юбиляру от обкома КПСС, подписанный первым секретарем Власовым А.В. Это был первый случай в истории республики, когда первый секретарь обкома КПСС обратился с приветственным адресом к юбиляру, тем более писателю, более того – опальному. В зале долго не смолкали горячие аплодисменты. До этого участники вечера были какие-то скованные. Письмо Власова А.В. было явным признаком, что пришел конец моей пятилетней опале.

Потом в Доме культуры с. Ножай-Юрт отметили мое 50-летие, где собрались тысячи моих земляков.

Окончание следует.

Ольга Ермолаева

Родилась в городе Новокузнецке (бывший Сталинск) Кемеровской области. Жила на Дальнем Востоке (Хабаровский край); была маршрутной рабочей в геологической приисково-разведочной партии на Сихотэ-Алине; работала воспитательницей в детском доме для «трудных» детей, занималась журналистикой. Окончила режиссерско-театральный факультет Московского государственного института культуры. С 1978 года заведует отделом поэзии журнала «Знамя». Принята в Союз писателей в 1980 году. Стихи публиковались в центральной печати; изданы сборники стихотворений «Настасья» (1978), «Товарняк» (1984), «Юрьев день» («Советский писатель», 1988), «Анютины глазки» (Фонд русской поэзии, Санкт-Петербург, 1999). Живет в Москве.

Грибоедов

Поэма

Тут путешественники кто углем, кто карандашом записывают свои имена или врезают их в камень. Людское самолюбие любит марать бумагу и стены; однако и я, сошедши под большую арку, где эхо громогласное, учил его повторять мое имя.

*А.С.Грибоедов, «Путевые записки.
От Тифлиса до Тегерана», 1819 год.*

Не любишь ты меня, естественное дело...
Он же. «Горе от ума»

1819 – 1821

Как бедный мой герой был одинок от века,
В каком огне тоскливом был принужден сгорать,
Коль на Кавказе, там, где громогласно эхо,
Чужой эфир учил он имя повторять!
Задумчиво глядит с портретов порьжелых.
Он не был ни богат, ни слишком знаменит.
И все как сирота в отеческих пределах...
Он в Персии убит, а в Грузии зарыт.

О Царство непогод! Обозы, барабаны...
Под крепостию Грозной дрожащие огни.
А в Персии свое – сарбазы, караваны...
В седле, в кибитке, в дрожках – его летели дни.
Раз на дурном седле грузинском, чуть не плача,
Он сделал перегон... ел снег, упав на снег.

Смятение. Темно. И только Терек скачет,
Да под горой, в редуте, прелестный, робкий свет.

Грузинцев стройный хор ловило утром ухо!
Товарищи на солнце. Холмы из-за дерев...
Меж обгорелым пнем и обомшелым буком
Лежал на бурке, дланью висок свой подперев.
По каменным кругам да по снегам пушистым...
Французские куплеты, чтоб не сгрустнулось, пел
О, как умел, как знал... сопровождая свистом,
Но в песнях плясовых он больше преуспел.

Пускался вскачь... Не заяц, увы, но зайца призрак...
Как этот хрупкий снег под лошадьми хрустит...
Гиперборейцам что! А в сих краях капризных
За нож любой ребенок схватиться норовит.
Одушевлять Восток – любой души не хватит.
Здесь не людской потребен, а Прометеев труд.
Спишь на полу, в чаду, в пребезобразной хате...
У, ястреба! гляди, шинели расклюют.

Двухолмный Арарат. Быть пристальным не дали...
Все книги в чемоданах, разрыть их недосуг.
На воле, на коврах закуску поедали...
Кебабы на лучинах... Какой однако дух!
Манкировать доколь открывшеюся раной?
У ягод можжевеловых налетец голубой.
Ах, карты, ах, Тифлис... Дуэль была престранной.
Ну, Якубович, сволочь, а, впрочем, шут с тобой!
Двухолмный Арарат. Окошки слюдяные.
Калейдоскопы в дар... Фарсийский разговор.
Сарбазы эти бестии такие продувные,
Любой из них отменно способный балансер.
Он время здесь имел на все лорнет уставить.
Дома снаружи дики, внутри – испещрены...
Увесисты подсвечники, чай с кардамоном ставят,
И сласти Шахразад на блюдах внесены.
Он близ конфеток тут изрядно постарался,
Мирза первостепенный с простреленной рукой,
Следя при этом, чтоб не сбился, не прервался
Бесед дипломатических рисунок кружевной...
И вот Тейран настал... Три залпа фальконетов,
Да шалевые платья чиновников, да тень
По улкам... Да стихи, да вопли с минаретов,
Да синь, да эта варварская музыка весь день!
Стихи, чай, кальян и вечно – руку к сердцу.
Слон, трубы, представленья, миллион сластей...
Догадка Мазаровича, мол, якобы у персов
Привычка вымораживать зимой своих гостей.
Но как бесплоден вид окрестностей Тейрана!
Тьма черных черепах, фисташки под дождем...
Походный декламатор устал, улегся рано.

Моим героем заполночь был Томас Мур прочтен.
 И все лежал без сна, не задувая света.
 Как бедственна страна и сир и наг народ...
 А нынче утром шах любимому поэту
 За оду положил горсть бриллиантов в рот.
 ...Дожди идут, текут бумажные палатки.
 Тут лихорадка входит в состав земли самой.
 О Боже, здесь в Тейране – мадамы, азиатки –
 С собачкой, с куропаткой иль с уточкой ручной!..
 ...Что за морока шла с трактатом Гюлистанским!
 И девками, и пьянством солдат был обольщен.
 Но будет, слава Богу, в родимые пространства,
 В пределы христианства плененный возвращен!
 ...Он спрашивал иных, которые просились
 На родину: в неволе хоть пели-то о чем?
 «Эх, пьяные без голоса, а трезый об России
 Вестимо, тужит, барин, да только все молчком».
 Какие дни! Отбил с трудом своих собратьев –
 Шум, деньги, брань, камень, цеплянье смуглых рук...
 И кто-то как залыется – лишь всех успел собрать их:
 «Солдатская и-и-х душечка да задушевный друг!»

1821 – 1823

Он облаками скрыт. Имела – не хранила,
 А потерявши... Полно, какой там прок от слез!
 Бумаги из усадьбы – а их два воза было,
 Продали бакалейщику по пять рублей за воз!
 Где отыскать его? В несчастных этих письмах,
 Которых, словно пепла, полгорсточки всего,
 В комедии его, свет увидавшей в списках,
 В удушенной цензурою комедии его?
 О, если бы над ней с удавкой не стояли,
 Он стал бы враз избавлен от денежных забот,
 И спас его бы, спас! – от персидской стали
 Труда *непродуктивного* великолепный плод!
 Он поселиться б мог, положим, в Цинондалах
 Иль в Костромской губернии, в имении своем,
 И заниматься всласть, сомнений нет ни малых,
 Своим непродуктивным, взыскательным трудом...
 Довольно жалких слов, беспочвенных мечтаний! –
 /Он не был ни богат, ни слишком знаменит.../
 Бесцельных упований, безмерных притязаний:
 Он в Персии убит, а в Грузии зарыт.
 Но на листках моих он жив, хоть и зависим
 От милостей Ермолова, Паскевича щедрот...
 Ну что же, изопьем настой горчайший писем,
 Пока кривых кинжалов не вскинет страшный год!
 «Меня противувольное движение в коляске, –
 Он пишет, – повредит когда-нибудь в уме,
 Как этот вечный зной, и бешеные краски,
 И крики «Ва Гуссейн!», и вопли «О! Фатме!»...

...А до меня идут известья из России,
Как Сириуса луч в земную нашу высь
Доходит за шесть лет! О времена глухие...
Согласен иль учителем, или судьей – в Тифлис!
Познания в языках мои: славянский, русский,
Персидский и арабский в Тейране изучал.
Английский и немецкий, латинский и французский,
А итальянский, видимо, без практики привял.
Хотел Отчизне быть полезен чрезвычайно:
Всяк более полезен, чем больше просвещен...
До просвещения ль мне в чужой стране печальной,
Где то, что знал когда-то, забыть я принужден!
Увольте же скорей от службы здесь, в Тейране,
Иль просто отзовите из Персии меня!..»
Так молит мотылек, бьясь в огненном тумане,
Спасенья у свечного бесстрастного огня.
Все у него рука в историю попадала! –
Дорогой из Тавриза в Тифлис – переломил,
Да в двух местах... Да худо срастаться начинала...
Ломали... Свой рояль чуть было не забыл.
Злосчастный Кюхель здесь в Тифлисе жил полгода.
С ним весело курить, читать и рассуждать.
Детей таких забавных шутя родит природа,
Но кто-то в мире должен их вечно опекать.
Друзья, друзья... Пока он в Шемахе терялся,
Угас Амлих. В мученьях скончался Щербаков...
О Персия! В питье иль в пищу добавлялся
Старинный яд? Все учат российских дураков!
Кого еще в ряду друзей, знакомцев, близких?..
Иль... Впрочем, он живет, собой не дорожа...
Холера прилетит в теснины стен тифлисских –
Лишь хлад остановил ее на наших рубежах.
«А давеча, – он пишет, – внесли на выбор шубы.
Я, было, позабыл российское житье!
К земле меня гнетут... Чекалки, волки... трупы...
Но как без них в любезное Отечество мое?
Так зверьей, стало быть, окутываться кожей,
И непременно стоит убить и растерзать
Зверей, – чтобы потом студеный наш, роскошный
Отечественный воздух, не торопясь, черпать!..
Чернильница твоя мила, мой друг суровый!
Вот вам, мое флегмордие, отчет в моей тоске.
Здесь вечная резьба по косточке вишневой,
Отечество, сродство и дом – все там, в Москве.
...Как матушка мои за ужином безделки
С презрением судила, примолвивши родне,
Что свойственную всем писателишкам мелким
Мучительную зависть заметила во мне!
Я глаз не мог поднять, во мне перемешались
Стыд за нее и боль от беспрерывных мук.
Все было у меня – и злость, и желчь, но зависть?
К кому? Неужто уж к Кокошкиным, мой друг?..

...Здесь милого – и все! – ребенка видят – Сашу!
Повеса был, а впрочем, и в миссию вот взят...
Пожалуй, и того-с фамилию-то нашу!..
А больше ничего-то и видеть не хотят».

1823 – 1825

Балованных сих детей пишеваренья
И тучности – /кастрюльки им согретые пасти!/ –
Переселить бы в душу к нему хоть на мгновенье,
Чтоб бедствиями близких созданий потрясти!
«Ну что тебе сказать? Я жив, я обретаюсь
У матушки... Пропах теперь Москвой насквозь.
В занятиях моих лишь стенам доверяюсь:
Они, по крайней мере, не судят вкривь и вкось...»
Он в марте прикатил, а Бегичев венчался
В апреле... Он держал над женихом венец,
Все проповедь по-своему растолковать пытался...
«Бесстыдник!.. Не смейся!.. Уймись же, наконец!
Ты что? глаза в слезах! И пальцы трепетали
Так сильно, что венец мог просто уронить...»
«Мне чудилось, тебя как будто не венчали,
Степан, а отпевали: прости, чтоб схоронить...»
У Бегичевых жил и с солнцем подымался
К таинственным трудам... Обедал... Вечеру
К возлюбленной своей: к музыке он кидался.
Весь дом часами слушал стихийную игру.
Гостил он у сестры. Граф Виельгорский, ноты
Ища, вдруг обнаружил, что держит-то в руках,
Покудова искал романсы и сонаты:
– Помилуйте! – листы комедии в стихах.
Обеды и балы: в балете – Телешова...
В театре лобызают – знай, щеки подставляй.
Ажиотажу он не ожидал такого –
Все как сошли с ума – кричат: читай! читай!
«Вот «Талия» тебе. Достоинно умиленья,
Что цензоры пиесу кромсают, как хотят.
Оттиснуты седьмое-десятое явленья...
Ну смельчаки! Я плачу! И целый третий акт!»
«Прости меня, не мог в минуту оторваться.
Работа шла не то чтоб очень тяжело,
Но восемьдесят рифм – не шутка в деле, братцы,
Переменить...Теперь все гладко, как стекло».
«Ругательства пока от «Вестника Европы»
Идут... Прости меня, но рифма под рукой!..
Забавен этот тон и Дмитриева ропот...
А хвалят «Телеграф» с «Полярною Звездой».
«Любезный друг Степан! Пришлю тебе «Записки»
Из Таврии... Мне скоро отселева – за дверь!
Двенадцать читок. Ходят и списывают списки.
Экстазами в театре преследуют теперь».
«...Крепиться можно лишь до степени известной,

Преступишь – хуже бабы почтешь себя потом...
На станции портрет: Давыдов наш чудесный,
А новый перегон – игрок Реньяр с стихом».
«Я во вражде, Степан, со всем крикливым полом,
Но эти двое все нейдут из головы:
Твоя жена с моей сестрой – я ими полон,
Объединяют их мои о них мольбы.
Твоя жена должна стать матерью. Бойтся
Страдания досель? Господь оборони!
Все предприятие, друг, тем легче разрешится,
Что за нее мольбы жарчайшие мои.
Клянись ей от меня, что это не опасно,
Ей руку поцелуй – скажи, родит шутя.
Во сто раз веселей, когда светло, прекрасно,
С рук на руки начнет переходить дитя.
От матери к отцу /который не умеет
Так нежен быть с детьми, как я/, – пойдет во сне
Дитя – / еще где свет, где тьма не разумеет/ –
И на руки ко мне, и тотчас же ко мне!
Ну все, прощай, прощай, болтаю, как старуха...
Проклятый недочет в прогонах. Жаль до слез:
Не свидимся теперь. Безденежно и глухо.
Мой орден Льва и Солнца давно ломбард унес...»
«О, не сердись, где б я когда ни затерялся,
Ты первый к языку, и к сердцу, и к уму.
Нет дочери, жены... Все как-то не собрался.
Душой принадлежу тебе лишь одному.
Четвертое, январь. День моего рожденья.
Что ж я? На полпути. Тридцать второй пошел.
Я буду стар и глуп, как все из поколенья
Тех, восьмисотых лет... Стар буду и тяжел...
Обедал я вчера с литературной шатъей.
Нет ничего смешней, мишурней и пошлей.
А что до «нежных чувств» хоть к той же легкой Кате –
Я выгорел от них теперь угля черней».
Я не совсем погряз в трясином государстве.
Свободно и свободно – пишу я и живу.
Из-за меня не лезь в журнальные мытарства.
Возьми перо, когда допреж тебя умру».

Окончание следует.

Шаран Дашаев**Последний аккорд**

Рассказ

*Моим дорогим и любимым тетям
Сепият, Зайнап, Бесират, Халипат и Хулимат
посвящаю*

1

В маленькой времянке во дворе небольшого дома, крытого старой черепицей, единственная лампочка из-под бумажного колпачка едва высвечивает тающие день за днем черты лица глубокого старца, лежащего на деревянном топчане под ослепительно белым покрывалом, и оттого кажущиеся мертвенными еще до того, как душа успела покинуть тело.

– Может, выключить свет? – беспокоится его ровесник и единственный близкий ему человек по имени Нурдин, который последние дни и ночи проводит у изголовья старого друга.

– Да, старина, пришла пора. Пожил и хватит. И Деца¹ давно зовет, – доносится в ответ едва уловимый слабый голос больного. Скорее всего, это ответ не на заданный вопрос, а собственным мыслям, которых еще способно воспринимать угасающее старческое сознание.

– Не спеши. Еще успеешь. Известное дело: оттуда не возвращаются. И решать это не нам. На все воля Аллаха. Ты же сам говоришь, что не испытываешь никакой боли... – Нурдин всячески пытается утешить больного, пробуя перевести разговор на воспоминания молодости, которая, какой бы трудной она ни была, с годами всегда предстает в сказочном свете.

– А помнишь? – как правило, с этого короткого вопроса и начинает он какой-нибудь эпизод из далекого прошлого, куда нет возврата ни ему, ни умирающему другу. И оба хорошо это понимают. А что до памяти?..

– Помню. Все помню! – в уголках глаз больного на мгновение вспыхивают искорки...

Да, действительно, Ибрагим до мельчайших подробностей помнит всю свою долгую и непростую жизнь. Это вчерашние события уходят куда-то в пустоту, в провалы памяти. А прошлое... Оно живуче и неотрывно.

Чувство обреченности в последние дни все чаще возвращает Ибрагима к далеким истокам своего детства и юности, и каждый раз он задается мучительным вопросом: «А были ли они?»

Ему так и не суждено было узнать точную дату своего рождения. А те данные, что значатся в его документах, берут начало с классного журнала, куда, как принято говорить в таких случаях, они были занесены с «потолка» под диктовку его родной тети, которая отдала его первый раз в первый класс. Это уже потом он часто будет приставать к ней:

– Скажи, Деца, на самом деле когда меня произвели на свет? Ты говорила, что, отдавая в школу, пошла на какую-то хитрость?

Ибрагим и сам хорошо помнит тот день, когда его вместе с двоюродным братом отвели в школу. Брат был на год старше. Его зачислили с первого раза, Ибрагиму отказали. Сказали – не дорос. Через какое-то время, с запозданием, Зайнап снова повела его в школу. У детей спецпереселенцев свидетельств о рождении не спрашивали. Да и с какой стати? Они значились людьми «второго сорта», а еще хуже – врагами народа.

– Хочешь знать? Родился ты во время прополки кукурузы, – говорила тетя.

У нее, как и у большинства репрессированных, был «свой» календарь отсчета времени. И подсчета – тоже. По ее «прогнозам» выходило, что Ибрагим родился в конце мая или в начале июня месяца. Но с того дня, когда он переступил порог школы, его появление на свет во всех документах стали означать с середины зимы.

Трудно сказать, сколько ему было в феврале 44-го, но те роковые события он хорошо запомнил, хотя и не отдавал себе отчета в происходящем.

Во дворе еще темно. И чего это мать так рано разбудила его? Вывела на улицу, разгребла снег, посадила на расчищенное место, прикрыв собой от солдат, расхаживающих по открытой веранде с винтовками через плечо. Жалостливо скрипят под ногами мерзлые доски, снег задувает за поднятые воротники полушубок.

– Где Ама? – так малыш называет отца. – Где Большой Дада², Ваши³? Ах, да, еще темно. Они, наверное, спят...

А сейчас уже утро. Много народу собралось на окраине села, на большой площади. Все стоят. Каким же образом он оказался под ногами у Ваши на мерзлой земле? Он цепляется за его ноги: «Ваши, Ваши, вытащи меня отсюда». Но тот почему-то медлит... Потом длинный состав, товарные вагоны, забитые до отказа, и долгая дорога в неизвестность. Когда состав трогается, малыш засыпает под стук колес и мерное покачивание, а когда останавливается на бесконечных полустанках, просыпается. Ожидание для него становится мучительным, и он слезно просит мать: «Ну, ради бога. В последний раз прошу...» Святая детская наивность! Ему кажется, что мать может все: и остановить поезд, и заставить тронуться с места, если захочет.

– Скоро поедem. Потерпи чуть-чуть, – успокаивает она...

Обрывками далекого сна припоминает Ибрагим свое детство до того момента, как оказался на чужбине. Но то, что было дальше, помнит отчетливо, в мельчайших деталях: глиняная мазанка, с таким же глиняным полом и покрытием, наслех сколоченные кем-то деревянные нары, на которых с трудом разместились дети нескольких семей. Взрослым мест не хватает, ночи они проводят, сидя на полу, поджав ноги.

Село, куда их забросили, было расположено у подножья Тянь-Шаньских гор.

К местному населению: казахам, русским, корейцам – теперь примкнули чеченцы, ингуши, балкарцы...

Их было четверо: Усман, глава семьи, мать Товсари, девочка на руках, Ибрагим, которому исполнилось... Впрочем, об этом с точностью никто никогда не узнает. Перед дорогой Товсари укутала девочку во все теплое, что подвернулось под руку, на тот случай, если одного ребенка придется бросить в пути. Она предпочла потерять девочку, втайне надеясь, что кто-нибудь ее спасет. На новом месте бедняжка беспрестанно плакала – не вынесла долгую дорогу. В один из дней внезапно умолкла. Навсегда. Дядя на руках отнес маленький холодный комочек на чужое кладбище. На второй день Товсари с Ибрагимом отправились на ее могилку, настолько крохотную, что мальчику показалось, будто сестренке не хватило места на той большой горке, куда было заброшено сельское кладбище. Ему стало обидно за сестренку.

– А почему у Ципи (так мать окрестила девочку) могилка такая маленькая? – приставал он к матери на обратном пути. – Разве Ваши не мог вырыть ее побольше?

– Она и сама была еще совсем маленькой, – объясняла Товсари.

Постепенно переселенцы стали обживать на новом месте, строить, конечно, не добротные большие дома, но теперь и у них появились те же глиняные

халупы, что и у аборигенов этих мест. Зато – своя крыша над головой!

В середине лета такую же глиняную избушку поставили Усман с Товсари. Чуть свет они уходили на работу, оставляя мальчика на попечении тети, которая жила со старшим братом (он тоже во время высылки был разлучен с супругой, которую привел в свой дом как раз накануне Нового года), но большую часть времени все-таки проводила в семье второго брата, забавляясь и присматривая за племянником. Ибрагим просыпался поздно, и первым, что в полумраке бросалось ему в глаза, были камышовые снопы в дверных и оконных проемах, через которые едва пробивался уличный свет.

С работы Усман с Товсари возвращались поздно и, несмотря на строгие запреты, чудесным образом умудрялись прихватить с поля пару картофелин или горсть зерна, арбуз или дыню с колхозной бахчи. Тут, скорее всего, иные сердобольные руководители закрывали глаза на подобные мелочи. В каждой семье были голодные дети. Говорить, что единственному в семье ребенку приходилось голодать, было бы не совсем, может быть, справедливо. Хотя...

Возвращаясь с работы, первым делом Товсари ставила кастрюлю на такую же, как и сама лачуга, глиняную печку в углу и принималась варить рисовую кашу. Это была универсальная печка, заслуживающая отдельного описания. Ее дымоход проходил под глиняной лежанкой, застилаемой рогожей, на печи обычно и располагалась вся семья на ночлег. Лежать или просто сидеть на таком приспособлении было хотя и жестковато, зато тепло и сухо. Такая печь традиционно называлась корейской, что подчеркивало авторство этого чудного изобретения.

Парадокс: даже в те лихие голодные годы попадались люди, которые находили разные предлоги уклониться от труда. Они не только бездельничали сами, не утруждая себя заботами о хлебе насущном, но подбивали к тунеядству других, при всем том нисколько не брезгуя халявой с чужих столов.

– Нам все равно возвращаться на родину, – рассуждали они. – А коль так, работать – необязательно. Когда власти убедятся в бесполезности нашего бытия, возвращение будет ускорено. В противном случае этот процесс может затянуться...

Голод не тетка, говорят в народе. Любители «дарма» с точностью до минут просчитывали, когда та или иная семья садилась за ужин. Секрет был прост: как правило, так называемые корейские печи топились болотной осокой или соломой, беспрерывно загружались, чтобы поддерживался огонь. Пока огонь горел, дымилась и труба на крыше, но, как только он затухал, дым обрывался. Едва с печи снимали кастрюлю, в дом вваливалось по несколько человек разом. И тут, хочешь – не хочешь, приходилось блюсти традиционное кавказское гостеприимство.

Усман слыл человеком общительным, щедрым и жизнерадостным. Рассказывали, что он вообще не мог без общения с людьми. Редко бывало, чтобы кто-то не гостил у него. Если гость долго не приходил, он сам находил кого-нибудь с улицы (тогда много было людей, отбившихся от своих семей и родственников), приводил в свой дом и очень этим гордился. «Свой» или «чужой» для него не имело ровным счетом никакого значения.

Но эти хронические «баклушники» вели себя в чужих домах, словно явились с дарами несметными, бесцеремонно опустошали последнюю миску. Хозяевам, в том числе и детям, приходилось тесниться по углам, уступая места гостям, хотя и непрошеным. И так почти каждый вечер. Предводительствовал в этой компании сосед Усмана по имени Хюса. Он имел привычку уходить только последним, далеко за полночь. Каждый раз Ибрагим с любопытством наблюдал, как он ловко орудует ложкой. Еще на середине пути она опрокидывалась в его руке, но едок каким-то чудодейственным способом умудрялся не потерять ни одной случайной крошки.

Большая алюминиевая чашка (кроме оцинкованного ведра из-под воды, нескольких деревянных ложек и битой эмалированной кружки, другой посуды

в доме и не было) коллективным напрягом быстро опустошалась, и малышу часто приходилось засыпать голодным и ненакормленным, не выказывая перед посторонними никаких признаков голода или нетерпения.

– Теперь, может, по самокрутке? – предлагал Хюса, откидываясь удобнее спиной к стене и шаря, естественно, не по собственным карманам, а по сусекам, где Усман обычно хранил и поддерживал табачок сухим.

Пока гости занимали «почетные, подобающие им» места, малышу ничего не оставалось, как засыпать, прислонив голову к плечу матери. Только однажды терпению Усмана пришел конец.

– Сегодня наши гости кисет этот не увидят, – заключил он, обращаясь к Товсари. – Я его спрячу за дымоходом. Спросят – ты ничего не знаешь. Постараемся передохнуть...

– Не мешало бы, – только и заметила Товсари.

Увлеченные своей затеей, родители не придали значения присутствию любимого чада при таком диалоге.

Гости привычно не заставили себя долго ждать. Как всегда, скоро расправились с едой. По традиции, первым слово взял Хюса:

– А теперь, может, устроим небольшой перекур?

Хозяин только развел руками, давая знать, что перекура на сей раз не будет: табачок закончился.

– А я знаю где! – встrepенулся с места Ибрагим и полез за дымоходную трубу.

– Какой славный мальчик! – гости наперебой хвалили малыша, который весь сиял, не замечая растерянного лица отца. Усману ничего не оставалось, как сослаться на забывчивость. Весь этот вечер всегда открытое, улыбающееся лицо Усмана оставалось хмурым. Наконец малыша осенило: он подвел отца. Ибрагим раньше привычного забился в дальний угол, чтобы попытаться крепко заснуть.

В эту ночь Усман впервые сделал замечание сыну, которое всего-то сводилось к следующему:

– Сукин сын! Имей в виду, чтобы больше такое не повторилось! – предупредил он малыша и отвернулся от него спиной. Большой обиды малышу не мог ожидать.

Это был первый и последний выговор отца сыну.

2

В нынешнем представлении все, что предназначено для перевозки грузов, прежде всего, должно иметь ходовую часть, что в первую очередь подразумевает колеса. И естественно, они должны быть круглыми, чтобы двигаться плавно, а не толчками да скачками. Но в то время существовали необычные телеги или мажары (трудно их назвать определенно) с катками без спиц и ободков. Разогнаться на таком транспорте было невозможно. Поэтому в них, как правило, впрягали волов. Возили сено, снопы, мешки да, собственно, любые грузы. Такие повозки имели и свое преимущество: их легко было грузить, риск опрокинуться был минимальным. Со стороны такой воз мог бы показаться ползушей каким-то чудом по земле копной сена или соломы.

Усман работал на таких воловьих упряжках. Раз-два ему пришлось взять с собой сына. Пока отец подбирал и грузил сено с валков, малыш шел рядом с волами или вертелся у ног отца. Как не терпелось ему, чтобы эта мажара загрузилась наконец и чтобы отец сильными руками подхватил и посадил его наверх. Несколько раз ему довелось соскользнуть с воза, потому что отец раз за разом по мере продвижения вперед подбирал с дороги разбросанные клочки сена. Такой был строгий порядок. Хотя падение с воза и не грозило малышу попасть под колеса, все же Усман боялся за сына – как бы чего не вышло. И

потому спешил по утрам на работу, пока сын еще спал. Следом, проводив малыша в ясли, уходила на работу и Товсари...

Вечерами повозки и тягловый скот подгонялись на полевой стан. И тогда эти «тарантасы», выстроенные строго в ряд, постороннему глазу трудно было отличить друг от друга.

В одно раннее утро, когда Усман подогнал волов к упряжке, к крайнему своему удивлению и огорчению одновременно, обнаружил, что его сын сидит на дышле, болтая ногами и всем своим видом выказывая довольство и беззаботность.

Еще день пришлось отцу и сыну провести вместе: отгул или прогул расценивался как саботаж.

3

Хлебные поля в тех краях располагались где-то за горным кряжем, и всю уборочную кампанию люди находились на выезде, возвращались только после завершения уборки. В селе оставались старики и дети. Ибрагим, оставленный на попечение Зайнап, сильно скучал, особенно вечерами, когда они замыкались в избушке при тусклом свете самодельной коптящейся керосиновой свечки.

– Деца, а скоро Ама с Товсари приедут? – приставал он к тете, а когда она, бывало, медлила с ответом, повторял:

– А когда мы проснемся, они уже будут дома?

Все младшие, в том числе и Зайнап, Усмана называли Ама, а мать Ибрагим звал по имени.

Зайнап, как могла, успокаивала племянника:

– Конечно, – говорила она, – если ты быстро заснешь. А когда он продолжал свои расспросы, начинала рассказывать сказку. Всегда одну и ту же: про семиглавого Жожу. Но Ибрагиму она не надоедала. В его воображении каждый раз по-новому рисовались картины злодеяний этого мифического героя и победы, одерживаемые над ним единственным и мужественным сыном Бабы⁴.

Ибрагим очень любил свою тетю. Даже тогда, когда Усман и Товсари находились дома, ей часто приходилось оставаться на ночь, чтобы не огорчать племянника, который никак не соглашался отпускать ее от себя и спать укладывался только рядом с ней. В свою очередь, и Зайнап была привязана к нему больше, чем к другим младшим родственникам. И эту большую любовь к племяннику она пронесла через всю свою жизнь.

Однообразно, по заведенному самой природой естественному порядку, проходили дни и ночи. Однажды вечером вместо Зайнап встречать с садика Ибрагима пришла двоюродная сестра Руми.

– А где Деца? Почему она не пришла? – первым делом поинтересовался Ибрагим.

– Родители твои вернулись. Деца тоже дома...

Это сообщение так обрадовало мальчика, что он готов был до самого дома скакать на одной ноге.

Еще издали было видно, как во дворе их дома толпятся люди. Как оказалось, они пришли навестить Усмана, которого только что доставили домой в тяжелом состоянии после внезапной и загадочной болезни. Вместе с казахом-возницей в качестве сопровождающей домой отпустили и Товсари. Когда в маленькой комнатухе сквозь толпу знакомых и незнакомых к ней протиснулся Ибрагим, она стояла в дальнем углу, оттесненная туда посторонними людьми. Несколько человек сидели на краешке кровати рядом с больным, остальная часть избушки была заполнена сочувствующими женщинами. Когда на пороге показался Ибрагим, они, не стовариваясь, расступились по сторонам, уступая малышу проход.

Усман лежал на кровати лицом к двери так, что мог видеть всех, кто входил с улицы и выходил. Тогда он увидел сына, в уголках его широких глаз блеснули

привычные искорки. Обычно загорелое лицо отца на этот раз было бледным, голос стал хриплым и слабым.

Через несколько дней людей, навещающих больного, стало поменьше. Только мулла Исмаил, приглашенный из соседнего села, дневал и ночевал у изголовья Усмана, готовил для него какие-то напитки, настоянные на обыкновенной воде и арабских письменах, читал молитвы.

Иногда мулла отрывался от своего привычного занятия, чтобы успокоить близких.

– Нечистая сила. Нечистая... Скоро пойдет на поправку, – говорил он и снова принимался за чтение сур из Корана.

Скорее всего, ни он, ни кто другой не могли установить точный диагноз больного. Да и рассказ самого Усмана большей частью был загадкой, чем разгадкой...

Волов и лошадей, целыми таскавших грузы, приходилось ночами пасти.

Очередь в ночную выпала и Усману. Как он потом рассказывал, где-то за полночь утомленное тело одолел глубокий сон. Но в какой-то момент какая-то неведомая сила подхватила его высоко с мягкой соломенной постели и, словно набитый мешок, швырнула оземь. Он лишь успел жадно взмолиться:

– Нет, нет! Не надо!..

...На втором году ссылки в лютую зиму Усмана похоронили на далекой чужбине.

На урусмартановском кладбище в ряд стоят четыре надмогильных камня. На одном из них высечено имя Усмана.

4

В небольшой семье Усмана, хоть и скудный, все же имелся кое-какой достаток в продуктах. Определенную поддержку удавалось оказывать и семье брата, на которого перед самым выселением пришла похоронка. Нисапи осталась с шестью детьми, самый младший из которых был еще на руках. Покидая родину, она так и не успела прихватить что-либо, пока спешила управиться с детьми. Если в других семьях что-то перепадало с колхозных закромов, то у этой семьи не было и той возможности. Ее полуголым девочкам (мал мала меньше) в лютый мороз приходилось выбираться на колхозные поля в поисках прошлогодней картофельной мелюзги или мерзлой кожуры. Ее разваривали, а из образовавшейся массы лепили лепешки – черные, вязкие и липкие, как смола. Но зато какие вкусные!

Пока Усман и Товсари вдвоем трудились в колхозе, семье Нисапи еще удавалось сводить концы с концами. Теперь, едва справившись с похоронами мужа, все тяготы разом навалились на хрупкие плечи Товсари. К тому времени и Зайнап окончательно перебралась в семью брата, чтобы ухаживать за Ибрагимом – единственным утешением в их жизни.

В послевоенные годы в колхозах существовала так называемая натуроплата на трудодни. Имя Товсари постоянно фигурировало в числе передовиков. С самого детства приученная к тяжелому труду, она не щадила себя, бралась за любую, даже самую тяжелую мужскую работу. Убирали хлеба раньше вручную или косилкой, запряженной лошадыми. Этим примитивным механизмом управляли два человека: один погонщик, второй снабжался ручным инструментом наподобие швабры. Орудя этим приспособлением, он аккуратным образом оставлял следом снопы и, пока косилка давала круг, женщины должны были поспеть подвязать их и поставить стоймя. Здесь нужна была скорость и сноровка рук, чтобы не задерживать косилку на очередном круге. Почти ни на одной из женщин не было платья, не латанного на спине. Никакая материя не выдерживала открытую жару и соляную испарину.

Только на короткий, строго отведенный обеденный перерыв прекращалась работа в поле. Поэтому люди не могли уходить домой. Отсутствие одного

нарушил бы весь конвейер. Дисциплина была строгая и бескомпромиссная.

Товсари носила с собой на работу небольшой солдатский котелок, неизвестно откуда взявшийся в их доме. Она во всю прыть бежала домой, ставила свой обеденный паек перед Зайнап и Ибрагимом и таким же темпом возвращалась в поле. Зайнап смущенно говорила:

– Оставила бы себе. Мы не голодны...

Вряд ли такое утверждение соответствовало истине. Это было время всеобщего голода. А тот, кто из тех старожилов сегодня утверждает, что не довелось такого испытать на собственной шкуре, просто-напросто лукавит.

Самым голодным был послевоенный сорок седьмой год. Однако в колхозе, где работала Товсари, в том году вырастили богатый урожай картофеля. Он спас многих.

5

Есть народная поговорка: беда не приходит одна. Как всегда, в то воскресенье Товсари положила на санки мешок картошки и отправилась за двенадцать километров на городской рынок. Быстро справившись с делом, она пошла по торговым лавкам, чтобы закупить разную мелочь: спички, соль, мыло. У одной из них ей встретился дальний родственник Хамзат.

– Ты тоже здесь, – приветствовал ее односельчанин, а после обмена приветствиями предложил забрать домой.

– Когда покончишь с делами, выходи. Машина стоит за главными воротами, – сказал он. – Скоро поедем.

Их родной колхоз имени Мичурина, хоть и медленно, но год за годом вставал на ноги. Позже он достиг статуса колхоза-миллионера. Теперь в его распоряжении были аж целых две грузовые машины. Одна – «ЗИС-5» с деревянной кабиной и вторая – так называемая «Полуторка». Заводились эти машины рукояткой, то бишь усилием руки. Детям очень нравилось наблюдать за взрослыми за этим занятием, дивились, когда машины трогались с места. А вот прокатиться – так это было розовой мечтой каждого мальчика. Потому детвора постоянно путалась в ногах водителей, желая завести с ними дружбу.

Но больше всего мальчишек, да и взрослых тоже, удивляло то, что одной из машин – «полуторкой» – управлял чеченец. Рассказывали, что Хамзат работал на машине еще до выселения. Иначе ему бы, наверняка, не доверили столь престижную в то время должность. Именно должность! Водителей тогда почитали чуть ли не наравне с министрами.

В тот день Хамзат в сопровождении двух помощниц был снаряжен колхозом для реализации картофеля на столичном рынке. Редко когда пешеходу выпадала удача проехаться в город и обратно на каком-нибудь транспорте. Ни автобусов, ни маршруток, ни такси тогда еще не было. Несколько позже появились грузовые такси, со скамейками по бортам, крытые тентом, но зимой нестерпимо холодные.

Товсари закончила свои дела на базаре и вышла за ворота, которые указал односельчанин. В первой половине дня солнышко, пробившееся из-за редких туч, мало-мальски согрело землю, но ближе к вечеру небо заволокло сплошной серой пеленой, стало сыро и холодно.

– Даст Аллах – поедем, – водитель полез за спинку сиденья за заводной рукояткой. Тем временем одна из женщин забралась в кабину, а Товсари со второй пассажиркой разместились в кузове на соломе, предусмотрительно запасенной, чтобы картошка не замерзла.

Машина вырулила на дорогу, устланную в том году пленными японцами булыжником. Городская улица выглядела пустынной, люди уже разбрелись по домам, попрятались от мороза. Уже остался позади самый крайний на выезде из города белый, двухэтажный дом, который прямо-таки свисал над глубокой ложбиной, что еще больше увеличивало его габариты.

В зимнюю гололедицу опытные водители на спусках, как правило, не сбавляют скорости, иначе забуксуешь на подъеме, может занести. А там и авария готовая. Но на этом месте главную опасность представляет узкий мост на дне ущелья, перекинутый через небольшой ручеек. Мост настолько узок, что на нем не может разминуться даже гужевой транспорт, одному приходится уступать дорогу.

История упоминает случай, происшедший на заре мирового автопрома, когда в одном государстве столкнулись единственные две машины и совершили первую в истории аварию. Нечто подобное произошло январским вечером в далеком Казахстане на выезде из большого города. На том узком мосту столкнулись две машины, несшиеся на крутых спусках и в гололед навстречу друг другу.

На следующее утро в маленьком селе состоялись похороны сразу в четырех семьях: в двух казахских и двух чеченских.

6

В тот день навсегда и безвозвратно оборвалось детство маленького Ибрагима. Опустел, охладел родительский очаг. В далеком чужом селе одни остались юная Зайнап и маленький Ибрагим. Дети Нисапи тоже были еще маленькими. Дядя, разлученный с молодой женой, жил своей обособленной, одинокой жизнью, едва перебиваясь, без крова и семьи. Словом, сиротам уже не на кого было опереться. Люди, далекие и близкие, только и находили, что судачить:

– Девочку надо отдавать замуж. Мальчик должен остаться с дядей, – судили одни.

– Есть детские дома... – напоминали другие.

Несмотря на свой юный возраст, Зайнап отличалась природной смекалкой, острым умом, сдержанностью и рассудительностью.

– Мальчика никому не отдам! – решительно заявила она. – Будем жить вместе. С голоду не пропадем.

Ранней весной она вышла на работу в колхоз, а Ибрагима отдала в детский садик. Мальчик был одет, обут и, что было важнее всего, был сыт. Колхозного пайка хватало и для Зайнап. К осени они уже имели около мешка риса, отсыпали в яму во дворе картофель, выданный на трудодни. Но больше всего на свете Зайнап хотелось, чтобы Ибрагим учился, и сумела добиться зачисления его в школу досрочно.

К счастью, начальная школа в селе располагалась как раз на окраине, где компактно поселились спецпереселенцы. Это было вытянутое, неказистое здание, с открытой обветшалой верандой. Дети здесь занимались в две смены.

Грубая толстая бумага из цементного мешка, сложенная квадратом, огрызок карандаша, бог весть откуда раздобытого и в котором при нажиме грифель уползал вверх (его приходилось придерживать нажимом пальца), тряпичная сумка, сшитая руками Зайнап, – вот с таким «багажом» Ибрагим первый раз переступил порог школы. Даже таким «багажом» нередко детям приходилось делиться друг с другом: не все имели возможность запастись школьными принадлежностями.

Когда Ибрагим пришел в школу, места в классе были уже заняты, и какое-то время ему пришлось стоять на ногах в проходе между двумя рядами грубо сколоченных столов и скамеек – парты в школе появились, когда он учился уже в третьем классе. Это тоже было большим событием и большим праздником.

Зайнап ничего не жалела для племянника, делала все, чтобы он не чувствовал себя сиротой. На зависть ровесникам, мальчик всегда был ухожен, опрятно одет. Мечта любого мальчишки – велосипед – первым в селе появился у Ибрагима.

Дети в те времена взрослели быстро. Ибрагим рано начал понимать, какую трудную ношу взяла на себя Зайнап. Ведь и сама была еще совсем девчонкой. От его слуха не ускользали разговоры соседок:

– Работящая девочка. Повезет семье, в которую она войдет хозяйкой, – замечали они.

Потом к ним зачастили сваты и свахи.

Чаще других их дом стал навещать старик Юнус. Это был степенный, всегда опрятно одетый пожилой человек, еще не достигший такого возраста, который можно бы с полным основанием считать старческим. В селе его побаивались, особенно после того, как он однажды во время сенокоса с косой кинулся на какого-то казаха, когда тот неодобрительно отозвался о его земляках. Свидетельствовали, что мог бы и зарубить, если бы обидчик не оказался проворнее в беге. Говорили также, что, покидая родину, ему каким-то образом удалось прихватить кое-что сверх установленной нормы. У старика Юнуса росли три сына. Как в той сказке, «все трое на подбор»: красавцы, одним словом. Старик сватал Зайнап за старшего сына Ахмеда.

– Как поживаешь? – справлялся старик каждый раз, навещая Зайнап.

– Слава Аллаху, хорошо, – отвечала та, заведомо зная, с чем старик пожаловал и о чем сейчас пойдет дальнейший разговор.

– Если что, можешь смело обращаться ко мне. Все, что в наших силах...–

Юнус действительно оказывал многим всевозможную поддержку: кому – куском хлеба, кому – рублем.

– Буду иметь в виду. Знаю, что не откажешь. Заранее благодарю...

Такие разговоры продолжались обычно на слуху Ибрагима. Но когда тот погружался в свои детские забавы и, казалось бы, ничего не должен слышать, старик возвращался к цели своего визита. Начиная издали:

– Известное дело, Зайнап, что очаг без женских рук никогда не бывает уютным. Ты знаешь, эта, что передо мной (так чеченцы обычно крестят благоверную, чтобы не называть по имени), давно сломлена недугом (старая Кульсум действительно уже многие годы была неподвижно прикована к постели). Предки наши не зря говорили, что дом без миски с мукой и гостя – всего лишь пустое дупло. Миска с мукой в моем доме найдется, а вот подобающим образом принять гостя... Я мог бы такой снохе быть надежной опорой и защитой...

Зайнап терпеливо выслушивала старика, старалась не обидеть.

На самом деле семья Юнуса считалась весьма благопристойной. Люди положительно отзывались и о его сыновьях. Одна только искренняя забота о больной матери вызывала к ним уважение сельчан. Любая девушка сочла бы за честь выйти замуж за старшего сына Юнуса Ахмеда. Но Зайнап твердо решила для себя, что не оставит племянника, сделает все, чтобы заменить ему отца и мать.

– Он не будет чувствовать себя сиротой! По крайней мере, пока я жива, – заверяла она соседей. Тем же, как можно мягко, отвечала и старику:

– Прошу простить меня, Ваши. Я бы сочла за честь стать членом вашей семьи. Но я обязана исполнить завещание брата, представшего перед Всевышним.

Конечно, Зайнап знала, что завещание ее покойного брата относилось не к ней, а к Товсари. Как-то раз случайно она услышала, как брат завещал жене после своей смерти не покидать сына. Теперь Зайнап, заменившая Ибрагиму отца и мать, твердо решила исполнить завещание брата.

Хотя аргумент Зайнап был более чем убедителен (завещание покойного для чеченцев свято), старик находил все новые аргументы против доводов Зайнап.

– Речь не о том, чтобы ты бросила мальчика, – настаивал он. – Мы вместе будем заботиться о нем...

Но и сам Юнус отлично понимал, что из этого может получиться: людская молва никогда не пощадит мальчика, на всю жизнь за ним останется оскорбительное черное пятно изгоя без роду и без племени. Этого Зайнап не могла допустить. По сравнению с таким унижением и детский дом можно бы считать выгодным вариантом. Там все равны.

Хотя Ибрагим и не мог дать полный отчет поступкам старших, но нутром начинал понимать свое место в судьбе близкого ему человека, смутно чувствовать за собой какую-то необъяснимую вину. За такими, еще не осознанными до конца раздумьями, само собой пришло решение обрести самостоятельность взрослого человека.

7

Устроиться на работу не составляло никакого труда. Наряду со взрослыми широко был затребован и труд детский. Не нужно было заполнять никаких анкет, стучаться в кабинеты, писать заявления. Одного проживания в колхозе было достаточно. Не желающих трудиться решением правления просто-напросто изгоняли из колхоза. Специальностью не интересовались. Специальность была одна и главная – колхозник. Ну а руководство над этой «артелью» осуществлял бригадир. Как и на войне, его приказ подлежал беспрекословному исполнению.

Одни только дети были свободны в выборе: работать или не работать. Однако и здесь в первые же дни летних каникул бригадир объезжал все дворы, прося детей помочь колхозу.

В основном дети служили погонщиками волов и лошадей на различных сельскохозяйственных работах. И, конечно же, мальчишки больше тяготели к лошадям и всячески избегали волов. Первые постоянно издевались над теми, кому не повезло.

– Закручивайте хвосты своим волам! – дразнили они неудачников и, отправляясь в поле или на обратном пути, на зависть погонщикам волов, устраивали настоящие скачки, хотя колхозное руководство не одобряло подобные действия – скот оберегали больше, чем людей.

Ибрагим только что закончил два класса, когда Степан Иванович (так звали бригадира) прикрепил его в помощники своему сыну – подростку Сергею – и отправил на культувацию лука. Работа эта хоть и пыльная, но не такая уж физически трудная. Поскольку междурядья этой культуры узкие, то и культиваторы здесь применялись узкие и легкие, не требующие больших усилий и для человека, и для впряженной лошади. Другое дело культуры, требующие широкие междурядья, там и культиваторы применялись широкие и громоздкие.

К такому агрегату приставлялось два человека: один держался за культиватор и считался старшим по рангу, второй погонщик, который обязан был подчиняться первому. Трудодни также больше начислялись первому, поскольку за качество и количество работы тоже спрашивали с него. Бывало, что некоторые «старшие» злоупотребляли своей «привилегией» и в свободное от работы время, скажем, во время обеденного перерыва сами устраивались где-то в холодке и бесцеремонным образом эксплуатировали детский труд, заставляя их выпасать, поить, впрягать, распрягать лошадей или волов. Поэтому, само собой, каждый из мальчишек желал для себя это, хотя и мелкое, «руководство». Во-первых, это означало, что ты человек уже взрослый, самостоятельный, свободен распоряжаться собой и другими, рабочим распорядком, наконец, зарабатывал трудодней больше, как «лицо ответственное». Совсем расстроились дела мальчишек-погонщиков после того, как руководство отдало распоряжение гонять лошадей пешим ходом, водя за узду. А шагать целый день по полю взад-вперед, ох, как было нелегко.

Когда Ибрагим первый раз поступил на работу, этот порядок уже существовал. Садиться на лошадей разрешалось только для прибытия на место работы и на обратном пути. Вот тут-то, вырвавшись из поля зрения взрослых, мальчишки отводили души сполна.

О лошадях написано много удивительнейших историй. Но Соломон...

Это была низкорослая лошадка монгольской породы, всегда упитанная и потому никогда не терявшая своей привлекательности. О ней можно было рассказывать до бесконечности. Она только не умела говорить на человеческом языке. Во всем остальном... Стоило развязаться хомуту на ходу или шлея перекосятся, она останавливалась, поворачивала голову в сторону хозяина и вопросительно смотрела на него своими умными влажными глазами. Это животное не раз спасало мальчика от беды, за исключением одного случая. Об этом – чуть позже.

Уже несколько дней втайне от Зайнап Ибрагим ходил на работу.

– Чем сегодня занимался? – спрашивала она племянника вечерами, возвращаясь с работы.

– Купался на речке с ребятами, – докладывал он, что могло быть вполне естественно.

Зимы в Средней Азии бывали лютыми, а летние дни жаркими, поэтому дети целыми днями пропадали на речках. Купание было их любимым занятием. Но, как бы Ибрагим ни изворачивался, работая вместе с Зайнап не только в одном колхозе, но и в одной бригаде, сохранить эту тайну надолго ему вряд ли удалось бы. Она открылась через неделю и при обстоятельствах, связанных с Соломоном.

8

Уже неделю Ибрагим продолжал втайне от Зайнап исправно ходить на работу. И делал он это с превеликим удовольствием, считая себя уже взрослым и самостоятельным человеком. Зайнап уходила, и, как только она исчезала за порогом, Ибрагим соскакивал с постели, хватал в руки свой утренний паек со скамейки в углу, который заменял им и стол одновременно, и бежал стрелой на работу, и успевая как раз к тому времени, когда конюхи выводили из конюшен накормленных за ночь лошадей.

Был один из июньских дней. Ничто с утра не предвещало перемены погоды. Солнце уже взошло и светило ярко и обжигающе, но слабый утренний ветерок приятно шекотал нервы, хотя по всем признакам к полудню природа готовилась накалиться. Соломон, ведомый под узду, спокойно перебирал копытами, лишь изредка вскидывая головой вверх, вниз – в жару лошади, таким образом, отгоняют назойливых мух и оводов.

Черная тучка на сине-голубом небе появилась внезапно. Вначале маленькая, с шапку на голове, едва приметная, она начала быстро разрастаться, покрывая все небо черным одеялом. За нею, как за огромной ширмой, исчез и диск солнца.

– Поторапливай, – предложил Сережа, – пристально поглядывая на надвигающееся черное облако, – может, успеем добить клин.

Не успели, словно из опрокинутого огромного чана, полилась вода. Пришлось прямо в загоне распрягать лошадей.

– Давай быстрее, – торопил Сережа, – расстегивая постромку.

Ибрагим явно не скрывал радости оттого, что сейчас они поскачут во весь галоп, а там денек-другой, пока с полей не сойдет сырость, можно будет и передохнуть, побегать с ровесниками по теплым лужам летнего дождя, высоко подобрвав штанины.

...Соломон неся во весь опор при опущенных поводьях, неся на своей круглой спине двух седоков. Косой дождь больно хлестал по лицу, не давая приоткрыть глаза. Уже далеко, позади, остались женщины, спешащие с поля, прикрыв головы, чем попало, звонко шлепая босыми ногами по лужам и сверкая голыми пятками из-под задраенных за пояса подолов. Впереди должен быть большой лог, где обычно ребятня зимой устраивает катки на лыжах и санях. С одной стороны он пологий, с другой – круча. Там, на спуске, надо будет попридержаться бег лошади, иначе легко можно соскользнуть с неоседланной

лошади прямо под копыта, а то и сама лошадь может не удержаться на ногах.

В ту же секунду, залепив крупными комьями из-под копыт скачущую лошадь и седоков, пронесся вперед рослый гнедой конь, приобретенный недавно колхозом из воинской части. Двое казахов, припавших к его крупу, с гиканьем испарились на противоположной стороне глубокой лощины. Это был вызов.

Когда сзади раздалось два щелчка от плетки, которой Сережа стеганул по бокам Соломона, Ибрагим понял, что уже не до поводов. Тот, кто имеет дело с лошадьми, не может не знать, насколько сильно у этих животных развито чувство состязательности. Самая невзрачная лошадевка в скачках готова из кожи вырваться.

Впереди крутой, скользкий и опасный для неподкованной лошади спуск.

«Сейчас, вот на этом месте лошадь может поскользнуться...» В мгновение произошло то, что только что представил себе мальчик: Соломон на всем скаку рухнул на бок, подмяв под себя Ибрагима, который обеими руками держался за шлею. Сережу через голову выбросило вперед на четверню, но он быстро поднялся и теперь с блуждающей улыбкой на лице озирался по сторонам в растерянности. Он еще не понял по-настоящему, что произошло – мальчишки нередко падали с лошадой, но все обходилось. Пожалуй, только бедный Соломон по-настоящему оценил обстановку. В какие-то доли секунды он уже стоял на ногах, виновато склонив голову над Ибрагимом, который оставался лежать на земле в грязи и сырости. Ему лошадь отдала ногу.

До конца своих дней Ибрагим будет вспоминать эту картину.

Пока Сережа в растерянности хватался то за узду лошади, то за плечи Ибрагима, чтобы поднять, подоспели женщины, которых они чуть раньше обогнали. С их помощью Ибрагима усадили верхом на лошадь. К счастью, Зайнап с ними не оказалась – она работала в другом звене. Через некоторое время на полевом стане подоспевшие туда женщины сообщат ей о случившемся.

– Твой мальчик упал с лошади... Ничего не случилось...

Не замечая проливной дождь, Зайнап бросилась домой.

9

– Он у Дуды, – встретили ее дети, постоянно устраивающие свои игры на небольшом холмике перед их домом.

Дуда приходился двоюродным братом Товсарю. В его семье росли двое сыновей и дочь. Младший сын Ваха Ибрагиму приходился почти ровесником. Если помните, в первый раз Зайнап вместе отвела их в школу.

Сегодня Ибрагим пришел к Вахе не для забавы, а чтобы переждать какое-то время. Он стыдился показаться на глаза Зайнап. Но более всего боялся, что она больше не пустит его на работу.

– Ну, рассказывай, что случилось, – спросила она прямо с порога.

– Ничего, – еле выдавил Ибрагим и, что было сил, напрягся, выправляясь на нарах, где только что полулежал, уперев руки за спиной.

– Ну, коль так, пошли домой, – тетя пристально глядела на него, замечая побледневшее лицо, которое явно выдавало боль.

– Что бы ни говорил, ушибся-то не на шутку, – подвела она итог, когда они добрались до дома, принимаясь кипятить воду, чтобы и скупать его и отстирать заодно грязную одежду.

В то лето Ибрагим долго ходил с больной ногой, обвязав ее кошмой из черной овечьей шерсти. В старину всякие вывихи лечили подобным способом.

На очередных каникулах Ибрагим вновь взял Соломона под узду. Оттуда и начался его долгий трудовой путь. Зайнап ничего не осталось, как смириться. Но часто напоминала:

– Смотри, будь осторожен с лошадьми.

Старательного Ибрагима вскоре Степан Иванович стал ставить «главным».

Когда кто-то спрашивал:

– А кто из нас будет погонщиком?

– Ты, – указывал бригадир на напарника, и это возвышало Ибрагима в собственных глазах. Он чувствовал себя совсем взрослым. Вскоре он настолько осмелел и уверовал в свои силы, что сам стал выбирать себе работу по вкусу, зная, что бригадир ему не откажет. Ему действительно доверяли такие участки, которые даже взрослым поручались избирательно. Но главное – лошадь себе он выбирал сам. И, конечно же, Соломона, который после того случая тщательно оберегал мальчика, а он, в свою очередь, холил и берег своего преданного четвероного друга.

Работа на конных граблях считалась довольно опасной. Старшие помнят, что это такое. Это – примитивный механический агрегат с большими колесами и с заостренными на концах стальными крюками, подгребающими сено. Когда под ними набиралось достаточно сена или соломы, приходилось ногой нажимать, скорее, ударять ногой по рычажку, находящемуся внизу. А поскольку маленькому человечку до него приходилось тянуться, при этом держась одной рукой за жесткое металлическое сиденье, нога нередко соскакивала с этого злополучного рычага, и седок оказывался под ногами лошади на расстоянии вытянутой руки от стальных острых крюков. Стоило в такой момент лошади сделать пару шагов, и они неминуемо вонзились бы в бок. Вдобавок сено в основном косили в буераках, на склонах и косогорах, что и без того вынуждало постоянно балансировать на почти плоском сиденье, чтоб не свалиться.

Ибрагиму не раз приходилось проделывать такие трюки. Но не было случая, чтобы Соломон сделал бы лишний шаг. Вскоре Ибрагим настолько приручил эту лошадку, что бросал поводья, предоставляя ее самой себе, но она неотступно следовала за ним, скребя своими влажными губами по его голове, спине, плечам. Старших очень развлекала такая картина.

– Вы посмотрите на них. Ну, диво! – восторгались они.

Это была самая счастливая пора в жизни Ибрагима.

10

Пара мешков муки, красный ковер (бывшее приданое Товсари), кое-что из постельных принадлежностей, – собственно, это все, с чем Зайнап и Ибрагим вернулись на родину. Люди, тринадцать долгих лет мечтавшие о родине, спешно за бесценок покинули свои жилища, весь накопленный скарб и хлынули на родину предков, кто как мог. И здесь Зайнап и Ибрагиму неожиданно повезло: в числе ветеранов Отечественной войны, которым первыми выдали разрешение на возвращение, оказался их дальний родственник. Он-то и взял двух сирот на свое попечительство.

В Чечне в те годы были те же самые колхозы со своими довольно богатыми материальными возможностями, но, когда начался процесс миграции, бывшие колхозники, уезжая, разорили эти хозяйства до ниток. Вскоре колхозы реорганизовали в совхозы. Ставить на ноги созданные на голом месте хозяйства пришлось вновь прибывшим.

Но не это было главным. Главным было то, что люди, оставившие в местах изгнания все, что успели накопить за тринадцать лет, в том числе и свои жилища, на новом месте оказались без крыши над головой.

День возвращения Зайнап и Ибрагима выдался пасмурным, дождливым. Возвращенцев разместили на окраине села, в сарае, где свободно гулял ветер, а холод пронизывал до мозга и костей. На второй день Муслим повесил на грудь все свои регалии и ушел в правление колхоза, а вечером несколько семей переселили в четырехкомнатный белый дом с большой зеленой лужайкой во дворе. Здесь, как выяснилось, помещалась колхозная пасека. В каждой комнате разместились по две-три семьи, отгородившись друг от друга занавесками. Все-таки это было лучше, чем на «семи ветрах».

Разумеется, депортированные на родине имели свои собственные дома. Но они были заняты новыми хозяевами. Их надо было выкупать. У многих такой возможности не было. С этой проблемой столкнулась и Зайнап. Те средства, что она получила за азиатскую лачугу, далеко не окупали стоимость дома, отстроенного Усманом и Товсари по тогдашней моде: из трех комнат с большой, открытой верандой. Вскоре пришлось освобождать казенный дом. Зайнап и Ибрагиму ничего не осталось, как со своим скудным скарбом поселиться рядом с бывшим родительским домом под большим абрикосовым деревом. Но и тут они оказались чужими и непрощеными.

– Убирайтесь отсюда! Добром прошу! – вопил рыжебородый мужик, выскочивший из подворотни, волчком извиваясь вокруг дерева.

Выросший в среде русских и казахских мальчишек и в хорошей русской школе (были школы, где преподавание велось на казахском языке), Ибрагим хорошо знал «великий и могучий». И потому он поспешил предупредить тетю:

– Не говори ни слова. Я сам с ним разберусь.

Он отлично понимал, чего больше всего желал бы этот мужик в данную минуту – конечно же, ответного скандала.

– Мы пока что находимся на проезжей дороге. И намерены расположиться здесь. Идти нам больше некуда, – как можно более мягко и, не роняя улыбки с лица, проговорил Ибрагим.

Бородатый мужик, видимо, понял, что его усилия напрасны и рванул куда-то по пыльной улице. Ибрагим догадывался, что он побежал в милицию с жалобой. Но был спокоен. Крыть мужику было нечем.

Объявился только к вечеру. Как и предполагал Ибрагим, было похоже, что жалобу его так и не приняли ввиду несостоятельности.

Но жить на улице тоже невозможно. Жару еще можно стерпеть, а вот ненастье... Кто знает, сколько времени пришлось бы провести сиротам под деревом, если бы не сосед-аварец. На вторые сутки он пригласил бездомных к себе, выделил одну комнату, а сам со старушкой переместился в другую. Как потом оказалось, эти старики еще до выселения общались с чеченцами и хорошо знали чеченский язык.

– Это не наш дом, дождемся хозяина и уедем в родные места, – часто выговаривал старик своим поселенцам. А потом указывал на большое зеркало в углу, старинную ручную швейную машинку на столе. – Эти вещи тоже остались от прежних хозяев...

В том году, перед самым возвращением на родину, Ибрагим закончил восемь классов и должен был учиться дальше. Этого хотела и Зайнап. Однако подросток твердо решил устроиться на работу на новом месте. Но так, чтобы и Зайнап была довольна, и замысел свой осуществить: Ибрагим поступил в вечернюю школу рабочей молодежи. Здоровье Зайнап к тому времени окончательно было подорвано непосильным трудом. Она сама часто говорила:

– Это колхоз отнял у меня здоровье.

Ибрагим твердо решил: в колхоз пойдет он. Она останется дома.

На первой же неделе он пошел в правление колхоза, из-за притока большого количества людей временно переместившегося в сельский клуб. За длинными столами в центре зала здесь разместилось несколько человек: мужчины, женщины. В основном, члены правления колхоза. Все подходившие к столу были чеченцы. После несложных процедур первого знакомства у посетителя спрашивали профессию. Многие чеченцы-возвращенцы были шоферами. Спецпереселенцы иных возможностей для карьерного роста в изгнании не имели. Лишь единицы из числа тех, кто прежде на родине занимал высокие посты или прошел через всю войну, оказывались во главе бригады или звена. Но – не выше того.

– Завтра приходи в гараж, – говорили шоферам. Механизаторов направляли

в тракторные бригады. А тех, кто не имел никакой специальности, отсылали в полеводческие.

В категорию последних причислили и Ибрагима.

– А ты разве в школу не ходишь? – спросил у него мужчина с полным круглым лицом, по всей видимости, главный в этой комиссии. Позже выяснилось, что это был председатель колхоза.

– До сих пор ходил, – замялся Ибрагим.

– А что теперь случилось? – не унимался председатель, сочувственно разглядывая подростка.

– Мне надо кормить мать.

Ответ подростка несколько смутил руководителя. Он вопросительно поднял на него глаза.

– Хорошо. Выходи на работу в любой удобный день, – сказал он.

Днем – работа, ночью – учеба. Ночью – учеба, днем – работа. Тому, кто не прошел через это, трудно себе представить, что это и есть настоящее испытание на прочность. Ибрагим успевал и в школе, и на работе. Усталости он просто не знал. Только одна Зайнап понимала, что это пока и ненадолго. Поэтому она очень хотела, чтобы он продолжал учебу.

Мечта ее исполнилась: Ибрагим успешно окончил школу, а затем и институт. Зайнап не могла нарадоваться успехами племянника. Но век человеческий короток. Она легко и со спокойной совестью покинула этот бранный мир.

11

В последние дни Зайнап переживала за Ибрагима и все чаще напоминала о том, что он может остаться один на один с этим огромным миром. Она все чаще стала напоминать об этом и самому Ибрагиму, и тем, кто приходил в последние дни навещать ее.

– Я-то свое отжила, Ибрагима жалко. Не на кого будет ему, одинокому, опереться после меня. Говорила – женись. И слушать не хочет. Что делать – ума не приложу. Хоть ты попробуй, – наставляла она его ровесников или родственников, а то и просто соседей, заглядывающих к ним, чтобы справиться о ее здоровье. Но Ибрагим тянул с женитьбой не потому, что девушек было мало, да и редко какая могла бы ему отказать. Наоборот, ему постоянно предлагали то одну, то другую. Но видел другие, несложившиеся пары и боялся, что чужая внесет разлад в спокойную, размеренную жизнь их маленькой семьи, и потому все откладывал этот вопрос «на потом».

Вторым человеком после Зайнап, кто проявлял хоть беспокойство о судьбе Ибрагима, был его давнишний друг Нурдин.

– Так, так... Ну-с, когда же мы приведем в твой дом молодую невесту? – при каждой встрече задавал один и тот же вопрос Нурдин.

– Когда подрасту, – туманно отвечал Ибрагим, а когда тот заходил слишком далеко, переводил разговор на другие рельсы. Так или иначе, Нурдин не мог добиться от него определенного и вразумительного ответа.

Сошлись Ибрагим и Рукият, когда все ближние и дальние родственники Ибрагима потеряли всякую надежду сыграть его свадьбу. Без особого шума, по-тихому, прошла эта церемония.

Рукият точно так же, как и Ибрагим, выросла в сиротской семье. И вдобавок, в многодетной. Как старшей из трех сестер и брата, на ее долю выпало тяжелое испытание и ранний труд. Когда в их горное село стали навещаться «гости» из райцентра, старая и немощная Миспа решительно наказала старшей дочери:

– Иди. Не вечно тебе пребывать в родовом гнездовье. Теперь у меня помощников хватает. Без тебя управимся...

Рукият оказалась очень хозяйственной, охотно бралась за любую работу, поспевая повсюду. Ибрагиму постоянно приходилось выговаривать ей вслух:

– Женщина⁵, это можно бы оставить и на будущее. Брось надрываться. После нас все равно наше добро попадет в неблагодарные руки.

Последние слова Рукият воспринимала как упрек в свой адрес и еще яростнее набрасывалась на работу. Дело в том, что природа не дала ей счастья стать матерью. Видимо, сказался непосильно тяжелый ранний труд. Она считала себя виноватой перед Ибрагимом, хотя тот ни разу не попрекнул ее. За это она была благодарна мужу и считала себя в неоплатном долгу перед ним. А еще и за то, что не поддался на разные там увещевания: расстаться советовали, иссякнет род, говорили.

Иногда Рукият сама пыталась завести с мужем разговор на эту тему.

– Тебя, – говорила она, – винить мне не в чем. Как ты пожелаешь, так и будет. Скажешь уходи – уйду. Скажешь остайся – останусь. Жениться на другой надумаешь – тоже стерплю.

– Не неси напраслину. Не терзай себя. Все во власти Создателя... – успокаивал он жену, хотя в одиночестве с тоскою думал о том же самом.

Так шло время: дни, годы. Через какое-то время поутихли разговоры. Но и на старости лет Рукият не находила себе покоя, все копошилась как пчелка, не давая нагруженным рукам передышки.

– Жена, хотелось бы знать, на кого ты батрачишь? Нам обоим осталось совсем немного. Если мне суждено будет раньше тебя покинуть этот свет, считай, родичей всяких, претендующих на наследство, в нашем роду объявится предостаточно. Это мы с тобой живыми никому не нужны. Тебя изгонят, нитки с иголкой не дадут. Может, схоронить меня кое-как еще позволяют...

– Посмотри, Дика к1ант⁶, на него, этот человек всячески мешает мне заниматься делами. Можно подумать, что я его первым отпущу на тот свет, – пыталась Рукият отшутиться в присутствии Нурдина.

...Сегодня уже не до шуток. Рукият хорошо это понимает. Она бесшумно передвигается по комнате, разговаривает мало и вполголоса, чтобы не мешать умирающему мужу. Даже стакан чая для Нурдина, который проводит последние дни и ночи у постели старого друга, она наливает молча, без спроса. Ибрагим только изредка, да и то чуть заметно приоткрывает глаза. Тогда Нурдин задает ему свой обычный вопрос, просто желая разбудить угасающую память друга.

– А помнишь?..

– Помню. Все помню, – последним аккордом натянуто и глухо откуда-то из небытия доносится еле уловимый голос больного.

¹ Деца (чеч.) – тетя по отцовской линии.

² Дада – дедушка.

³ Ваши – дядя.

⁴ Баба – бабушка. Здесь в значении старой женщины.

⁵ Женщина – так в чеченских семьях супруг кличет жену.

⁶ Дика к1ант (чеч.) – буквально: хороший парень. Сноха в чеч. семьях не называет родственников мужа и его друзей по именам.

Леча Ясаев

Этой осенью в жизни известного чеченского поэта Лечи Ясаева произошло знаменательное событие – ему исполнилось 60 лет. Леcha Ясаев родился в 1953 году в Казахской ССР. Пишет стихи, прозу, является автором замечательных эпиграмм и дружеских шаржей, а также – автором и соавтором поэтических и прозаических сборников стихов и рассказов: «Враковине сердца», «Утреннее эхо», «Лирика-90», «Огнем опаленные строки» и др. Неоднократно публиковался в различных российских и кавказских периодических изданиях: «Литературной газете», газете «Черкес хэку», журналах «Российский колокол», «Лира Кавказа», «Вайнах», «Нана», «Ковчег Кавказа»; альманахе «Голос Кавказа». Его стихи переведены на аварский, черкесский, грузинский, английский и польский языки. Член Союза писателей и Союза журналистов РФ. Имеет награды (в том числе юбилейную медаль МСПС им. А.П. Чехова), многочисленные грамоты. Редакционная коллегия журнала «Вайнах» присоединяется к многочисленным поздравлениям и предлагает вниманию читателей подборку из нескольких стихотворений юбиляра.

В этой жизни, корявой и хилой, было все – и почти ничего...

В строках сквозь столетья
тревожа умы,
Хотел бы достичь я высот Низами.
Мне дорог Казбеги, писатель-грузин,
Он предан Кавказу как истинный сын.

Английского лорда изысканный слог
Открыл мне глаза
на бескрайность дорог.
Под небом Эллады смолк голос певца,
Он преданно музе служил до конца...

По-новому, помню, взглянул я на мир,
И в этом помог мне великий Шекспир.
Безбрежного Данте молитвенный стих
Пронизан и болью, и скорбью святых.

Он мира и правды достойный певец,
Несет сквозь столетья терновый венец.
Я Генриха Гейна умоюсь слезой –
Стихи его дышат весенней грозой.

Учитель смиренья,
не знавший вражды,
Нас к вере вызывает дух Кунта-Хаджи.

Он в жизни не прожил в покое и дня
И жил, и дышал он тобою, Чечня.

Не счесть всех людей,
что прошли по земле,
Деянья ушедших остались во мгле...
Никто в этот мир
сам прийти бы не смог –
Но, видно, отметил
зачем-то нас БОГ...

Вдыхая воздух напряженный,
Проходит ночь опять без сна.
Я знаю, выжить невозможно,
И знаю, спит все война.

Бомбят без устали, тревожно,
И ночь, как смерть, черным-черна...
И суть войны понять не сложно –
Она списать нас всех должна.

Не только жуткий запах смерти
Нас душит в этой темноте –
За каждым взрывом будут вести,
И лишь одна придет к тебе.

Мы знаем, как играют нами,
Не трудно вникнуть в суть клещей –
Пора страну вперед ногами...
И к стенке нас, но без вещей...

Вдыхаю воздух напряженно –
Как жаль, что жизнь всего одна!
Я знаю, выжить не возможно,
И не виной всему война...

А.Г. Авторханову

Когда богатство – только совесть,
Залог всему – мужская честь.
Как прежде, козни строит подлость...
Хвала Аллаху, что ты есть.

Сегодня гавань – не скамейка.
Чеченцы помнят о тебе,
Как должно помнить человека,
Что стал нам светочем в борьбе.

И жизнь твоя чиста, как песня.
Не потому ль в ней свой надрыв?
Свободе в этом мире тесно,
Где слово Правды, словно взрыв.

Твое богатство – это Совесть,
Залог тому – чеченца честь.
Пусть, как собака, брешет подлость –
Клочками лезет только шерсть...

В этой жизни, корявой и хилой,
Было все – и почти ничего...
Жить в стране, до маразма постылой, –
Все равно, что лишиться всего.
Нам мозги не сегодня промыли.
Убивали не только вчера.
Цепенели и нервы, и жилы,
Прессовали под маркой «врага».
Мы цеплялись в гранит, выживая,
Как репейника куст на скале.
И вела нас по жизни кривая,
Чтоб хоть кровью остаться в земле.

Другу

Ищу всю жизнь правдивые слова –
Неправда слов рождает отторжение.
Какие есть у памяти права
Хранить в душе былого отражение?
Я знаю истина есть Бог,
И каждый час мой
на земле прописан...

И если что-то в жизни я не смог...
На четках жизни промах мой нанизан.
Кому, скажи, пришлось у нас попасть
В своем отечестве в пророки?
В стране, где могут
труд твой обокрасть...
Открыты только нищие дороги...

Как хорошо, что я не болен
Желаньем понукать людьми.
Ни в чьей я смерти не виновен,
И нет на мне чужой вины.

Как хорошо, что хищным взглядом
Я не смотрю на все и вся.
Чужой кусок мне стал бы ядом,
Я знаю точно, что нельзя...

Как хорошо, что, кроме БОГА,
Я не обязан никому.
Мой трудный хлеб горчит немного,
Но с ним легко идти к Нему.

Сегодня грусть моя – ничто.
Сегодня искренность – не в моде.
И нет ответа ни на что,
И люди свыклись с этим, вроде.

Сегодня – все наоборот.
И нет безумию предела.
И учит каждый идиот,
Как все должны болеть за дело.

Гарцует хамство на коне,
Желая быть печатью рока.
И отражается на мне
Блеф авантюрного итога.

Свобода – тоже! – добрый куш.
Когда есть связи и мощна...
А проходимец – вездесущ,
Хоть нет ни такта, ни ума.

Вот – снова – занавес дрожит:
Актеры вышли – все – на сцену...
А режиссер – все тот же жид –
Приватизирует арену.

Роза Межиева

Лирический дневник Ахмета Асхабова

Недавно в редакцию нашего журнала пришли двое – мать и сын – с просьбой познакомиться и вынести свое суждение о поэтическом творчестве главы семейства, Ахмета Асхабова. Разумеется, с надеждой на дальнейшую публикацию.

Чеченская семья, вернувшаяся на историческую родину после долгих лет разлуки из Казахстана. Кажется, для людей такой судьбы есть даже специальное определение – репатрианты. Фатима (так звали женщину) протянула небольшой блокнот в красной клеенчатой обложке, исписанный мелким убористым почерком от первой до последней страницы, и пояснила: вынести стихи на суд читателей или критиков было целиком ее инициативой – для любого творческого человека все лучше, чем оставаться в забвении. Сам же Ахмет, сколько его ни уговаривали, постеснялся придти. На вопрос, печатался ли он прежде где-нибудь, кем работает, какое имеет образование, ответ был таким: образование среднее школьное, тридцать лет работал чабаном, нигде не публиковался. Единственным слушателем, а где необходимо, и советчицей, была и остается она, Фатима Асхабова. И неожиданно добавляет: «Знаете, он очень любит природу, жить без нее не может и привык оставаться с нею один на один. Там, в Казахстане, мы жили в степи, на «точках» – порой, на десятки километров цивилизации никакой. Сами себе травники, лекари... И здесь он все порывается отправиться один то в лес, то в горы – все ему интересно: каждая травинка, цветок, деревце. Едва его удерживаем – все-таки небезопасно ведь пока в наших лесах...»

Ну что же... Люди к нам обращаются разные, и в том числе (да что там, подавляющая их часть) те, для кого стихотворчество не ощущается каким-то особым призванием, но является своеобразной отдушиной порой в не слишком «счастливой» жизни. У кого-то такие поэтические опыты можно назвать удачными и даже талантливыми, а у кого-то – не очень... В любом случае, достойно уважения само желание творить, выражать свое мироощущение, мечты, чаяния (зачастую несбыточные) и разочарования не в каждодневном недовольстве жизнью и окружающими людьми, а в таком «энергоемком» виде творчества, как поэзия. Вот с такими, примерно, мыслями я приняла блокнот со стихами Ахмета Асхабова из рук его жены Фатимы.

В литературном мире не редкость, когда поэт или писатель сравнивает себя с крестьянином или рабочим, а свой труд – с тяжелым трудом этих людей: «Рабочий я, хотя служу пером» (Святопук Чех, чешский поэт девятнадцатого века) или: «Я стал батраком-поденщиком, возделывающим рукописи» (Кодзиро Сэридава, современный японский писатель). При близком знакомстве с поэтическими произведениями Ахмета Асхабова становится сразу ясно, что ему нет нужды примерять на себя чужие роли даже образно – его лирика вся от первого лица, она о муках и радостях его жизни, о судьбе, выпавшей на его долю. А мир, окружающий поэта-пастуха – всего лишь зеркальное отражение образов, чувствований и ощущений, населяющих мир его души. Если взять на себя смелость как-то обобщить творчество Ахмета Асхабова и вывести «черным по белому» одной строкой, то более подходящего определения (пусть и не отличающегося особой оригинальностью), чем «Лирический дневник наблюдений и самоанализа», найти, наверное, будет сложно. Действительно, его стихам свойственна какая-то обостренная исповедальность. «Цепляющая» внимание читателя суть – такая всамделишная, безыскусная – она (если выражаться языком «общества потребителей») для тех, кто любит все «натуральное» (то есть, «природное»). Эта «суть» (или содержание), конечно, далеко опережает «форму» – не ищите здесь виртуозной подачи, то бишь изощренной техники стихосложения, и не взывайте строго. Ведь «университеты» Ахмета Асхабова – это, как он сам признается, «лишь всеобуч».

Мои курсы – шумные отары,
Степь – куратор, но не грамотей,

Потому и скудость моих знаний
Не мешала слушать меня ей...

Язык, на котором поэт выражает свое «мирочувствование», – неприхотливый «замес» из осколочных воспоминаний об уроках «высокой» (не по аналогии с модой для привилегированных классов) литературы, на которых знакомились и изучали русскую поэзию Золотого и Серебряного веков. А также – диалектного говора современного русского же крестьянства, волею судьбы оторванного от большой материнской «платы» и затерянного в лесостепных и степных просторах Казахстана. От этого неумышленного смешения стилей стихи Ахмета Асхабова, может быть, что-то теряют. Да и нередкое употребление литературных «архаизмов» (не отвлекаясь на другие «нюансы») отчасти тоже «вредит» общему впечатлению.

И напротив, стоит Асхабову заговорить языком той современной действительности, в которой он каждодневно обитает и общается с людьми, населяющими ее же, – стихи его будто становятся полнокровнее, начинают переливаться яркими и насыщенными красками, пульсировать теплыми жизненными токами.

Еще одна характерная особенность лирики чеченского поэта – это неизбывная тоска, «красной нитью» пронизавшая почти каждое его стихотворение – тоска по Отчизне, ее долам и вершинам:

Звени, звени, моя тоска,
Звени шемающе струной...

Или же:

Белую, ровную ниву бумаги
Семенами тоски засеваю...

Тоска по состарившимся вдали от сына родителям:

Я немало использовал слов и листов,
Унять пытаюсь тоску,
Под отчий меня зовущую кров...

Тоска по родине, с одной стороны, оказалась бередящей душевные раны «отравой», которой во многом обязан своим «желанием творить» поэт, живущий в пастухе Ахмете Асхабове. Ну, а с другой – к сожалению, нельзя не заметить ее угнетающего воздействия на ту самую живую «зеленую поросль», которая в других, более благоприятных условиях, обещала дать «плоды дивные и ароматные». Не повезло. А отсюда удрученное признание:

Я сам себе поэт, я сам себе певец.
И сам себе, как ни печально,
Я на дуде игрец.
Моя аудитория,
Увы, лишь только степь...

Это тем более грустно, что стихи Асхабова, действительно, очень светлые и добрые, заслуживающие найти дорогу ко многим сердцам читателей, а не только к сердцу Великой степи, которая, хоть и «не грамотей», а все же «госпожа», и угодить ей не так-то просто:

А степь невозмутима,
Ее не удивить –
Она ли не взрастила
Акынов всех, джигит?!

Ну а нам, со своей стороны (дабы дорога к сердцам читателей стала чуть короче), остается лишь приоткрыть «лирический дневник» поэта-пастуха...

Ахмет Асхабов**Я мало видел, мало знаю...**

Казалось бы... что говорить,
 Коль мало видел, мало знаешь?
 А от желания творить
 Избавить как себя, не знаешь...

Я видел лишь чабанский посох,
 Малиновый рассвет в степи,
 Сверканье трав в алмазных росах,
 Закатов жаркие огни.

Детей чабанских видел босых,
 Весь день играющих в пыли,
 В глазах агатовых, раскосых
 Степные радости цвели.

Я видел степь в кольце пожаров
 И дыма тучи в небесах,
 Сиянье тусклое Стожаров,
 Луны, стоящей на часах.

Природы видел увяданье
 И обновление ее,
 И каждый раз с ней на свиданье,
 Как в первый раз, меня влекло.

Я видел шумные отары,
 Ходил за ними по степи,
 Но этого, мой Бог, так мало –
 Решиться чтоб писать стихи.

А знаний – меньше и того,
 Что видели мои глаза...
 Так почему же, отчего
 Поэта снится мне стезя?

Эх, устал я...

Эх, устал я очень, кум:
 И от тяжких своих дум,
 И от жизни однобокой,
 Постоянно одинокой.

Каждый день ходить, как тень,
 Молчаливо по степи
 И маячить, словно пень,
 В стужу зимние один.

То ли старость, то ли лень –
 Но лишен душевных сил.
 Так хочу я, кум, под сень
 Вновь попасть родных вершин!

Вам некуда ехать...

Вам некуда ехать – вы дома живете.
 По жизни вы в сердце
 тоску не несете.
 Вы песен печальных почти не поете –
 Тоску мою, боль мою
 вряд ли поймете.

Разлуку с отчизной на долгие годы
 Вы не знавали, друзья, никогда.
 И тяжесть стесненной
 душевно свободы
 Вам тоже знакома, увы, не была.

Вам ли понять, почему мои мысли,
 Где бы они ни витали,
 Всегда возвращаются
 к долам Отчизны
 В своей неизбывной печали?!

В лесу

Тяжело нависли над землей
 Хмурые, седые небеса.
 По тропинке я иду лесной,
 Где шуршит опавшая листва.

Опустевший, обнаженный лес
 Густо пахнет сыростью грибной,
 Скучным светом освящен с небес
 И окутан, будто полумглой.

Сам себе сделал он график такой –
Раз не дозволен ему выходной.
И псиная твердость в вопросах труда
Несокрушима вот уж года!

Посох чабана

Стоит вот посох у стены
Пустого скотского загона –
Давно ль бродил со мной в степи,
А не торчал бездельно дома?!

Мой атрибут чабанский, давний,
Отполированный до блеска
Моими только лишь руками,
Забот своих лишился резко.

Теперь, не нужный никому –
Простой, сухой, забытой палкой...
Как дед, сгорбясь фигурой жалкой,
Ты пригорюнился в углу.

Диалог на похоронах

– Умер?
– Умер.
– И мы умрем...
Раньше днем, позже днем...
Все в забвение уйдем!
Украдет смерть имена
Наши с вами навсегда,
И могильная плита
Упокоит на века...
Так зачем же слезы лить,
Коль и нам не вечно жить?!
Что горюем по ушедшим,
В вечности покой нашедшим?
Если жизнь – лишь суета –
Пусть прервется – и глаза
Остаются пусть сухими,
Коль мы скоро будем с ними.

– Суета ли или нет,
Но уходим все из жизни
на тот свет.
Потому и сердцу больно
За ушедших в мир иной,
И глаза наши невольно
Увлажняются слезой...
Коль собака даже воеет
Над подохшими щенками,
И собачье сердце ноет, –
Что же тут поделаться с нами?..

Так уж созданы мы, люди, –
Не оплакивать не можем
Тех, кого жалеем, любим –
Хоть слезами не поможем.
Но себе облегчим горе,
Выплакав из сердца вдвое...
Тот, кто плакать не умеет,
В сердце жалость не имеет.

Мои ли вы знакомые?

Как трудно все же не поддаться
Постигшей нас всеобщей порче,
Каким ты был – таким остаться,
Хотя бы даже в стае волчьей.

Гляжу на вас и удивляюсь:
Мои ли вы знакомые,
С кем я давно уже общаюсь,
Людьми считая добрыми?

Смотрю и думаю подчас:
Не в волчью ль стаю я попал?
Не алчущий ли красный глаз
И хищный вижу я оскал?

Откуда зависть, жадность, злость?
Куда исчезла доброта?
Застряли в горле, словно кость,
Желаньем ближнего добра...

А, может, все же ошибаюсь,
С другими, может, спутал вас?
Тогда напрасно обижаюсь,
Простите мой незоркий глаз.

Неужто время виновато,
Что даже в дружбу лезет корысть –
Где нагло, а где воровато...
Но где же, люди, наша совесть?!

Я остро чувствую тоску
По «старым, добрым временам»,
Когда еще служить добру
Взывала все же совесть к нам.

Дебют**Гунки Хукиев**

Родился в 1952 году в Киргизской ССР. В 1959-1969 годы учился в средней школе с. Бачи-Юрт Курчалоевского района. В 1971-1973 годы служил в рядах Советской Армии в ГДР. В 1973 году поступил в Грозненский нефтяной институт по специальности «инженер-строитель», после окончания которого принимал участие в строительстве важнейших объектов местного и союзного значения. Участник ликвидации последствий землетрясений в Армении, а также руководил строительством в городах Спитак и Степанаван.

С 1992 года живет и работает в Чеченской Республике. В 2007 году удостоен звания заслуженного строителя ЧР.

В журнале «Вайнах» публикуется впервые.

Из записок солдата эпохи застоя...

Рассказы

Слово о матери

Хьомсарчу хьайн ненан юхь-сибат ахь диццадхь,
Ша, Даймохк, кьинтIера бера бац боху цо!
М. Мамакаев¹

Часто думаю о судьбе своих родителей и о том, могли бы ли они встретиться так просто в жизни, как мы в семидесятые годы? Думаю, что нет. По крайней мере, моим родителям это не суждено было. И такому судьбоносному событию, к сожалению, предшествовала длинная цепь трагедий. Первый муж матери затерялся на фронте Отечественной войны, а ее как врага народа с двумя детьми и похоронкой на мужа отправили в Сибирь. Долгий зимний путь, холод и голод дети не вынесли – они остались по дороге в степях Северного Казахстана. За неимением других родных и близких мать жила у сестры и зятя, которые потеряли аж восемь детей. Тетушка так и не смогла себе простить, что, когда 23 февраля 1944 года их грузили на «студебеккеры», ее дети в суматохе путались под ногами и кричали: «Баба, баба куда нас везут?», она в сердцах отвечала: «Убивать везут, убивать!»

Дальнейшая судьба сложилась так, что моя мать со своей сестрой и ее мужем попали в Киргизию. Мать работала в городе Фрунзе на промкомбинате, кошму делала. И судьбе было угодно, чтобы на фоне Тянь-Шаньских гор она встретила моего отца, который также был вдовец, но у которого были дети. Четверо. Будущие мои братья и сестры.

Словом, мать взяла свой узелок и вышла замуж. То, что мать когда-то была замужем да еще имела детей, для меня было большим ударом. И эта тема в семье не обсуждалась. Хотя в этом не было ничего постыдного – ведь все обряды были совершены только по канонам ислама, но тем не менее я, глупец, стеснялся того отрезка жизни моей матери. И вот однажды, еще в школьные

¹ С чеч.: Если ты забудешь черты лица собственной матери,
Земля отцов говорит, что никогда не простит тебе этого!

М. Мамакаев (подстрочный перевод).

годы, мы с ней впервые заговорили о ее детях. Как их звали, сколько им было лет... Обычное детское любопытство, но вдруг я перешел на взрослую тему и спросил: а как бы она поступила, если бы ее дети остались живы? Вышла бы она замуж за нашего отца? В устах матери меня не устраивало ни да, ни нет. В чеченском лексиконе нет такого слова, как отчим, а есть постыдное понятие «муж твоей матери», и мать-одиночка не может выйти замуж вместе с детьми. Мне, конечно, было жалко тех детей, не хотелось, чтобы ради замужества мать забросила их, но, несмотря на юный возраст, понимал, что без отца дети не бывают, значит, о моем существовании также не могло быть и речи. Детей, родных мне по материнской плоти, не принимала во мне другая моя кровь – отцовская, и я не хотел делить мать с моими родными братьями. Но ответ матери обескуражил меня – она в жесткой, категоричной форме ответила, что никогда бы не вышла замуж, если бы ее дети остались живы. И в этот момент глаза ее и лицо... вспыхнули от нежности, и этот трепет души и сердца был адресован не мне, а тем неизвестным детям. Да, трудно оказалось делить нашу мать с кем бы то ни было – из пальца высосанная ревность душила меня. Эгоизм высшей категории присущ только детям.

Прошли годы. Отдав мне и моим братьям всю материнскую любовь, мать уже давно отошла к своим несчастным детям, а я часто думаю, из каких же случайностей произошел я сам. Стоит рассказать о судьбе одного пятилетнего мальчика, привезенного в 1957 году на Кавказ, какие тому, за несколько лет до выхода его с громким криком в эфир, предшествовали обстоятельства, и вот вам вся трагическая история чеченского народа.

Я два раза терялся в детстве. Один раз еще в роддоме меня украли киргизы, у них были одни девочки, и они таким образом пытались решить свою проблему. Как позже с иронией рассказывала мать, ей принесли покормить белый сверток с черным личиком, на котором едва угадывались глазные щелочки и две дырочки вместо носика. «Эту вещь не я родила», – сказала она, и меня быстро нашли. Второй раз, в 1955 году, когда мне было три года, потерялся я на Фрунзенском базаре. Отец бегал по базару и вместо возраста и примет потерявшегося мальчика рассказывал, из каких сортов винограда выведено его чадо – отцу было 60 лет, а работал он сторожем на виноградных полях совхоза им. Ленина. Меня нашли, но просили выкуп, так, в шутку, чтобы подзадорить отца. «Отдай все свое богатство, но приведи мальчика», – не растерялся отец распорядиться чужим имуществом, якобы обращаясь к посреднику, односельчанину Джаловди. До конца своей жизни Джаловди при встрече смеялся и шутил, спрашивая, когда же мой отец отдаст ему долг.

Мать была родом из Центороя, что в Ножай-Юртовском районе, и в юности потеряла свою мать. Бабушка утонула вместе с мельницей, откуда буквально за полчаса она отправила свою дочь – мою будущую мать.

Во второй половине тридцатых годов XX века, в разгар сталинского политического разврата, Муса из Центороя, известный мастер-оружейник, двоюродный брат матери, вышел на тропу войны с советской властью, т.е. стал абреком. Повод – Муса не позволил чекисту Мазлаку Ушаеву арестовать местного муллу. В этом противостоянии власти и народа весь материнский род был уничтожен, остались лишь мать, ее старшая сестра и их бабушка по отцовской линии, которую увезли ее братья из села Сержень-Юрт, решив, что больше уже некому хоронить престарелую женщину.

До замужества сестры жили в том же селе, в урочище Чангалкх. Самым страшным приговором мать считала «кӀур байна цӀа» – дом с погасшим очагом. И когда мать, благодаря моему отцу, приобрела наконец полноценную семью, она до конца своих дней берегла дым этого очага. В ее «нохчийн пеш» (чеченская печь), которую она сама и делала, зимой и летом тлели три полена, ни больше ни меньше. Дважды потерявшей семью, для нее не было в мире других ценностей, кроме этого очага, где она в тепле и в уюте свила себе последнее земное гнездышко. И ни одна сила не могла оторвать ее от него – ни мои просьбы после смерти отца жить в благоустроенной квартире, ни во время обстрелов

села артиллерией, ни во время бомбежки штурмовой авиацией федералов, когда я бегал, не зная, куда деть семью. Рассказанная мной фронтовая притча о том, что снаряд два раза в одну воронку не попадает, ей понравилась – два раза она пережила потерю семьи, но третий раз уже нереально. Не было случая, чтобы она лечилась в больнице, мелкие старческие хвори переносила у своей заветной печки. Прожив до старости лет на расстоянии шести километров от федеральной трассы Баку-Москва, мать только два раза пересекала ее и то насильственно – во время высылки туда и обратно.

За два года до призыва в армию, когда в «семнадцать лет парню ночью не до сна», приходя поздно домой, я гремел кастрюлями в поисках еды, мать спросонья называла меня одним и тем же, но не моим именем: «Джабраил, это ты?» Когда это имя уже стало за мной закрепляться, спросил у матери, кто такой Джабраил? Оказалось, это младший из трех ее братьев, погибших в 1939-40-е годы от рук НКВД. Последний раз мать его видела в моем тогдашнем возрасте, и мое лицо, внешность стали напоминать ей брата. Уже и днем, прежде чем окликнуть меня, она называла это имя, ну я и свыкся с двумя именами и отзывался на оба. И только после армии, когда я вышел из юного возраста, имя дяди отстало от меня.

Во время призыва в армию я даже не помню, обнимались ли мы с матерью или нет. На проводах, сбитый с толку, растроганный тем, что впервые оказался в центре всеобщего внимания многочисленной родни, я не заметил двух женщин – мать и тетушку. А когда, казавшийся человеком с железным характером, дядя обнял меня и расплакался, то совсем уже голову потерял. Эх, видать, чувствовал старый мюрид революции, участник стодневных боев в Грозном, последнюю разлуку с племянником. Портрет его, как героя Гражданской войны, висел в Национальном музее ЧИАССР. Дяди не стало во время моей службы. Оба мои дяди воевали, один – за, другой – против советской власти, но я горжусь ими, и пусть их пример другим станет наукой: нельзя оставаться в стороне «во дни торжеств и бед народных», а Россия пусть сама разбирается со своими друзьями и врагами.

На пути в армию от Грозного до Бреста призывники показывали чудеса беспечности, но, когда мы, молодые солдаты, пересекали госграницу и почувствовали далекую и долгую разлуку с домом, все утихло и ушли каждый в свои мысли. Предо мной же предстали мать и тетя, молча стоявшие в стороне, как боевые лошади. В присутствии старшего брата мужа показывать свою слабость было не в ее духе, да и потом она не первая в мире мать, провожавшая сына в армию. Вот ответ на вопрос, почему она не теряла самообладания при разлуке с единственным сыном.

Но мать все-таки допустила публичную ошибку, не свойственную женщинам «воинского ранга», как она. Еще в 60-е годы через наше село часто делал марш-бросок Шалинский учебно-танковый полк. Когда этот марш выполняли во время моей службы, мать, стоя у ограждения, звала меня, находившегося в Германии, как в кинофильме «Отец солдата». Хотя ее сын не был офицером и, слава Аллаху, не на войне, но то, что он служит в танковых войсках, ей было известно. Над ее наивным поступком подшучивали и посмеивались жены моих родных и двоюродных братьев. Но, когда очередь дошла до них, они поняли ее душевную боль и молча, с материнской тоской, не стесняясь уже никого, вытирая слезы, провожали все ту же колонну Шалинского танкового полка, где за рычагами сидели уже ровесники их сыновей. Потом приходили к матери развевать грусть-тоску и, как будто извиняясь, но мать без тени иронии успокаивала своих снов.

Все мы помним 31 декабря 1994 года. По нашему селу, как и по всей Чечне, пробежал тревожный вековой традиционный окрик «Орца дала!»² Был я солдатом два года, офицером запаса СА и все не по моей воле, а воином так и не стал и даже драчуном. Нет, не трусость. Не хочу и не мое это! Но в тот

² Орца дала! (чеч.) – На помощь!

момент и у меня проснулся инстинкт предков. Принял душ, стал одеваться в чистое белье. Мать заходит и интересуется, куда и зачем я еду, что она не делала никогда. Она запретила мне ехать в Грозный. Я стал упрекать ее, как тебе не стыдно, мол, вон, в центре села молодые матери провожают своих сыновей. В жесткой форме: «Я уже не раз видела такое, и это для меня не новость!» Сказала и вышла.

Мы с матерью не признавали телячьей нежности, как-то: обниматься при встрече и разлуке – из необходимости трагедию не делали. Надо, так надо – и все. Но когда она умирала в окружении моих братьев и сестер, которых она сумела сделать себе и мне родными, там же были мои сыновья и дочь, племянники всех рангов, она отыскала глазами только меня и тихонько прошептала: «Каким же сиротой тебя оставляю!» Несмотря на трагизм момента, все улыбнулись. «Ну, какой же я сирота?» – сделал я попытку отмахнуться от судьбы одинокой бедолаги. В ее еще тлеющем взоре весь мир и вся вселенная уменьшились до невероятно маленьких размеров, почти в одну точку, и этот луч света смотрел на меня одного. Глазами она указала, чтобы я покинул помещение – я понял, что мое присутствие в комнате, где ходила смерть, для нее невыносимо. Через пять минут она отошла. До последней минуты она не теряла разум и природную, жизненную мудрость.

Сегодня я девятикратный дед, но, как говорила мать, чувствую одиночество. Много я слышал определений слова «счастье», но среди них только одно мудрое: «Счастье, когда у тебя есть связь с матерью!»

Но все-таки не та трагедия, когда сын хоронит мать – это естественный процесс природы, а когда наоборот. Говорят: только два раза – при рождении и смерти ребенка – мать слышит свой собственный крик как бы со стороны. Пусть всегда и везде мать слышит этот крик только один раз и каждый раз при рождении человека!

Дембель

«Дембель, – говорили советские солдаты, – неизбежен, как гибель капитализма».

«Прощание славянки»... Кто служил в армии за границей с 60-х по 80-е годы, помнит этот военный марш. Под эту музыку полкового оркестра провожали солдат срочной службы домой на «дембель». В огромной столовой нашей войсковой части, на первом этаже в фойе, висела большая картина – «На привале» – репродукция известного советского художника на тему поэмы Твардовского «Василий Теркин». Так вот, под этой картиной, обычно в красные дни календаря, наш полковой оркестр во главе с майором-дирижером своей игрой на духовых инструментах придавал веселую, праздничную атмосферу. А когда играли марш «Прощание славянки», с первого аккорда столовая взрывалась от дружного крика «ура», и этот крик не угасал до конца игры. Но право проявлять бурную радость имели только «деды» («дембеля») – солдаты, отслужившие 1,5 года, разрешалось также «черпакам» – с годом службы, а «помазки» и прочая мелюзга должны были молча принимать пищу, как будто вся эта эйфория их не касается. А когда-то, в первые месяцы службы, казалось, что день «дембеля» для тебя в ближайшую пятилетку и не наступит – уж таковы были суровые традиции в Советской Армии, хотя, в целом, и оставили о себе только приятные воспоминания на всю жизнь.

С музыкой связан и еще один эпизод моей армейской жизни. Однажды к нам в роту пришел тот самый майор-дирижер, построил личный состав нашей танковой роты и заставил спеть ротную песню. Меня и еще одного солдата он выделил в полковой хор – приказал ротному отпускать нас в 10 часов каждого воскресенья для участия в репетиции. Я ликовал. Вся эта музыка и хор мне по барабану, но то, что появляется возможность сачкануть от трех- или шестикилометровой кросса в полной экипировке – это мечта каждого солдата. А как раз воскресенье, прямо в насмешку, был объявлен «днем спортивного праздника» – бежишь, высунув язык, с полной выкладкой, а у меня одна задача

– оставить за собой только одного солдата, чтобы фамилию мою не склоняли, как последнего. А хор наш репетировал песню про Советскую Армию – «Родилась ты под знаменем алым». Эта песня до сих пор оставила во мне теплые чувства, а когда слышу марш «Прощание славянки», по телу пробегают легкие мурашки и возникает охота пройти строевым шагом.

Когда в 1972 году на тридцатилетний юбилей 8-ой Гвардейской армии в Германию приехал маршал Гречко, я потратил много сил и солдатского имущества, чтобы достать одну медаль из числа юбилейных медалей, привезенных маршалом. Ко всему иконостасу, который я собрал всеми правдами и неправдами на дембельском мундире, именно эта медаль красовалась бы особенно. Но это добро тогда свято берегли, и мои хлопоты оказались напрасны. Для военнослужащих ГСВГ (группа советских войск в Германии) выезд в Союз был особым праздником, а для солдата срочной службы это было подобием священного ритуала. Как обычно, последние полгода армейской жизни «старик» посвящал подготовке к «дембелю», собирал, что говорится, чемодан – то альбом оформлял, то сбор всяких значков и подгонка парадной формы, где особым шиком считалась фуражка «а ля Гитлер капут». На ушивку одних брюк под «раскlesh» я потратил три месяца. Это был шайтан, а не брюки, особенно левая штанина, которая раскручивалась, как пружина. Из-за этих штанов я испортил отношения с нашим ротным старшиной, потому что я искромсал парадные брюки половины личного состава роты. Старшина был из Батайска, что под Ростовом-на-Дону. По-«землячки» он устроил меня в наряд в кочегарку в ночь выхода долгожданного приказа маршала Гречко о моем увольнении и не ленился через каждые два часа проверять, не сбежал ли я. Но даже прапорщик Советской Армии не способен изменить ход исторического процесса. Долгожданный «дембель» наступил. И вот, наконец, 15 мая под звуки полкового оркестра, который играл, как будто для меня одного, «Прощание славянки» я наконец одел свой «дембельский» вицмундир со всеми «почетными регалиями». По выражению лица нашего комбата их у меня было чуть меньше, чем у моего кумира маршала Жукова, и, глядя на значки отличника Советской и ГДР-овской армий на моей груди, не преминул сострить: «Что?! Знака отличника НАТО-вской армии не нашел?». Из гильзы патрона 23-мм калибра, фольги и немецких красок мы наловчились лепить любые значки и даже «Золотую Звезду» Героя Советского Союза, но уж повесить ее никто, конечно бы, не посмел. И чемодан был пестро разрисован, с одной стороны надпись: «Тяжел тот путь, коль юность в шлемофоне, а молодость закована в броню!» А с другой стороны большими буквами и шрифтом тевтонских рыцарей чемодан указывал на мой тернистый солдатский путь: ЛЕЙПЦИГ – ГРОЗНЫЙ. Лейпциг – это место дислокации нашего полка, вернее, нашей части, на знамени которой висели шесть боевых орденов и которая имела десять Героев Советского Союза, один из них повторил подвиг Матросова. «Дай мне, Аллах, добраться до дома, – думал я, вспоминая своих друзей-одноклассников, – я вам не стройбат какой-нибудь!». Одноклассники мои почти все служили в строительных войсках. Можно было подумать, что я имею какое-то отношение к этим беспримерным подвигам. Но я гордился, хотя и трудной, но службой в 8-ой Гвардейской Сталинградской армии.

За два года службы в Германии я не был даже в отпуске, читай в Союзе, и со времен Отечественной войны путешествие советских войск по железным дорогам Европы осталось на прежнем уровне. Хотя на дворе шли уже семидесятые годы XX века, а нас еще возили от Бреста до Германии и обратно в дедовских теплушках времен Австро-Венгерской войны, где впереди пыхтел легендарный паровоз. И только в городе Брест нас обычно пересаживали в цивильный плацкарт. Из Германии «дембелей» отправляли по военным округам и, в первую очередь, в дальние округа от западных границ СССР. Эшелон, где я ехал, вез первую партию «дембелей» из республик Закавказья, и мне, как лицу Северо-Кавказского военного округа, пришлось изрядно потрудиться, чтобы пристроиться к ним. Нас сопровождала группа офицеров, которые должны,

согласно инструкции, выдавать наши военные билеты в конечном пункте, но, приехав к «воротам» Кавказа – Ростову-на-Дону, они под честное слово раздали наши документы, а сами разбежались кто куда. И когда через неделю пути, проехав пол-Европы, солнечным вечером 21 мая я вышел из вагона на грозненском вокзале и не встретил, как тайно мечтал, толпу поклонников, я был разочарован. И как было стыдно, хлопцы, перед лицами братского Закавказья, которые высыпались из вагонов на перрон, чтобы обрадоваться вместе со мной торжественной встрече солдата с родным городом и – нет никого, кроме прохожих. Хуже того, не было даже родных – так случилось, что телеграмму «молния», отправленную мною накануне вечером из Ростова, через день после приезда домой почтальон сам вручил мне лично в руки. Но меня тут же окружила пацанва, которая гадала, кто же я: танкист, летчик, космонавт?.. Наконец, на мой ярко вызывающий вид стали обращать внимание и взрослые – на мне висели причиндалы всех родов войск, кроме отжившей кавалерии, хотя подковы магниевого сплава на ботинках выбивали искры, как из-под копыт боевого коня. Особый шарм делали аксельбанты на мундире, доставленные хитромудрой солдатской смекалкой.

Я шел пешком от вокзала до площади Минутка – хотелось себя показать да на родные лица земляков и город посмотреть, «где чеченец, русский, ингуш умножают счастье в радостной семье». Шел солдат домой с чувством выполненного долга, если хотите, перед большой Родиной с ласковым названием СССР. Шел, любуясь на свое отражение в стеклянных витринах магазинов, настроение мое от этого поднялось – я мысленно представлял себе, как наш полковой оркестр играет для меня одного музыку лезгинки. От всего этого казалось, что вся жизнь моя будет усыпана розами, которые росли тут же на газонах. И Грозный мой был самым прекрасным городом мира! Был...

Мне, механику-водителю на танке, отслужившему в самые безмятежные 70-ые годы XX столетия и после сменившему эту армейскую специальность на исключительно мирную профессию инженера-строителя, в то время даже в кошмарном сне не могло присниться, что пройдут каких-то два десятилетия, и я получу правительственное задание ЧР на изготовление противотанковых «ежей» из рельсов разобранных трамвайных путей города Грозного. И «ежи» эти пойдут отнюдь не на обучение курсантов на танкодроме, а на самую настоящую войну, бессмысленную и беспощадную, как и любая война. Война, где Россия будет уничтожать собственный народ с молчаливого равнодушия мира, и мир этот закроет еще одну страницу утомленного века, самого кровавого века человечества, под занавес своей истории насытившегося кровью русского и чеченского народов.

Экзамен

Вспоминаю один, на мой взгляд, наиболее яркий эпизод из моей бурной «военной» биографии. По многолетней традиции мужская половина 4-го курса нефтяного института уходила на военные сборы, а еще после армейских сборов необходимо было сдавать госэкзамены на военной кафедре. Для такого торжества в Грозный прибыла группа офицеров из штаба Северо-Кавказского военного округа. Этот «праздник науки» проводился жарким летом, в 415-ой аудитории старого корпуса Нефтяного института. Экзамен затрагивал теорию трех лет существования в нашей жизни «военки» в области ГСМ, что является архитрудной задачей для любого студента. О том, что экзамен можно сдавать честным, благородным путем, не могло быть и речи, даже вундеркинд не осилил бы такую задачу. И потому каждый индивидуум начал искать свой личный путь к победе в «генеральном сражении». Кто готовил «шпоры», кто писал «бомбы» – готовые билеты с ответами, а кто искал парламентариев к преподавателю Григорьянц. Только у меня не хватило фантазии, кроме как идти по старой, истоптанной студенческой тропе – отмечать билет с обратной стороны точками типа «конверт». Эту «почетную» миссию я возложил на знакомого с

мехфака, который сдавал тот же экзамен и тому же преподавателю, но на день раньше, с надеждой, что у нас будут одни и те же билеты. К обеду товарищ мой вернулся, сообщил о выполнении обещания и передал мне вопросы по билету №5. Поблагодарив его, я пошел готовиться в «чеховку» только по одному билету, а делать попытки изучать все, как я выше сказал, толку не было, поэтому оставалась одна надежда – верить и надеяться. До закрытия Чеховки я основательно подготовился и пошел в общагу отдыхать самым безмятежным сном, словно Наполеон перед Аустерлицем, чувствуя свое превосходство перед «неприятелем». Утром как штык я стоял в числе первых пяти экзаменующихся перед дверью аудитории, предупреждая друзей – не трогать меченого билета. Если гражданские преподаватели кидали билеты на стол веером, то у военных они лежали аккуратно, словно полки Македонского. И вдруг!!! О, горе мне!!! Я не вижу спасительного билета. Его просто не было на столе. Билеты были чисты, без единой пометки. У меня начался мелкий мандраж, который быстро угасал, и, возложив спасение утопающего на Всевышнего, я взял билет просто наугад. Переворачиваю медленно, чтобы сообщить офицеру номер билета, а там... №5. Быстро читаю текст билета. И вопросы те же! Вновь переворачиваю тыльную сторону – чистота безупречная, а билет №5! И вопросы к нему мои родимые! Ура! – ликую я в душе. – С нами Аллах и два пулемета! – вспоминаю фразу из популярного в то время фильма про басмачей «Седьмая пуля». Миг удачи, и как он прекрасен! Один шанс из 30 билетов, и он в мою пользу! На радостях я кинулся в атаку, т.е. говорю, что готов отвечать без подготовки, но офицеры посоветовали не спешить. Помню, у меня хватило терпения только на несколько минут. Иду к доске, придаю голосу железный тон, чувствую себя в роли Жукова с докладом об обороне Москвы в Ставке Главного командования. Страна готовилась к 35-летию Победы, и фильм «Освобождение», где Жукова блестяще играл артист Ульянов, был у всех на устах. И вот я, подражая своему кумиру, поставил перед собой одну цель – тараторить без осечки, как те самые английские пулеметы в руках басмачей, но отвечать по существу. А чтобы выступление не было из одних сухих математических расчетов снабженца ГСМ, я развернул целые командно-штабные учения войсковой части, и все это в свете текущей советской идеологии. Войска под началом талантливого полковника прямо с марша ударили бронированным кулаком по основным силам противника, и он, несмотря на свое превосходство, дрогнул и в панике бежал. Но полководец быстрыми фланговыми обходными атаками окружил крупные силы противника, и несчастный супостат сдался на милость победителя. Я устроил ему второй Сталинград!

Один из шустрых членов комиссии сделал попытку напомнить мне, что моя задача, как будущего офицера-тыловика, а не комсостава, уточнить необходимое количество и расходы войсковой части по ГСМ при марше и наступлении. Но «в пылу сражений» я сделал вид, что не расслышал его и не обратил внимания на его реплику. Двое других старших офицеров слушали меня и мило улыались. «В жизни всегда есть место подвигам, а в армии тем более, где взаимозаменяемость превыше всего!» – напомнил я офицерам азы военной науки. А бедный наш руководитель, подполковник Григорьянц, вел себя неадекватно – он от гордости за меня не находил себе места. Под началом советского генерала – натурально это был я сам – бои закончились полным триумфом наших войск. «Пламенные коммунисты, командующий и члены военного совета, – продолжал я, – в свете постановлений пленумов и директив XXV съезда КПСС, взяли на себя высокие обязательства разгромить любого агрессора при минимальных затратах топлива и других смазывающих материалов, столь необходимых в народном хозяйстве!»

«Все, что создано народом, должно быть надежно защищено!» – закончил я свое жаркое выступление гениальными словами Брежнева, как мне казалось, уже в звании фельдмаршала. Подполковник Григорьянц не скрывал своей радости, он с таким победоносным взором посмотрел на комиссию и тоном,

говорящим – имеем ли мы моральное право после такого блестящего ответа на билет, беспокоить студента еще глупыми вопросами? – спросил:

– Нет ли у комиссии вопросов к курсанту?

Я на миг приготовился поднять лапки вверх, как только что разгромленный мной неприятель, но вида не подавал. Членов комиссии ожидал жаркий летний день в душной аудитории с назойливыми мухами, которых они за время моего выступления успели прихлопнуть целую дюжину, и у них, естественно, не было вопросов (с гражданской профессурой подобные номера не проходят). Мой расчет на простоту и наивность военных и на скорейшее желание членов комиссии освободиться от такого чрезмерного болтуна, как я, оправдался. И четким строевым шагом я торжественно направился к выходу, кося глаза на стол комиссии и показывая на ходу кулак своим сокурсникам, которые знали о моей выходке и давились от смеха. Результаты госэкзамена, как правило, объявлялись после приема всего нашего потока. И как только в дверях я убедился, что рука подполковника, занесенная над экзаменационной ведомостью, вывела три буквы «Отл.», я осмелел, оглянулся и, чтобы не нарушать пятилетнюю традицию своих друзей-троечников, уже публично процитировал из «Василия Теркина» Твардовского:

Нет, ребята, я не гордый.
Не загадывая вдаль,
Так скажу: зачем мне орден?
Я согласен на медаль!

И этой выходкой заслужил здоровый, заразительный смех двух офицеров, которые были уверены, что полностью разгадали мой трюк, и с недоверием смотрели на ничего не подозревающего подполковника-армянина. Ну а мне было уже все по армейскому барабану.

Как-то однажды, то ли на третьем, то ли на четвертом курсе, тот самый подполковник Григорьянц вел занятие по «военке» на тему «Оружие массового уничтожения» и ни с того, ни с сего ляпнул:

– Если атомную бомбу малой мощности, например, бросить на Грозный, то она снесет полгорода. И на его, как тогда казалось, безобидный спич кто-то из студентов бросил язвительную реплику:

– А если на Ереван?

И попал тем самым в точку, так как подполковник отреагировал мгновенно, и с обидой и с характерным армянским акцентом в голосе отрезал:

– Я тиби дам Эриван, сюкин син!

Эх, подполковник, типун бы тебе на злой язык, и как же ты, к сожалению, оказался прав! Я до сих пор помню, кто тогда сказал это: «А если на Ереван?» – то был армянин Акопян. Два человека одной национальности – и разное отношение к столице Чечено-Ингушетии. Один приезжий из Еревана, другой – наш коренной армянин, и ему был дороже Грозный, потому что это была ЕГО РОДИНА, а не родина его предков.

Отец

Как сын труженика полей, я не собирался в жизни искать войну и не горевал по горячим точкам на планете. Она, горячая точка, пришла ко мне сама, в мой дом, в мою душу. Отец мой – хлебороб («звеньевой» от кукурузы), один из первых колхозников со дня создания колхоза, ударник коммунистического труда (а как он любил шутить над этим словом «ударник!») В его бригаде были одни женщины – с весны до осени с мотыгами, а осенью с серпами. Прожил он долгую жизнь и, как вспоминают с улыбкой, унес с собой в могилу все трудовые крестьянские работы – с тех пор на поле так никто не работает на всем постсоветском пространстве. Он не был богатым, но всегда был счастлив, и как человек от земли, которая никогда не подводит того, кто действительно

ее любит, был сыт по горло. «Колхоз не даст тебе ни смерти достойной, да и жизни никакой», – говорил он нам. В колхозе происходило, как в русской народной сказке, только все наоборот: вершки забирала Родина-медведь в свои закрома, а корешки оставались пахарям. И поэтому свой долг на досуге, за радость жизни на земле, отец мой отдавал служению Аллаху. Однажды, в 60-ые годы, отца вызвали, как он сам выражался по-старинному, «в ЭНКВД», и строго внушили, что его вечерние зикры последователя Кунта-Хаджи снижают уровень производительности труда полевой бригады. После этого отец уже сам, один на один, до глубокой ночи, под постоянный ной и причитания матери, которой хотелось отдохнуть, ходил дома по кругу в экстазе зикра. Иногда и я, по озорству, пристраивался к нему, пока не падал от усталости. А с тех пор утренние полевые колхозные работы он начинал под громкий лозунг на русско-чеченском:

– Да здравствует, декъала хуьлда, коммпарти! – И следом клич: – У-р-а-л-а!

И все, кто был на поле, драли глотки, всем было весело. Сексотов КГБ, хотя не в таком массовом порядке, как сегодня, хватало и тогда, но придраться, в принципе, было не к чему, хотя и чувствовали сарказм отца. Как любой счастливый и духовно богатый человек, отец любил шутки, юмор. «Сегодня я живу и день сегодня мой», – был как бы девиз его жизни. Человек, познавший царское время, отец понимал, что страна Советов не даст ему возможности развлекаться, тем более с его профессией колхозника, и посему он не усложнял себе жизнь заботами о земных благах и был человеком свободным. «Он весь – дитя добра и света, он весь свободы торжество!» – писал поэт Блок о таких людях. Как звеньево колхозных полей, его рабочими инструментами были язык и ноги, хотя даже в семидесятилетнем возрасте он мог ходить и на руках. За свою долгую жизнь отец ухитрился ни разу не построить собственный дом – невероятное явление для чеченского менталитета. Как только он забил колышку в Киргизии под будущий собственный очаг, на его счастье вышел указ о возвращении чеченцев на родину, он тут же схватил меня в охапку и со всеми родными сел в первую попавшуюся деревянную теплушку и укатил обратно на Кавказ. Благо, здесь нас ожидал добротный дедовский дом, где мы, дети, и выросли. Позже мы поняли, что нам от отца, кроме любви и бесконтактной ласки по-вайнахски – глазами, ждать чего-нибудь себе дороже, и каждый из трех сыновей сам обустроился, за что мы ему бесконечно благодарны. Из семи человек нашей семьи лишь я родился в ссылке, остальные – и стар, и млад, как и весь чеченский народ, были объявлены врагами советской власти в 1944 году.

– Из всех богатств, которые я привез из Сибири, самое главное – это он, – говорил отец, указывая на меня пальцем.

Все понимали иронию отца под словом «богатство». И что могло быть у ссыльного колхозника, кроме пестрого, киргизского сундука, на котором, вытянувшись в свой 5-летний рост, я спал всю дорогу из Средней Азии до Кавказа. Иногда вставал, чтобы помочиться в теплую майскую природу через открытые ворота вагона-теплушки, и любил я это делать на ходу, под грохот эшелона, что доставляло беспокойство старшим.

Во время похорон сельчане вспоминали веселые байки нашего отца, и чтобы мы, его дети, не слышали, тихонько смеялись. Я не помню такого случая, чтобы отец с кем-нибудь был в ссоре. Еще задолго до смерти, а не тогда, когда несли укрытым черной буркой, народ отпустил ему грехи. «Этот человек прямо на ходу попадет в рай», – говорили о нем еще при жизни даже его друзья детства. Редкое и завидное признание, особенно среди сверстников. А дурмана, алкоголя он даже запаха не знал – он и так был от природы человеком веселого нрава.

Вот с таким тептаром³ отец мой ушел на свидание с Аллахом. О каком счастье смертному еще мечтать? Чего не скажешь о нас, его сыновьях.

³ Тептар (чеч.) – Книга судеб.

Анзор Давлетукаев

29 маршрут

Дийцар

Гийса автобусийн социйле кхаьчча еха, можачу басахь автобус лаьтгара, хIинца къена пил санна лаьтта охьяюжур ю-кх хIара аьлла, хеталур долуш. Иза салон чу ваьлча, дерзано дашийначу корийн ангалех Iаь тоьхна йолуш чекх хIумма а гуш дацара. Ах сов йобттина яра автобус. Пассажираш шелонна хебна Iара, гIар-тата доцуш. ХIокхо тидам бира: «Арахь кхоьлина хилча, адам а хуьлу-кх кхоьлина». Оцунна тоьшаллина санна хьалхахь хиьна Iен йоI, пхьуйшаца ангали цIан а дина, ойлане а яхна, догIанна язьеллачу мархашка а хьобжуш Iара. Салон чохь тийналла яхьеллера. Мел хIуьа дийцича а, шофер автобус йотгалц дIагIур воцийла хьара хIоранна а. Дикка Iийча, цхьа шуьйра зуда хьалаелира, автобус хаалуш дIасатахкош, чуьра хIора а меттахьхьавира цо шен йозаллица. Шена уллорчу гIанта и охьахаарна, Iийсан хьажар ларамаза тIехь сецира цу зудчунна. Цуьнан хиьна Iарца, горгачу юьхь-маршца хаалора жималлехь и тайна йоI хилла хилар, хаалора оздалла – ларам бойту амат дара схьагуш дерг. Мацах цкъа хиллачу хазаллин лар янза яра. Хиьна Iар а дара шех бIобулучу адамах тера, мел чIогIа хала де тIе хIобттича а нахе орца доьхур доцуш. Автобус йола ца луш даьккхинчу сахьт герга хенахь шена гонах дIаса ца хьаьажира иза. Наггахь хьаьж а хабадой, цхьа цкъоцкъам ирх дохуйти доккха са докхура. Цунна тIера юьйцинчу жигетко, еха-Iаьржачу кучо тIечIагIдора цуьнан тайна куц.

Эххар автобус дIасатехкош, карахь-марахь якхий ларчанаш йолуш зударий бевлира хьала. Царна тIаьххье:

– Вай Дела! Амал-гIад дайьина-кх шу зударша хIара ларчанаш эцна, хьала вала, охьа вала йиш яц-кх шу бахьнехь... ТIанк-аьлла юззалц хIара шопар вац дIайохуйтур йолуш, ма докха хIума ду хьо! – луйчтура ца соцура керла чохьхьяьлларг. Цхьана жимчу стага хьала а гIаьттина шен метта охьахайтира иза. ХIара шена еллачу метта дIатарьеллачул тIаьхьа:

– Схьаерзал, – элира цуьнга дехьо хиьна Iачу зудчо, – тхо хаза хеташ лелаш дац хьуна, хIокху цIемзачу дийнахь! Дакхийдеш цIахь Iийр долуш дара, тхо доцурт чу рицкъа дан стаг велахьара. Тхо хазахета лелаш ма дац са мере кхаьчна!

– Шух-м къа ца хетара суна... Шу-м шайн дуьхьа лелара базара, шайн бен бала ма бац шуна. Цундела, деза ма-дийцахь зуда. Соь ма ю хIокху дуьнен чохь ехаш. Ша санна шийлачу Iай митингехь лаьттина могаш а йоцуш.

– ХIай зуда! И хIун ду ахьа дуйцург, дан мукьне!? Вай массо митингехь лаьттича вай хьан кхобур ду? Хьан хIун хьаладаьлла цигахь лаьттина? Везан Дела, хьо а, я цхьа а латтаза делира шу цигахь! Йоллу завод, фабрика сецна, боьршачу нахана балха баха меттиг яц, хьуна ма-дарра дезахь, чу-ара вала маьрша доцчу даьлла хьал. Айхьа дуйцучун ойла е!

– Шу санна доьзалш болуш, шуна санна рицкъа а дезаш ма ю со а. Со а ма ю чохь са долуш. Эхь хьаха ца хета хьуна и дийца. Шуьца базара тIуьхкаш, тIелхагаш йохка дIахIоттий со а? Зударий шайн цIахь Iан безар-кх... И-м хьара суна. Вайн ворхIе да а ца лелла базаршкахула. Дала тIе ма доуйтийла шух дIакхетар. «ЙоьIан ирс чохь Iер ду, кIентан ирс леларехь ду», – лаа аьлла ма дац дайша. Шун гIулди-булди-м хаац суна!

Зуда ша аьллачух, хетарехь, там хилла, ша йолччохь дIатарлуш дIаса а техкина, дIатийра.

И къамел ца тайра тIехьа Iачу зудчунна тIе а еана цунна меракIел тIаьлира иза.

– Тхо-м хьаха дара тхешан цIахь Iаш, шу а, шух терра боьрша бу бохурш IадIийнехь. Етт бохий, куз бохий, автомат эца бохуш, аш дIакхойкхуш цадитир-кх тхо. Тхан цIийндай, яхь мел ерг аш дIакхойкхуш ма-вара митинге, тIам тIе. ГIоза шу ма хиларш! Соьлжа-гIала, хIара Нана Нохчийчохь хIаллакьйити-кх аш

и даккхий хабарш дуьйцуш! Пенси, пособи сацадайти! Х1ун дан деза къаноша, къона-къанбаллалц къа а хъегна даьккхинчу пенсех бевлча къа дац церан!? Адам шух тешна цхъана дикана сатесна ма-делира ара, ткъа аш 1ехий-кх доллу халкъ. Шу ду-кх Нохчийчоьнах базар йинарш, советан 1едало кхоьллина тубка, склад, фабрика, ц1ерпоштан некъ шу лачкъийна девлла, адам хене ца даьлча доли х1уьа дина а?!

Шен кийра а бассийна, шен метта охъахиира и зуда.

– Бусалба пачхьалкх йилла атта дац, массо базара х1оьттича ж1аьлина бун йийр яц-кхи. Дуьнен чохь уггаре 1есачу 1едало йина заводаш фабрикаш, электростанцеш ма йийца тхобга, х1ара г1ала яц цхъана дийнахь йиллина... Шуна г1ехтохам бан бен ца хаьа. Багахь дина х1оаш даа мегаш дац.

– Зуда, – юха а йистхиллачун мерак1ел еара тохарлера зуда, – пхи шо ду и туьйранаш дуьйцу. Котаман бун янза болчу наха пачхьалкх йийр яц, цара дика лачкъор ю. Хьо дакъаза ма-яларг, хьо б1аьрзе а яцара, ши б1аьрг д1а а беллий, гонах д1асахъажа. Малхехь, мохехь, дог1анехь, лайлахь, арахь, базарахь сискал яккха г1ертачу тхобгара бехк бакха ма г1ерта, и тхуна т1е а летар бацара. Тхо арадаьхначуьнгара баккхяхьа иза, хьо тоьлаш доьрзур ду хьуна. Цкъа а ца кхеташ ма ца хуьлу адам.

Х1етгахь чуьраелира дуьххъара йистхилларг:

– Дала х1аллаквойла вайна чу х1ара т1ом бььнарг! Делан кхиэлах ма бовлийла уьш!

– Войла и Дала х1аллак! Дала мукъалахь, шашь лелочух хайр, има-беркат хир ма дац шуна, иштта 1аьржа дегнаш кийрахь мел ду,- дуьхьал йирзира дов долиинарг.

Чохь г1овг1анаш евира, салон чуьра зударий шина декъе бекъабелира. Чуьрабевлла хьоькхучу маьхъаршна вовшашка дуьйцург кхеташ а дацара, х1ора а шечунна дола дан г1ертара.

Дагахь а доцуш, х1инциалц тап-аьлла 1ийна 1аьржа духар доьхна йолу зорьтала зуда дег1 нисдеш хъалаг1аьттира.

– Х1ай зударий! – аьлла, чуьрчу зударшка хъаьжира иза, юха ц1енкъа б1аьра а хъаьжна, кхин аз а ца ойьуш: – Ма холчх1иттайо аш со, ма-хъаштдоцуш баганаш етта-кх аш, – цо доккха са даьккхира. Х1етахь чохь цецбевллачу зударийн г1овг1анаш д1атийра.

– Со, шуна ма- гарра, онда стаг ю т1ехъажна, цу Делан вазлора могуш ма яц шуна со, соьгахь ондда бала ма бу шуна. Шуьга и дуьйцуш там бацахь а боху ас... – Юха а жимма соцуьнга а хилла: – Т1ам т1ехь кхо клант велла нана ю со. Иштта ц1ийнда вийна сан х1окху т1амехь. Аш г1овг1а еш лалац-кх соьга, боккъалла а дегабам ца беш, ас дехар до шуьга, ма х1итгаейша со холчу.

Зуда шен метта охъа хиира. Чохь тап-аьлла тийналла х1оьттира. Хиллачу ницкъана уг1учу моторан йоцург г1овг1а яцара салон чохь.

– Вай схъакхечи, т1аьххъара социьла ю, ахча схъа а луш охъадуьссур-кх шу, – тийналла йохийра шоферо.

1ийса чохь мел верг охъавоссийтина, массарал т1аьхъа охъавелира. Цо тидам бира, цхъаьна болу и зударий ура-атталла вовшака а бист ца хуьлуш охъабисаран. Зорьталчу зудчун лерам беш царах цхъаь цул хьалха ца г1оьртира. Ша охъайоссале, Дела реза хуьлда шуна, элира цо некъан накъосташка. Зударша тап-аьлла тийна т1ейцира цуьнан и дешнаш.

Арахь х1инца а дерз сацаза дара. Гонах т1амо аьтта, йохийначу г1ишлойн къина санна, хаддаза йоьлхуш яра стигал. 1ийса курткан кач ира а х1оттийна, ши куьг кисна а диллина Толаман проспектехула д1аволавелира. Ларамаз а юха хъаьжча, зорьталчу зудчух б1аьрг кхийтира, ах доьхначу пхобазза т1ек1ел динчу ц1ено чу йоьдуш яра иза. Стенна делахь, и сацавелира зуда чуьханчу ц1ийне а хьоьжуш. 1анадаханчу ц1енон дийна йисина цхъа ах х1усамдай т1еоьцуш яра.

1ийсан юьхь яшийнера. Юха куьйгаца юьхъа т1ера хи д1а а даьккхина, духьал деттало дерз тергал а ца деш, ша юьхъарлаьцначу некъахула д1авахара, кхин д1аса а ца хьоьжуш.

Асет Халикова

Дашочу г1енашлахъ шен ирсах 1аба ца кхиънарг...

Тидам бан ца кхуъуш,
Гуъйре т1екхечира.
Исс ц1арца со юъгуш,
Синтем д1абелира.
Ша цкъа а ер хиллехъ
И метгахъелира,
Суна схъахетарехъ,
Заманаш евлира...

Ша санна шийла,
И даг т1е юъйжира,
Ц1е санна йовха,
И юъхъ т1ехъ егира.

Когаш к1ел, тубтех,
Лазамаш 1енира,
Деган йиш цу т1ехъ
Меллаша хедира.
И гуъйре цхъаъ ала,
Цхъаъ къадо г1ертара,
Цуънан дагахъбаллам
Ца бов сан кертара...

Шийла мохк битина,
Д1аоъху г1арг1улех
Кхета со г1иртина,
Богу мохк битина,
Д1аоъху нохчех
Суо кхетталц.

Стигланах, латтанах, 1аламах хаалуш,
Б1аъргана хьо схъагуш хилча,
Б1аърса а дагадал, т1е а ца хъажалуш,
Хьо хаза хир дара, г1иллакх!

Хазахетар декъа,
уллохъ цхъа стаг хилча,
Хазахетар декъа...
Ас х1ун де-те б1арзъелла со хилча,
Ас х1ун де-те?
Х1окху цхъалло дог ма карзахдоху,

Синош дохуш.
Ас адмашлахъ дийна адам лобху –
Йовхо лобху.
Со ца кхеташ хилла кху дуъненах,
Хаац стенна...
Даг чохъ мела г1айг1а 1ена...

Г1айг1ане ойла

Цкъа-цкъа д1аоъху со гена, гена,
Суо мича йоъду а ца хууш...
Ткъа юха, со юхахъаъжча,
Ши х1ума карадо духуш:
Аса схъабина эрна некъ а,
Сан г1айг1ане ойла а.
Эрна бинчу некъана
Сан ойлано маъ1на ло.
Амма и ца хуълу декъала,
Сан г1айг1ане ойла а къар ца ло...

Ц1е а д1а йищлур ю,
кхин ц1ераш евллча,
Хъан ирсе шеран г1а
маждала доьлча...
Жималла д1аг1ур ю, ела а къежна,
Хъан доггах веларехъ
шех хъагар дитна.

Б1аъсте а йог1ур ю, шен духар доьхна,
Кхечунна ирс хьоърсуш,
хъуна букъ тоьхна.
Хъан доьзал – баркалла
долуш я доцуш,
Д1аг1ур бу, ирс лобхуш,
я хъан а боцуш.

Хъан шераш – г1арг1улеш,
хьо цхъалха витна,
Лелар ду багийна сатийсам лобхуш.
Кхолламо шен архаш
хьоьгахъ ца йитна,
Хъегор ву синтемах,
декхарх ца вохуш...

Ткъа тешам – дахаро аьгна хъан тешам,
Бехар бу, хъан деган
кхерчан ц1е хилла...

Хиллари, леллари**Бечуркаев Іарби****ШоІийн Чора**

ХІХ-чу бешеран чаккхенехь вина волчу цо, Іаламат дукха лайна, Іийшина цу хенахь хиллачу хиламийн халонаш. Шен дахарехь иза Нохчийчоьнан а, паччахьан Россин а, Советан Іедалан а историн муьран теш хилла. Цул сов шен кхолламехь иза Іоттавелла дуьненахь а дика бевзачаьрца, ницкьболчех.

Чора вина 1880-чу шарахь, бошмийн дитгаша хьулуйча санна, лекхачу басахь лаьтгаш йолчу жимчу юьртахь – Доча-Борзехь. Нохчашна юккьехь лелош йоцу Сирган цле лелош вара цуьнан да. Сирганан дукха бераш дара, царех ялх кІант вара. Мехкадаьтта доккхучу иностранны концессешкахь дакъалоцуш вара Сирган (Сирган – иза французски Серж цІеран вариант ю, компаньонаша елла хилла цунна иза). Шен бераша ша долийнарг дІакхьхьург хиларе сатесна хилла иза. Массо а шен кІенташка дешийтина цо йоза-дешар карадерзош. Вежарех угара кхетама а, похІмалла а долуш волу Чора, Сиргана Гуьржи махка вигна, цигарчу Гори-гІалин гимназе деша дІавелла.

Чорица цхьана партии тІехь нисвелла кхечарах къаьсташ воцу гуьржийн кІант.

Кестта шина кІентан доттагІалла тасаделла. Чорис атта Іамийра гуьржийн мотт. Дешар тІехь шеца Іаш волчу Иосифна а гІо дора цо (И цле йолуш вара Чорин керла доттагІ). Иосифа кест-кеста хьошалгІа кхойкхура нохчийн кІант, дукха хан ялале шен гергарчарна а вовзийтира цо иза. Чорин хьаша (уренг), тІаьхьо гучудаьлла ма-хиллара, Иосиф Джугашвили хилла – хинволу ЦК ВКП(б) Генеральни секретарь – «хенийн а къаьмнийн а баьчча».

Шен аьтто баьлча, кІант волчу кхача гІуртура Сирган. Чорин хьешо сихйора Сирган схьакхочу хан, цуьнгара кхаь схьаэцархьама. Кхаь гуттара а цхьаь бара – детин пхи сом.

Къечу доьзалерчу Иосифна иза хьерадаьлла ахча дара.

Гимнази чекхьяьккхинчул тІаьхьа доттагІий дІасакъаьстира. Иосиф Джугашвили духовни училище деша вахара, ткъа Чорас Соьлжа-гІала юха а веана, реальни училищехь дешар дІадаьхьира.

Училище чекхьяьккхинчул тІаьхьа Чора Петарбухе деша вахара горни инженеран говзалла караерзо. Университет чекхьяьккха аьтто ца хилира: дІаболабелира Оьрсийн-японийн тІом, жима къонах фронте вахара. Иза цла веара бІаьхаллин совгІаташ а дахьаш, эпсаран чинехь.

Дукха хан ялале зуда ялийра. Масех шарахь бен дахцаделира церан Іер-дахар – зудчун доьзалхо хуьлуш ца хиллера.

Чорас шолгІа зуда ялийра 1919 шарахь, махкахь а вевзаш хиллачу Крымски тІеман турпалхочун Ахмадов Тепсин йол Човка. Тепса массо а хІуманан бала кхочуш стаг вара. Гондахьара Іаламан хьал цІена латторна чІогІа тидам тІебохуйтура цо. Юьртахоша лорура иза, ткъа цхьацца берш кхоьбура: контузи лайна волучу цо обгІаз вахча къиза талзар дора.

Оцу шарахь хилира кхин цхьа а хилам. ШоІиповгІеран некъаша чІогІа лорура Нохчийчоьхь вевзаш волу Іелама стаг – устаз Байбатыров Юсуп-Хьаьжа. Сирганан цІахь кест-кеста хьошалгІахь хуьлура иза. Оцу шарахь Нохчийчу кхечира Россин революционни хийцаман тулгІенаш. Революцига болу хьежам кхузахь тайп-тайпана бара. Юсуп-Хьаьжа Доча-Борзе веара, большевикийн Іедалх лаьцна юьртахошна кхетам баларан Іалашо йолуш. Устаз веанийла хиьча, юьрта баьхкира герзах боьттина, и лоруш, цунна тІаьхьахІиттинарш. Керлачу Іедална дуьхьало ца яр дийхира устазо: «...ХІара къийсам нийса бац, уггара диканишший, бехкбоцурший хІаллакьхиларрий бен кхо хІумма а дахьар дац».

1958 шо. Юккъехъ Шоипов Чора а, цуьнан хIусамнана Човка а.

Дукха хан ялале Юсуп-Хъабжа Турце дIавахара.

Толурвоцу цамгар кхетта ша волуш, устазо шен лаам бовзуйтуш хабар дайтира иза бара цуьнан тIаьххъара лаам – Даймехкан лаьттаьхъ дIаволлар: «Иза кхочушдан ницкъ кхочур бу Шоипов Чорин». Устазан кIантаца Мохьмадца (важа кIант Iалавди шена деца Турце дIавахнера) Чорас кхочушдира Юсуп-Хъабжин весет.

Ткъа цунна гIо динарг вара цуьнца Горехъ гимназехъ дешна, цхъана дешна волу гуьржийн кIант, ткъа 1925 шараьхъ советски пачхьалкхан куьйгалхо Иосиф Виссарионович Сталин. Цуьнан дакъа схъадан бакъо яларал совнаха, Батуми кхаччалца леррина вагон елира цунна. Цул тIаьхъа паромца хIорда тIехула дIабаьхъира некъ.

Турцин Iедалца цхъацца бакъонаш яха йийзира, иштта юридически процедурех чехвала а.

Дуйцу, юха богIуш, таможенникаша – чекисташа дакъа чохъ долчу яьшкин

неглар сьхаделлар тледожийна, ларжачу вагон чохь жима неглар сьхатеттича, цу чьура цьха серло кхийтира. Бобхна чекисташ юханехьа г'улчаш йохоуш, ара лилхира. Оцу эшелонца Юсуп-хьяьжин дакъа Гуьмсе кхачийра. Хьошкалда (Кошкельды) кхаччалца болу некъ (цигахь д'лавоьллина иза) нах г'лаш баьхкира. Х'етгахь дуьйна цу эвлан зиярат цигахь ду.

Ткъолг'ачу блешеран чаккхенехь Шоиповг'лар доьзал кулакаш бу аьлла, махках бехира. Ткъа цаьргара сьхаяккха дика х'лума яра: хьер, туька, дечкаш чекхийоу чарх, ц'ла, латтанаш-юьртахь а, г'лалахь а. Чора уггаре вочунна кечвеллера – ссылке.

Амма цкъа хьалха шен баккхийчеран хьал (кхел) ййан хьяьжира иза. Оцу лалашонца шен деца Човка Шуьйта яхийтира цо – цигахь районан куьйгалхой бара. Оьрсийн мотт дика хууш йолчу Човкас начальникера бакъо йийхира шен мардай, марнаний ц'лахь дитар. Иза дуьхьхарлера ссылка яра Чорин а, цуьнан гергарчеран а.

Амма иза т'лаьхьара хало яцара шен дахарехь цо лан езачарах. Цу ц'ийнах а, махках бахарх доьзал ц'ла бирзира. Ткъа 1935 шарахь Чорас кхин цкъа а лайра дахарехь шех лоттаелла цьха киртиг. «Халкъан мостаг'л» аьлла ц'ле а тиллина, лаца а лаьцна, Соьлжа-г'алин набахти чохь валлош вара иза.

Цкъа сатоссуш, шеца чохь воллуш хиллачу пхеа стагаца, набахтин уьйт'ла а баьхна, цьхана орна дуьхьала д'лах'иттийра х'лорш, тоьпаш тухучарна дуьхьала а берзийна. Кхеран бл'аьргаш д'лабехка буьйлабелира, лаьцначара дуьхьало йира. Т'лаккха «халкъан мостаг'лий» баккъаш сьха а дерзийна д'лах'иттийра. Тоьпийн тата делира. Чора меттавеача цунна гира, шайх кхоь вийна хилар, ткъа шай, кхин шийий дийна висар. Ишттачу олур – «дийнаволлушехь визр». И НКВД кхерабаран цьха кеп яра. Камери чу веьча, Чора шаверг а къежвеллера.

Ссылке вохуьйтуш кхел йира цунна. Чора шен доьзалца репрессированни алимашний, хиллачу эпсаршний, иштта кхечу «халкъан мостаг'лашна» юккъехь нисвелира Майнкум ц'ле йолчу меттехь (Юккъера Ази). Царех дукхох берш кхелхира. Чорина лагершкахь яккха итт шо хан а тоьхна, Магадане хьяжийра. Ткъа Човка ша йисира шен доьзалца Азехь, г'ло-накъосталла дан юххехь стаг а воцуш. Воккхах волу кхо к'лант к'елъхараваккхархьама, нанас йиш йоьхна сацам бо: уьш Нохчийчу д'лабахийта. Иштта Мохьмаддий, Хьамиддий, Индарбеккий Озга ц'ле йолчу хан яьллачу проводникца – нохчийчуьнца д'лахьажабо бехачу новкъа, муьлххачу а хенахь кхерам т'елх'уттун болчу.

Дуьхьхьалтасийша шайна, ворх'л шарера шийтта шаре кхаччалц волу кхо к'лант, г'лаш Юккъерачу Азера Нохчийчу некъ беш волу. Дийнахь уьш лечкъара, йовхой, мацаллий ловш, ткъа буьйсанна ц'ерпоштан аьчканекъан йистехула некъ бора, шелонах а, кхерамах а изга а беш. Эххар а уьш д'лакхечира Нохчийчу. Кардон олучу меттехь – Йоккхачу Атаг'лий, Ч'ишканий юккъехь – кхаа вешех цьхаь цьхана къеначу нохчочунна т'ле а вахана бепиг дийхира. Цо цунна сискал а елла, цецваьлла, тидам бира: «Хьяжахьа, ма дика а буьйцу цыгонаша нохчийн мотт». Вежарех воккхачунна шен ненахойн аг'лорхьара и стаг гергара вуйла хиира. Цо шашь цыгонаш цахилар, нохчий дуйла хаййтира, иштта Чорин, Човкийн бераш дуй хоуьйтуш. И стаг вежа лаьттира цецваьлла, метта ца вог'луш. Доча-Борзехь гучубовлар берашна кхераме дара, цундела цу стага варданахь Ч'ишка бигира уьш шайн ненахой болчу. Ши шо даьллачул т'лаьхьа Човка а еара ц'ла шен кегийчу берашца. Нохчий 1944-чу шарахь ц'ера баххалца Ч'ишкахь йиьра иза.

23 февралехь 1944-чу шарахь Човка лачу ц'ла чу салтий баьхкича, яла а кийча яра иза, шен берашца юха а Даймахках цаялархьама.

Лакхарчунна т'ле а яхана цо мохь туьйхира: «Со кхин цьханнахьа а г'лур яц, тхуна массарна а тоьпаш тоха кхузахь!» Эпсаро кхетийра иза, нохчий берриш а бу ц'ера бохуш.

Оцу хенахь Чорина х'лумма а ца хьара шен гергарчарах лаьцна. Вала ца вала лол беттара цо лагершкахь, шен доьзална т'лекхархьама. Цигахь, лагершкахь,

нисвелира цуьнца Йосиф Джугашвиллин шича, иза вевзина цкъа мацах цунна шен доттаг1 Йосиф волчу хьошолг1а ваханчохь.

Ткъа х1инца иза вара Чорин дакъазаллин ваша. И вовшахкхетар хиллачул т1аьхьа Чорас сацам бира: «гуьржийн доттаг1чуьнга» кхин цкъа а г1о ца деха.

Чора инзаре, тамашийна дийна висира. 1947-чу шарахь шен доьзал лаха вахара иза, х1етахь доьзалх д1акъаьстинера ши к1ант – Хисаббий, Майрбеккий. Уьш боцуш бара. Шен доьзал лобхуш Чора Киргизе кхечира.

Токмакехь шена дуьххьара дуьхьалкхетачу нохчийн жимачу стаге хаьттира цо: «Сергановг1еран доьзал мичахь 1аш бу хай хьуна?» – аьлла. И фамилии Чорас еллера шен доьзална хьалхара ссылка д1аяьллачул т1аьхьа. Жимачу стага жоп делира, ша Серганов Мохьмад хилар, Шоипов Чорин к1ант хилар т1е а тухуш. Иштта, д1асакъаьстина дукха хан яьллачул т1аьхьа вовшахкхийтира дай, к1антгий.

1958-чу шарахь Чора шен доьзалца Даймахка ц1а веара. Цуьнан хиллачу ц1а чохь цунна ши чохь елира. Ц1ийнан вукху декьехь юьртан амбулатории яра. Чорин хилла туька пачхьалкха д1аяьккхинера. Вежарийн ц1енош чохь ишколан классаш яра.

Юьртахошца шен хаарш доькбура цо, маьхьза, ял йоцуш.

Цунна хаара дукха меттанаш французийн, туркойн, гуьржийн, оьрсийн.

Цуьнан уьйг1ахь кест-кестта гуллора юьртахой. Бай т1е охьа а ховший ладуг1ура Чорас доьшуш а, гочдеш а долчу газеташкий, журналашкий.

Баккхийчу наха тидаме ладуг1ура, баркалла аларца чекхьдолура и вовшахкхетарш.

Кхин цхьаь къаьсттина башхалла а яра вайн турпалхочун – 1аламат ч1ог1а х1ума дагахьлаттар.

Цо дагахь корректировать дора геологашна церан картанаш, кест-кестта и волчохь хуьлуш болчу. Жима стаг волуш, г1аш Нохчийчовнан кьилбе а, лаьмнийн а, хотийн къайленаш толлуш, маь1данаш (ископаемые) лобхуш, мехала дитташ долу меттигаш билгалйохуш, уьш 1амош.

Чора волчу бог1ура Грозненски мехкадаьттан институтан практиканташ.

Даздаран цхьаьнакхетарш д1адоьлхучу заманчохь пионераша «халкъан мостаг1на» коча ц1ен галстук йобхкура, салют д1а а луш, партехь лаьцна байташ а йобшура.

Стена ойла йора Чорас оцу миноташкахь..?

Шоипов Чора кхелхира 1965-чу шарахь. Д1авоьллира ша винчу юьртахь, лаамаза мосуьйттаза йита езначу.

Кьинхетам боцу советски машинийн кхяхьарийн а ницкъ ца тоьира иза охьата1о, к1елвита.

Суна дика дагавог1у Чора а, цуьнан х1усамнана Човка а. Сан ненаненан – Анун, шича яра иза.

Оьзда, кьинхетаме, безамехь ши стаг дара и шиь. Чора вевзаш хиллачарна дагахь иза вуьсур ву вуьззина кьонах санна, сирла масал хилла.

Драматургия**Абу Исмаилов****ЭДАЛ**

Драма в стихах (в двух частях)

*Продолжение. Начало в №№9, 10.
 Действие происходит в одном из горных селений
 Чечни в середине XVII века*

Часть вторая**Картина первая**

*Лесная поляна. Под старой грушей
 спит Эдал и видит сон:
 ...Прерывая птичьи голоса, вдали
 раздаются выстрелы. Через некото-
 рое время из лесу появляется человек.
 Он безоружен, обросший. Одежда
 на нем изорвана и окровавлена. Возле
 дерева он падает. Эдал слышит его
 стоны, но за деревом не видит его.
 Юноша вскакивает.*

ЭДАЛ: Где ты, человек?.. И кто ты?
 Стоны чьи-то слухом я ловлю.
 Можешь мне открыть свои заботы:
 Я твоё несчастье разделю.

РАНЕННЫЙ: Меня навечно
 Бог удачи предал.
 Кто ты? Что несешь мне:
 смерть иль мир?

ЭДАЛ (*присаживаясь на корточки
 рядом с раненым*):
 Все зовут меня – несчастный Эдал.
 А отец мой – славный Оздамир.

РАНЕННЫЙ: Видно, перед смертью
 не напиться...
 Яндар, где же бродит твоя тень!
 Говорят, я стал твоим убийцей
 Друга детства. Вот пришел мой день.

При этих словах Эдал вскакивает.

...Мое имя Мяхта. Целься, Эдал,
 Мести наслаждение изведай.

ЭДАЛ: Из сотни тысяч людей
 Я двух не знал во всем
 друг другу равных.

Человек на совести твоей!
 И ты тогда себя смертельно ранил.

МЯХТА: Как зверь, гонимый
 сворою собак,
 Ношусь я со своей душой
 несчастной.
 О, если б вместо Яндара тогда
 Я умер!..

ЭДАЛ: ...В этом было б
 мало счастья.
 Нам нечего завидовать друг другу –
 Одна нас кружит яростная вьюга.

МЯХТА: Без очага,
 отринутый людьми,
 За сутки умирая десять раз,
 С самим собою разговор вести,
 Как тяжело все это мне нести!
 Боюсь я смерти –
 смерть меня боится,
 Ищу я смерть – ее не нахожу.

ЭДАЛ: Ты счастлив тем,
 что смог наговориться.
 Но, Бог с тобой, теперь я ухожу.

МЯХТА (*ползет к дереву и садится,
 прислонившись спиной*):
 Постой. Не уходи.
 Счастливым случай
 Такой не часто выпадает нам.
 В последний раз меня
 сейчас помучай,
 И я предамся бесконечным снам.
 Исполни свой долг заглавный –
 Отомсти за брата!

ЭДАЛ: Если смерть твоя могла бы
 Возместить утрату...

МЯХТА: Смотрю я, рассуждать ты
 очень любишь...

Мужчина твердым должен быть
всегда.
Стреляй в меня или себя погубишь.

ЭДАЛ: Не сделаю того я никогда!

Дрожь, начинает отходить от него.

МЯХТА: Яндар был достойнее тебя.
В набегах мы бывали не однажды
И, врагов безжалостно рубя,
Кровью утоляли свою жажду.
Все трудно в первый раз...
Но запах крови
И алый вид ее
Глаза слепит,
Душу опьяняет.
И станешь ты, как лев,
Жестоким и суровым.
Все это просто. Ну, давай, стреляй!

ЭДАЛ: Молчи! Будь ты последним
даже негодяем,
Не мне решать твою судьбу.

МЯХТА: Я негодяй не больше,
чем другие!
Жизнь такова: не ты – тебя убьют.

ЭДАЛ: Но вид твой жалок,
бредишь ты от ран.
Кто это с тобой сделал? Я не знаю,
О чем, с тобой сравнившись,
говорить?
И разве смерть твоя
отмщеньем будет?

МЯХТА: От этих ран не суждено
мне жить.
Тогда ты как появишься на людях?

ЭДАЛ: Подобные тебе не умирают.
Пес свои зализывает раны.
Но знай: с оружием если повстречаю
Тебя, то мать родная не узнает.

МЯХТА: Ты будешь лишь один
тому свидетель,
Как кончится мой путь
земной недлинный.
Лишь пропоет листве об этом ветер.
И дождь твои следы
смешает с глиной.
Отцу ты понесешь подарок ценный –
Голову мою в кровавой пене.

ЭДАЛ: Ты не путай сокола с вороной,

Льва с шакалом и меня с собой.
Будь таким, как ты – без разговоров –
Я с твоей ушел бы головой.

МЯХТА (*пытается встать и
с криком падает*):

Эдал, ты дурак и не мужчина!
Если мне с здоровьем повезет,
Я убью тебя. Такого сына
Твой отец потерей не сочтет.

ЭДАЛ: Велико мое терпенье, Мяхта.
Не волнуйся. Встретимся мы вновь.
Принимай мои слова, как клятву:
Я твою пролью однажды кровь.
Силой и оружием в честной схватке
Поведем смертельный разговор.
Подлых мыслей гнусное зачатье
Разрублю я, и решится спор.

*При последних словах появляются
Кюйра и Тапа.*

КЮЙРА: Он что, с ним
объясняется в любви?

ТАПА: Похоже. Мяхта весь
уже в крови.

КЮЙРА: Но Эдал чист.
И весь дрожит ягненок.
Ты что стоишь? Руби его, руби!

*Эдал поворачивается в их сторону.
Со всех сторон появляются: Маккал,
Букариш, сельчане.*

ВСЕ КРИЧАТ: «Руби его, руби!»

*Появляется Нажа. Эдал рвется к
нему, но лицо Нажи холодно-
равнодушное.*

ЭДАЛ (*кричит*):
Постойте! Прекратите этот крик.
Ведь я же не палач и не мясник!
Вы люди или кто? Я не пойму...

*Толпа начинает его окружать. С
криками и улюлюканьем: «Он не
мясник! Он не палач. Он ангел. Он
ребенок». Толпа смеется. Дикий
хохот... Видение сна исчезает. Эдал
вскакивает в холодном поту. Рядом
слышно ржание его коня.*

ЭДАЛ: Даже сон покоя не дает.
И жизнь твердит, и время говорит...
Все кругом к отмщению зовет.
Пламя мести не во мне горит.
В оболочке этой кто живет?!

Картина вторая

*В башне Оздамира. Сидит хозяин.
Появляется жена. Она ставит
перед ним треногий стол, приносит
лепешки, сыр, чеснок, кувшин
с тонким горлышком. Оздамир
выпивает рог пива и начинает
обедать. Жена стоит в стороне.*

ОЗДАМИР: И где это подобие
мужчины?
Почему его не вижу снова?

ЖЕНА: Всегда он по неведомым
причинам
Уходит, не сказавши даже слова.
Умчался он на скакуне гнедом
Три дня назад с кремневкою в руках.

ОЗДАМИР: Мужчине подобает
быть верхом.
Куда? Зачем? Тебе не надо знать.
Иди и занимайся своим делом.

Жена уходит.

Что делать с этой незрелой
тыквой?
Не сына воспитал старик Нажа!
Неужели старость будет пыткой,
И придется опускать глаза!
Людей стыдиться
перед каждой встречей –
Все то, что в людях прежде презирал,
Теперь легло на сгорбленные плечи.
Кто до сих пор хоть пальцем указал
На имя предков и на мое имя?

*Появляется Эдал. Вешает кремневку
на стену. Очень бледен.*

ОЗДАМИР: Где ты скитался?
Языками злыми
Что люди говорят о нас с тобой?

ЭДАЛ: В лесах я исходил
тропинок много.

ОЗДАМИР: Тебе не повстречался
зверь двуногий?

ЭДАЛ: Видел я...

Потупил взор.

ОЗДАМИР (*кричит*):
Кого ты видел?

ЭДАЛ: Приснился мне сон
довольно странный,
Когда вздремнул я на лесной поляне...

ОЗДАМИР (*махнув рукой*):
Его старухам можешь рассказать.

ЭДАЛ: В том непонятном сне,
Как наяву, явился он ко мне.

ОЗДАМИР: Кто-о-о?

ЭДАЛ: Убийца брата!

ОЗДАМИР (*вскакивает*):
Яндара моего убийца?!
Эдал, где же голова его?
Дождаться вот такого дара
От тебя – я не гадал.
Ну, покажи!

ЭДАЛ (*с потупленным взором*):
Израненный лежал он, безоружный.

ОЗДАМИР: Ты его кровью меч
свой обагрил,
Лежать оставил тело в алой луже?
Где голова его? Нет больше сил!

Эдал молчит.

Как? Нет? И наглости хватило у тебя
Ко мне явиться? Убирайся вон!

ЭДАЛ: Ведь это все во сне
происходило.

ОЗДАМИР: Пусть это был и
безобидный сон.
Но ты ведь не убил его? Убил?

ЭДАЛ: Не смог я, он же
беззащитным был.

ОЗДАМИР (*гневно*):
Лучше, чем иметь такого сына,
Обрести недобрую молву.
Если не был ты во сне мужчиной,
Им не станешь также наяву.

Чтоб тебя я больше не увидел,
Убирайся с глаз моих долой!

Хватаясь за грудь, Оздамир падает.

Картина третья

Вечер. На камнях полукругом сидят старцы. Вокруг стоит молодежь. Издали редко доносится лай собак, блеянье овец, мычанье коров и т.д. Вечерние сельские шумы.

УСАМ: Мне кажется,
Нажа-старик

Изучил грузинов письмена.
И воины, которых он растит,
Не те, что были в наши времена.

АБДИ: Что хочешь этим ты сказать,
Усам?

Не сомневаюсь я в отваге тех,
Что силою и ясностью ума
Сегодня могут превзойти нас всех.

УСАМ: Силы и отваги тоже мало,
Для того чтобы стать мужчиной.
Если слабодушие – начало
Их позора – значит, в том причина.
К примеру, Эдал где-то ходит ныне.
Ну, кто мечтал бы о таком вот сыне?

АБДИ: В горах все тропы
исходил Нажа
И в себя вобрал народа мудрость.

УСАМ: Что разговоры?
Звон бесплодный,
Если человек не знает
И не в силах честь отстоять свою.

АБДИ: Он знает больше,
чем с тобой мы оба,
И не нуждается в учении мозгара¹.
Неправда, что он принял его веру.

УСАМ: Почему же Эдал –
ученик его –
Не может смыть позора своего?

АДА: Он не мужчина!
Жаль мне Оздамира –

На старости остался сиротой.
Вот почему его пустует камень.

Указывает посохом на камень.

АБДИ: Эдал еще молод. Неизвестно,
Какой мужчина выйдет из него.

АДА: Будущий орел в гнезде пищит.

УСАМ: Не молод он – дурак!
От людей, народа отошел.
Я слышал, что он с алмасами связан,
И будет наш аул ему обязан
Любой бедой грядущей...

АБДИ: Где, от кого ты слышал это?
Ада, может, ты ему сказал?

Ада молчит.

Может, вы свидетели того,
Что Эдал связан с духами?

*Все вокруг молчат. Стоящий сзади
Кюйра вкруг показывает.*

КЮЙРА: Смотрите, вон пошел он,
как немой.

*Словно черный призрак, проходит
вдали Эдал и исчезает в темноте.*

УСАМ: Что говорил я?
Человек нормальный
Разве так пройдет?

АБДИ: Тяжело человеку
проглотить свое горе.
Над чужою бедою легко рассуждать.
Не зная, что нам приготовило утро,
Имеем ли право его осуждать?

*В это время позади Ады появляется
юноша и что-то шепчет ему на ухо.*

АДА (*встает*):

Извините, друзья,
только что сообщили,
Что ждут меня дома почетные гости.

Перевод с чеч. автора.

Окончание следует.

¹ Мозгар (чеч.) – христианский священник.

Муса Шамсадов**Дуьненан лазам**

Поэми тIера дакъош

1.Хьаьлдахь бераш дайар

Итон-Кхелан кIоштахь Хьаьлда юьртахь 1995 шарахь 18 майхь РФ тIеман кеманаша ракеташ тоьхна дийначу 9 беран аьзнаш. (Царахь б цхьана доьзалера дара, да воцу бубераш, Сольжа-гIалара тIамах доьдийна нанас лаьмнашка дигначу шийттанах).

Стигла кхийдаш маьлхан
 йовхо муьйлуш,
 Лаьмнийн цIена хIаваь,
 шовда муьйлуш,
 Кхуьуш ховха зезагаш тхо дара,
 Ненан йовхо, марзо, гIиллакх дезаш,
 ТIомадовла, дуьне довза Iемаш.
 Тхуна йоблуш сийна бIаьсте яра,
 Зевне эшарш локкхуш олхазарш а.
 Тхуна дуьне, стигал готга яра.
 Сица, ойланашца маьрша дара.
 ТIамах девдда ЧIаьнтийн
 лома кхаьчча,
 Моьттура тхаьш ялсамане кхаьчна.
 Амма тхо ца кхии тIемаш даржо.
 Дийна делкьехь бода беа Iаьржа.
 Стигал иккхи, латга бухадели,
 Iадий лаьмнаш, тхан наной а миска.
 Дегий Латга, егий Делан Iаьрчеш.
 Амма дега ца ди кьиза дегнаш,
 Тхуна герзаш тоха омра делларш,
 Лаг озийна герзаш тIе дассийнарш.
 Лаза ца ди церан нанойн дегнаш,
 Я ца бели бIаьргех хин тIадам а.
 Тхан nanoшна-м малх
 дIабайна сирла,
 Доьлху церан дегнаш, синош лозу,
 Доьлху цаьрца цхьана
 Нохчийн лаьмнаш,
 Йоблху шира бIаьвнаш,
 кьора хьаннаш.
 Шу-м болатих дина хилла адамаш,
 Муха дисна дегнаш шун ца лелхаш,
 Муха дисна синош акхадевлла,
 Дуьненчуьра дIа ца доьлуш делла?
 Дац шул кьиза акхарой кху Лаьттахь.
 Шу ца Iеба цIийх
 мел дукха мийларх,
 Шу ца Iеба синош дукха ахьарх!

Аш ца дуьту Латга зазадаккха,
 Я дахар а дуьтуш дац аш кхиа.
 Хама-пусар аш ца до кху Лаьттан,
 Хастам ца бо шаьш кхоьллиначунна.
 Багахь дешнаш легадо аш хаза,
 Ткъа гIуллакхаш ду шун ирча, боьха.
 Дала муха тешийна шух Латга,
 Дала муха лов те шун кьизалла!

Нохчийн нанойн узамаш

1994-2013 шерашкахь бераш дайинчу, ларйоцуш бераш дайначу нохчийн нанойн аьзнаш

Маликаш-бераш дойучу махкахь
 Малх муха кхета те, я Везан Дела?
 Адамаша адамаш дуучу махкахь
 Латга бух хIунда ца долу, я Дела?

Адамийн кьизалла тоьллачу махкахь
 Буц хIунда йолу те я, Везан Дела?
 Адамийн синош охьучу махкахь
 Хиш хIунда ца лекьа, я Везан Дела?

Кху Лаьттан букьа тIехь
 цIий муьйлу паччахь
 Ахь хIунда лоблуьйту я, Везан Дела?
 Бехк боцуш хеназа дайина синош
 Бекхам бар доьхуш ду хьобга я Дела!

Вай цIергахь дагийра

Сийначу цIергахь
 Хьайбахьахь,
 Семалашкахь,
 Дагийра вай.
 Сийначу Сибарех
 Дигира дерзина шийлачу Iай.

Яккхийчу тоьпашца,
 Бомбанаш егташ
 Г1алахь а, Шелахь а дайира вай.
 Паччахьан 1едало
 Вайн тоьлла к1ентий ихкира ирх,
 Х1аллакбан г1ерташ
 Дегнашкахь тешам, маршонан зирх.
 Довналла гойтуш,
 Мостаг1ех майра лийтира дай.
 1амийра цара шайн к1ентий бала
 Ца хуьлуш лайш.

Эшийра лазам, хиллехь а хала,
 Вай ваьш ца гайтира дайн.
 Даймахке безам, маршо ца йоьхкира.
 Ц1арах чекхдевира вай.
 Гора ца х1иттира.
 Г1орадарх дог1маш шах
 Синош ца г1орийна вайн.
 Халачу зиерех а
 Курра чекхдийлла вай,
 Къар ца луш, корта айбина,
 Юьхьк1ай.

Дахар

Со вара селхана
 Бераллехь вехаш
 Ден, ненан безамо
 Вохвина кхуьуш.
 Уллехь йиш-ваша,
 Доттаг1ий бара.
 Дахар дара туьйранах тера.
 Ткъа дуьне – стела1ад санна
 Массо а бос лепаш дара.

Со юьртах велира
 Дуьненах б1аьргтоха
 Ц1а вог1ур ву аьлла сихха.
 Амма со схьаюха хьаьжча,
 Дай, наний ца карий дийна,
 Доттаг1ий ца карий ах бен.
 Дуьне ги цхьа басадаьлла,
 Даг чуьра малх а д1абай,
 Туьйра а д1адели доьхна.

Тахана дуьне ду кхин.
 Со а вац селхана хилларг.
 Дахаро йиттина къиза
 Дахчийна сан дег1 а, са а.
 Болатал ч1аг1бина лаам.
 1емина со лазам лан.
 Адамийн мекарло йовза,
 1емина дуьхьало ян а
 Зуламна, ямартлонна.
 Девзи сунна кху дахаран
 Г1иллакхаш, галморзахаллаш.
 Ямарта дегнаш а нехан,
 Яххьаш а дешнаш а шалха.
 Кхин тайпа адамаш а девзи,
 Шайн дегнаш дагораш маллах.
 Цара со ца витна цхьалха
 Вуо деьча я дарцехь висча.
 Тахана г1елделла б1аьрса,
 Г1ора а эшна сан дег1ан.
 Амма ца г1елбелла тешам
 Дикане, адамашка болу.
 Х1инца а туьйранах теша,
 Ирсах а хиндолчу кхана.
 Теша со: Безаман Серло
 1енар ю дуьне мел лаьтта!

Лидия Довлеткиреева

Ментально-семантические нюансы языковых средств выражения

Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и устройства мира, или «языковую картину мира». Совокупность представлений о мире, заключенных в значении разных слов и выражений данного языка, складывается в некую единую систему взглядов и навязывается в качестве обязательной всем носителям языка. Так, для носителей русского языка кажется очевидным, что у кого-то светлая голова или доброе сердце; запоминая что-либо, храним это в голове, а чувствуем сердцем; переволновавшись, хватаемся за сердце. [3]

В чеченском ментальном представлении, выражающемся посредством языка, за воспоминания отвечает больше сердце, нежели голова: дагахъ 1амаде (букв.: выучи в сердце), дагахълаттаде (держи (храни) в сердце, помни) и т.д.

Молодой человек, увлеченный какой-либо девушкой, прежде чем познакомиться с ней или открыть свои чувства, скажет по-русски: «Я к ней приглядывался», т.е. наблюдал. В чеченской языковой ментальности эта же мысль будет выражена с помощью слова, отвечающего за другой орган восприятия, а именно слуховой: «Я ее слушал, т.е. прислушивался к ней» («Со ладуг1уш вара цуьнга»).

Разумеется, это связано не с особенностями анатомии, а с языковой картиной мира, к которой эти народы привыкли.

Философ-культуролог В. Гачев, рассуждая о том, как в различных культурах понимается происхождение мира и всего (порождаются ли они Природой или производятся Трудом? ГЕНЕЗИС или ТВОРЕНИЕ?), обращает внимание на ключевые вопросы для того или иного языка и носителей этого языка, определяющие особенности их ментальности.

Так, по наблюдению Гачева, «Почему?» (Warum?) – важнейший вопрос для немцев: их интерес направлен к происхождению, к причинам вещей. И они ищут причины в глубинах прошлого, где корни Древа бытия залегают. Для французов тот же самый вопрос «Почему?» звучит «Pour-quoi» = «Для чего?» Цель важнее причины. «Что это есть такое?» – характерно для греков: вопрос о бытии. [2, с.14] Для чеченцев, на наш взгляд, это также основной вопрос: «Хьо х1ун деш ву?» = «Что ты делаешь?» (Чем занят? Как дела?) – как приветствие, главный вопрос при расспросах. Х1ун еза? (Что хочешь (тят)?) Х1ун боху? (Что говоришь(ят)?) Х1ун лаба? (Что желаешь(ют)?) Х1ун ду шуьгахь? (Что у вас? = Как поживаете?) Везде и всюду – это «х1ун» – что. Но чеченцев в этом «что» интересует не постижение умозрительного, с точки зрения древнегреческой философии, бытия, а конкретная бытийная, деятельная сторона жизни. Причем чеченцы в этом близки к англичанам, которые также не просто спрашивают, как дела. В Англии обитает self-made man = «самосделанный человек». И там спрашивают: не «Как поживаете?», а How do you do? – с двумя do, выражая интерес к тому, как тебе работается. Однако ответы в этих этикетных формулах, уже дифференцирующе характеризуют чеченцев и англичан. Англичане ответят что-то вроде: «I am good!» (Хорошо! – интонация сдержанная), «I am nice!» (Замечательно!) или нечто подобное. Чем подчеркивается, прежде всего, неприкосновенность частной жизни. При этом на самом деле все может обстоять либо действительно великолепно, либо, наоборот, – человек находится в самом отчаянном положении. Чеченцы же обычно менее самоуверенны и оптимистичны, они, скорее, ложно скромны: «Х1умма а деш вац», – прозвучит их традиционный ответ, что буквально переводится, как: «Ничего не делаю», но подразумевает: «Не стоит обращать внимания на мои незначительные дела и заботы», при этом он может возводить дом, заниматься уборкой урожая

или выполнять другую важную и требующую значительных физических или интеллектуальных затрат работу.

Но второй, не менее значимый для чеченцев вопрос – хьенан? – чей? Хьо хьенан ву? = Ты чей? В этом вопросе указание на родовую, фамильную принадлежность человека, так как каждый чеченец должен хранить в своей памяти имена семи предков и нести ответственность за их деяния, как и ответственность за твои деяния будут нести семь последующих за тобой поколений.

Или возьмем преобладание горизонтального и вертикального измерений, на которое особое внимание обращает Г. Гачев в своей работе «Национальные образы мира». Для России, страны «бесконечного простора» (выражение Гоголя), характерны горизонтальные идеи: Даль, Ширь, Путь-дорога превалируют в шкале ценностей. С «широкими русскими просторами» связано чрезвычайно большое количество труднопереводимых русских слов, начиная с самого слова «простор» (а также такие слова, как даль, ширь, приволье, раздолье, и, с другой стороны, неприкаянный, маяться, не находить себе места). [2, с.13] И тут же приходит на ум знаменитая есенинская антитеза: «Как бы ни был красив Шираз, он не лучше рязанских раздолий». При чтении русской классической поэзии взгляд скользит по горизонтали.

В кавказской ментальности идея духовного возвышения является центральной, ввиду проживания в горной местности, отсюда ведущими архетипами становятся вертикальные образы: гора, башня, небо, дерево и т.д. Взгляд устремляется ввысь, в небо, где гордо парит орел.

Исследователь балкарской литературы, Кучукова З. отмечает, что, помимо географического, на ментальность кавказских народов накладывается религиозное. В мусульманской традиции гора интерпретируется как аллегория усмирения человеческой гордыни: когда гора Сафа отказывается сдвинуться с места, человек сам (пророк) идет к ней. Отсюда выражение: Если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к ней. [4, с. 27]

В. Гачев обращает также внимание на соотношение мужского и женского начал в Космосе того или иного народа, а именно на те постоянные языковые характеристики географических объектов, которыми различные народы определяют свою территорию: «Россия – мать сыра земля, и наша главная река – Волга-матушка, и кукла наша – матрешка. Германия же = фатерланд, т.е. «отцова земля», и их река – Рейн – отец Рейн». [2, с.13] Легко замечаем удивительное совпадение: чеченское «Даймохк» – то же, что и немецкое «фатерланд» – «отцова земля». А главные реки – Терек и Аргун. Причем объяснение такой «мужской» основы родной земли вполне получаем в ментальном культе отца, мужчины, мальчика (изначально – защитника, воина) – здесь исторические причины сыграли свою существенную роль в его формировании, – сохранившемся и доныне во всех поведенческих нормах чеченцев, несмотря на влияние западной цивилизации с ее вниманием и подчеркнутым отношением к женщине. Вот лишь некоторые этикетные примеры такого патропревосходства: мужчина до сих пор в традиционных чеченских семьях идет впереди супруги, в общественном транспорте женщины зачастую уступают место мужчинам, даже ровесникам, а то и младшего возраста, женщины пропускают мужчин в помещение, причем всеми этими «льготами» мужчины-чеченцы обычно пользуются спокойно, уверенно, как само собой разумеющимся, что с точки зрения человека, скажем, европейской культуры, не знающего и не видящего исторические, ментально-бытовые и др. корни этих проявлений, выглядит как безусловное ущемление женщины в чеченском обществе. Хотя стоит отметить, что молодежь все больше отходит от этих традиционных установок и под воздействием галантной глобализационной модели взаимоотношений полов, и, может быть, еще и потому, что подсознательно современные европеизированные, изнеженные чеченские мальчишки не всегда являются для девушек образцами мужественности, и потому не вызывают трепетного уважения.

Но, несмотря на доминантное мужское начало, обнаруживаемое и в языке как источнике ментальной информации, и, соответственно, в национальном характере, совершенно очевидно, что не менее значимым для чеченцев является культ матери – как вторая, равная по весу и значимости, но разнонаполненная чаша весов. И посему постоянный эпитет, которым чеченцы наделяют свою суровую «отцову землю» – Даймохк – является эпитет «хьоме» – «милая, любимая», что уже несет на себе явный отпечаток женского естества. Да и знаменитая чеченская песня о родине с повторяющимся обращением «Даймохк-нана» содержит в себе оксюморон, который букв. переводится, как «земля отцов – мать». Перифразой словосочетания «чеченский язык» является сочетание «ненан мотт» – «язык матери» (интересно, что и в немецком языке имеется такое же уравнивающее с «фатерланд» определение – «Muttersprache» – «материнский язык»). Т.е. основа основ – личности, семьи, рода, нации – язык, данный матерью.

Таким образом, чеченские «ин» и «янь» отражают на уровне языковых матриц, а значит, и национального мировосприятия, одинаково уважительное отношение к мужскому и женскому началу, которые воспринимаются как абсолютно противоположные, дополняющие друг друга и создающие в единстве гармонию половинки Психеи – Души народа.

Для национальной литературы информационным порталом, осуществляющим связь с иноязычным миром словесности, является художественный перевод.

Благодаря русскому языку культуры народов России открываются друг другу и миру. Имена блестящих переводчиков Наума Гребнева, Семена Липкина, Веры Звягинцевой, Веры Потаповой, Якова Козловского и других известны многим. Их деятельность немало способствовала популяризации национальных литератур страны.

Однако порой их переводы делали почти неузнаваемыми оригинальные произведения. Об этом в своей статье в журнале «Вайнах» рассуждают доктор филологических наук Халидов Айса и писатель, литературовед Минкаилов Эльбрус, анализируя чеченскую народную песню «Олень». [5]

Зухра Кучукова в своей книге «Онтологический метакод как ядро этнопоэтики» приводит ряд ярких примеров утечки ментальной информации при переводе художественного текста. В частности, она акцентирует свое внимание на одном из стихотворений К. Кулиева, которое посвящено чувствам депортированного. В различных переводах этого стихотворения потеряно самое главное – преодолевающая сила человека. От самоотверженного упорства героя не осталось и следа. Активная и конструктивная роль человека подменена действием окружающих благодетелей. Герой почти бездействует, за него действуют другие.

Сравним:

У Липкина: ... в моем сияли взоре и *дерево, и женщина, и зори*.

(У Кулиева: *Я радовался звездам, рассвету...*).

У Долинского: Осеняла меня... *водица*.

(У Кулиева: *Я тил...*)

У Акима: ... *был снег белым*.

(У Кулиева: *Я видел белизну снега*).

Если у Кулиева человек – действующее лицо, субъект, то у переводчиков эту роль принимают на себя объекты (дерево, зори, водица, снег). В переводе герой уже не творец, а пассивная сила с созерцательно-выжидающей ролью, – справедливо отмечает исследователь. [4, с. 267]

Мы полагаем, что причина переводческого «произвола» в данном случае объясняется несовпадением ментальных представлений автора оригинального текста и переводчика. А. Зализняк отмечает, что важной составляющей русской языковой картины мира является представление о непредсказуемости мира: человек не может ни предвидеть будущее, ни повлиять на него. В русском языке есть огромное количество языковых средств, призванных описывать жизнь человека как какой-то таинственный (природный) процесс. В результате

создается такое представление, что человек не сам действует, а с ним нечто происходит. А мы только оглядываемся вокруг и разводим руками: так сложилось (вышло, получилось, случилось). Специфика русского мироощущения сконцентрирована в знаменитом русском «авось» (надо сказать, что как раз это слово в современной речи употребляется редко и обычно с оттенком самоиронии). Идея, что будущее непредсказуемо, выражается не только в знаменитом русском «авось». Она также входит в значение ряда специфических слов и выражений, связанных с идеей вероятности, – таких, как «а вдруг?», «на всякий случай, если что». Все эти слова опираются на представление о том, что будущее предвидеть нельзя; поэтому нельзя ни полностью застраховаться от неприятностей, ни исключить, что вопреки всякому вероятно произойдет что-то хорошее. [3]

В кавказской же ментальности, что мы продемонстрировали, выявляя «главный» вопрос чеченского мировидения, человек выступает в активной созидательной роли творца, полагающегося на высшие силы, но помнящего о том, что орудием этих сил может быть только он сам: «Делан карахь ду ша дерриге, амма бахьнаш лело деза» (Букв.: Все в руках Всевышнего, но необходимо делать (создавать) причины).

«Подобное небрежение к языку и форме оригинальных произведений характерно для многих «опосредованных» переводов – переводов с подстрочника. Несравненно лучше качество переводов непосредственных, осуществленных авторами, владеющими обоими языками, – отмечают Халидов и Минкайлов. – Поэтому важным требованием к переводчику художественных текстов должно быть владение им языком оригинала, умение сравнивать языковые и поэтические формы двух объектов, с которыми он работает, и находить золотую середину». [5, с. 54]

Национальный характер с наглядностью вырисовывается в различных тотемных образах природы, отношение к которым у тех или иных народов может быть диаметрально противоположным, а потому вызывать чувство непонимания и отторжения «иной» культуры как «иногое», чуждого взгляда на мир. Так, хищного, жестокого и злого человека в русской традиции сравнивают с волком, в чеченском же ментальном восприятии волк, как известно, – символ самолюбия, безмерной храбрости, независимого от прочих отношения к жизни и миру. Такое этнопсихологическое несовпадение становится поводом если не к взаимной вражде, то уж точно к неприятию. Но люди с широким диапазоном мышления и чувствования всегда способны понять, что любой символ не может нести на себе однозначной смысловой нагрузки и в его сути всегда есть место для гегельянского единства и борьбы противоположностей. Как это сделал, например, В. Высоцкий, который, преодолев русский ментальный стереотип волка-хищника, в своей «Охоте на волков» за образом загнанного егерями волка – вожака, бесстрашно прорывающегося за флажки, – представляет идеал человека-борца за свою жизнь и свободу. Как видим, в данном случае чеченский эталон совпадает с личностным восприятием автора с несхожей ментальностью. Т.е. понять и принять чужое своеобразие становится возможным только, возвысившись над существующими штампами и психологическими границами, надо иметь смелость «выйти из повиновения» довлеющих установок и «прорваться за красные флажки», воспользовавшись нравственным правилом, своеобразным итогом исследования Гачева: «Любить иные народы не за то, что они такие, как мы, а за то, что они другие, чем мы, а значит, им открыто, ведомо, дано понять то, чего мы не понимаем». [2 с. 20]

Наибольшую сложность при переводе художественного текста вызывают фразеологизмы, т.к. «во фразеологизмах отражаются национально обусловленные стереотипы восприятия окружающей действительности. <...> Не случайно для характеристики фразеологизмов используется термин «идиоматичность», т.е. смысловая неразложимость, своеобразие, слитность и неделимость выражения на отдельные компоненты, затрудненность мотивировки значения». [1, с. 216] Например, такие чеченские идиомы, как

«хъай де ги валла хьо» (букв.: чтоб ты залез на спину своего отца), «нана лойла хъан» (да умри твоя мать), «жалеша ваййла хьо» (чтоб тебя собаки съели) и др. невозможно понять из значений компонентов, входящих в их состав. Естественно, что переводчик, не находя соответствующего эквивалента в русском языке, становится перед проблемой, как донести образное, специфическое, национально-метафорическое видение мира, в основе которого чаще всего лежат субъективные, универсальные признаки. Обратим внимание на то, что приведенные фразеологизмы не являются ругательствами, вульгаризмами, как они могут быть восприняты в случае прямого подстрочного перевода. Они несут разную эмоциональную нагрузку в зависимости от коммуникативной ситуации – подтрунивание, притча, досада, возмущение, даже одобрение. Иногда, по сути от беспомощности, делается буквальный перевод в надежде на то, что сам контекст поможет читателю правильно прочувствовать суть данных выражений. В случае, если это действительно происходит, можно говорить о том, что подобные идиомы по-донорски обогащают язык переводного произведения, который выступает в качестве реципиента. Иногда такое влияние происходит, если человек пишет на неродном для себя языке, и его сознание автоматически воспроизводит формулы материнского языка на языке принимающем. Так, в рассказе «Яха» С. Алиев употребляет выражение «нашла ноги», т.е. ребенок, девочка, стал ходить. Автор механически переносит чеченское «когаш карийна» на русский, расширяя таким образом уже возможности этого языка. Но встречается и обратное, причем не только на уровне фразеологизмов, но и вполне простых и безобидных лексем. К примеру, чеченское слово «хаза» – красиво – употребляется при характеристике всего, что можно на русском языке обозначить массой синонимов. И, говоря на русском языке, чеченский ребенок чаще скажет «Книжка красивая», не пытаясь утруждать себя подбором более выразительных и точных синонимов – «интересная, занимательная, поучительная...», но вкладывая в это «красивая» именно такой смысл, т.к. в чеченском понимании слово «хаза» имеет более широкое лексическое значение и вбирает в себя семы, касающиеся не только эстетической, внешней стороны предмета.

Безусловно, на наш взгляд, существенным критерием в оценке адекватности и достоверности художественного перевода служит знание переводчиком и языка, и истории, этнологии, культуры того народа, к которому принадлежит автор оригинального текста. Только при соблюдении этих условий возможно избежать грубой деформации национальной образной структуры подлинника в восприятии иноязычного читателя.

Литература:

1. Богданова Л.И. Стилистика русского языка и культура речи. – М.: Флинта, Наука, 2011. – 248 с.
2. Гачев В. Национальные образы мира. Эллада, Германия, Франция: опыт экзистенциальной культурологии. – М.: Логос, 2011. – 424 с.
3. Зализняк А., Левонтина И., Шмелев А. Ключевые идеи русской языковой картины мира // <http://www.lingvoda.ru>.
4. Кучукова З. Онтологический метакод как ядро этнопоэтики. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2005. – 312 с.
5. Минкайлов Э., Халидов А. Сопоставление языков и перевод // Вайнах. №12, 2007. С. 51-55.

Наше интервью**Римские каникулы Аси Умаровой**

Ася Умарова – молодой прозаик и художник; публиковалась в таких известных всероссийских изданиях, как «Дружба народов», «Звезда» и «Юность», в американском журнале «Флорида», в чеченских журналах «Нана» и «Вайнах». Участница Совещений молодых писателей Северного Кавказа (2012, 2013 гг.), а также Форума молодых писателей России, стран СНГ и дальнего зарубежья в 2012 году в подмосковных Липках, по итогам которого стала стипендиатом Министерства культуры РФ. Художественные работы Аси известны, как в России, так и далеко за ее пределами. Перечисленные вехи из жизни молодой Аси Умаровой, а они, уверяю вас, не все, являются причиной нашей с ней беседы. Поводом же послужило то, что у Аси недавно прошла персональная выставка в Италии, в связи с чем она была приглашена в эту страну. Вот мы и решили поговорить чуть-чуть обо всем.

– Ася, давай для начала кратко расскажем нашим читателям, кто такая Ася Умарова? Когда и где родилась, как училась в школе? В какой вуз поступила и окончила?

– Я родилась третьего ноября в тысяча девятьсот восемьдесят пятом году в Городовиковске – это в Калмыкии, в семье школьной учительницы русского языка и литературы и спортсмена по вольной и классической борьбе. В тысяча девятьсот девяносто третьем году мы переехали в Чеченскую Республику в село Пролетарское, где я и окончила школу на золотую медаль. Посещала рисовальный кружок при школе «ИЗОтурист» Хавы Махмудовой, которая первой заметила мои способности, тогда мои рисунки стали принимать участие в республиканских, всероссийских и международных выставках в Америке, Польше, Германии, Бельгии и других странах. Мои иллюстрации успели опубликоваться в детском журнале «Стелалад» и в четырех книгах, изданных в Москве и Санкт-Петербурге. Была солисткой хора Дома детского творчества при ДК «Оргтехника» под руководством бывшей солистки вокала гос. ансамбля «Вайнах» Хазу Махмудовой и актрисой в молодежной театральной студии «Жималла», режиссером которой была Тамара Гузуева, жена известного чеченского режиссера Хусейна Гузуева. Но все вдруг изменилось, когда я готовилась к последнему госэкзамену в одиннадцатом классе, внезапно умер папа... инфаркт миокарда.

Я никогда в жизни не думала, что поступлю и буду учиться на журналиста. Мама посоветовала, и я не стала перечить. Хотя параллельно я целый год посещала ДДТ города Грозного, где занималась игрой на гитаре у заслуженного артиста

Чеченской Республики Вахи Сааева, но ему больше нравилось, как я пела, и мы часто тогда выступали на республиканских концертах. Я успела полгода поработать солисткой вокала ансамбля песни и танца «Нохчо» и столько же солисткой вокала в ансамбле песни и танца «Заманхо». Даже поступила в Чеченский государственный педагогический институт на музыкальное отделение, но после пяти месяцев учебы сама ушла. В конце две тысячи пятого года я решила для себя, что в этом направлении нужно поставить точку. После окончания университета я выиграла конкурс на годичный грант обучения в Кавказском Институте СМИ в Ереване, где оттачивала журналистское мастерство у французского корреспондента радио «Франс Интернациональ» и редактора парижского журнала «Новелли де Армени», Лорранс Риттер. Также я окончила годичный курс при Кавказоведческом народном университете в Тбилиси, где училась на кавказоведа.

– Как случилось, что фразу из истории – все дороги ведут в Рим – ты воплотила в жизнь? Расскажи нам подробности своей итальянской поездки. Как все прошло и что это тебе дало?

– Начну с того, что я очень давно мечтала посетить Италию. С этим местом связан расцвет эпохи Возрождения и имена, которые оставили яркий след в изобразительном искусстве, как Леонардо да Винчи, Микеланджело Буоноротти, Тициан Виччелио. Два года назад мои рисунки в Интернете заметил итальянский писатель Массимо Череза, который очень высоко оценил их и, благодаря ему, а также организации «Мир в Движении» итальянцы увидели эти и другие работы. Для меня это был самый сложный выбор, так как пришлось отказаться от участия в Форуме молодых писателей России, стран СНГ и дальнего зарубежья и от выставки рисунков «Феминистский карандаш» в рамках Московского биеннале современного искусства, где я прошла отборочный конкурс. Так получилось, что даты всех мероприятий совпали, и мне пришлось отказаться и выбрать что-то одно.

В октябре этого года в Италии состоялись одиннадцатые однодневных персональных выставок моих рисунков в Милане, Турине, Алессандрии, Ланчано, Купра-Марритиме, Джульянова, Валданье, Лаго-Ревинэ, Витербо. С шестого по двадцатое октября в Витторио-Венето, в музее «Часовая башня», проходила основная персональная выставка моих рисунков под названием «Вайнах – отметина и мечта мира». Я представила сорок одну работу, которые были размещены в четырех залах. В организации выставки также принимали участие Культурная Ассоциация «МАИ» и местный муниципалитет. А какое было удивление, когда я узнала, что, помимо моей, в музее будет проходить экспозиция Леонардо да Винчи. Этого я не могла представить даже в мечтах. Наши два огромных баннера висела при входе в музей. Для меня это огромная честь. На основную выставку пришло посмотреть очень много людей, и после официальной части открытия я подошла к своим работам и рассказывала о смысле и идее посетителям. Интерес был огромный, столько слов восхищения слышала там довольно часто, поэтому и запомнила такие фразы, как «мульта белла», «брависсимо», «комплименто». Итальянцам понравилось, что смысл в этих работах глубокий и даже порою тяжелый для восприятия, но за счет легкой техники исполнения, иногда детской, они цепляют воображение и надолго пронзают память. Бывало, я объясню десять работ, а они просят, чтобы я объяснила все подряд. Везде меня сопровождали переводчики, поэтому трудностей в общении не было.

Часто местные жители звонили сотрудникам музея и просили открыть в выходные дни и провезти для них приватную экскурсию. Хочу отметить высокий профессионализм организаторов, с какой ответственностью они подошли – баннеры, афиши, бэйджи, указатели, карточки с названиями картин, каталоги... у меня никогда в жизни не было каталогов с подборкой моих рисунков, кто бы мог подумать, что этому суждено было случиться в Италии!

Я побывала в семнадцати городах и провинциях Италии. Посетила музыкальный вечер с симфоническим оркестром, посвященный юбилею Джузеппе Верди, сходила на благотворительный обед, пожертвования от которого пойдут на лечение Эджидио Бертани, в Европе очень популярны подобные обеды и вечера. А в

Сармеде, где ежегодно проходит международный фестиваль детских иллюстраторов, я познакомилась с самым известным мексиканским детским иллюстратором Габриэлем Пачеком, который и был выбран официальным гостем фестиваля. Я благодарна Всевышнему за все, что происходит в моей жизни, и за такие перемены. За то, что у меня появились итальянские друзья.

– По всему видно, что твои произведения вызвали живой интерес у итальянских ценителей живописи. А был ли проявлен коммерческий интерес – были проданы твои картины?

– Мои рисунки были проданы до Италии только дважды. И теперь они находятся в частных коллекциях в Бельгии и Финляндии. Всегда говорила, что все работы особенно дорого и не собираюсь с ними прощаться. Но так как я безработная и нужно на что-то покупать материалы для рисования, то я продала их в Италии. Еще на первой персональной выставке в Турине обратилось несколько человек с целью приобретения. Когда ты видишь эти горящие глаза, радость, необъяснимое желание иметь ту или иную работу и неподдельный интерес, то не можешь отказать. Тебе хочется, чтобы такое счастье длилось у людей дольше. И если я могу привнести в дом такой позитив, тогда почему бы и нет. Я продала одиннадцать картин. Они находятся в частных коллекциях Витторио-Венето, Турине, Мадженте, Валданье.

– Ася, как ты думаешь, то, чем ты сейчас занимаешься – литература, живопись, музыка – это то, без чего ты себя не мыслишь? Или это через год, два, три, пять-шесть лет «пройдет, как с белых яблонь дым»?

– С музыкой я давно попрощалась, хотя в Алессандрии на мини-фестивале поэзии и прозы две недели назад по просьбе организаторов я спела две песни на чеченском языке для зрителей. К литературе и к живописи у меня особое отношение. Я с детства вела личные дневники, это случилось после прочтения «Убежища» Анны Франк, но писать отдельные повести и рассказы я начала только с две тысячи десятого года. Это ново и поэтому вызывает особый интерес. В живописи бывали перерывы, прежде всего читатель должен понимать, что я вот уже десять лет рисую без помощи художников или педагогов, и никто не занимается продвижением или оттачивает мое мастерство. Я благодарна отдельным людям, которые рассказывают о конкурсах, предлагают подать работы на отдельные выставки. Благодарна Рамзану Даудову, директору Центра народного творчества, которому понравились мои рисунки и в две тысячи девятом году организовал мою первую персональную выставку работ в Министерстве культуры Чеченской Республики. Были большие перерывы в рисовании. Я в такие периоды затишья осознавала отсутствие возможностей, и слова

отдельных людей ранили глубоко. Но три года назад я поняла, что хочу рисовать независимо от того, будут ли рисунки выставлять или публиковать. Рисую только тогда, когда есть чем поделиться, а не просто, чтобы освободиться от тревожных мыслей. В этом году я придумала новый стиль и стала рисовать белой и черной гуашью на цветном ватмане. Произошло это после перенесенной операции на глаза в марте этого года, и я стала видеть на сто процентов своими глазами. Я уверена, что буду писать прозу и рисовать до конца жизни.

– У русского поэта Евтушенко есть такие строки: «Тогда и начинается поэт, когда приходит отвращенье к слову». Скажи честно, с тобой это уже произошло? Когда ты сказала самой себе: да, я чувствую в себе силы, задатки, потенциал, талант?

– На самом деле, я очень реалистично воспринимаю свою прозу и понимаю, что нужно много работать, чтобы выработался стиль, много читать, наблюдать, записывать, подмечать детали. У меня в дамской сумке всегда есть блокнот, куда я записываю интересные ситуации или новые слова. Всегда говорю, что лучшее произведение будет впереди, так я себя мотивирую на большую дистанцию, чтобы я стремилась писать лучше. А вообще, со стороны выглядит некрасиво, когда писатель сам себя хвалит, гораздо лучше, когда о тебе лестно отзываются другие люди. Если и говорю, то только о реальных результатах и фактах. Почувствовала тягу к писательству три года назад, когда совершенно случайно посмотрела документальный фильм об английской писательнице Джоан Роулинг. Вспомнила, как я вела дневники. А позже меня заметили руководители литературного объединения «Молоток» в Тбилиси, который я посещала каждую неделю. Более серьезно я начала относиться к своей прозе после того, как приняла участие в Форуме молодых писателей России, стран СНГ, дальнего зарубежья и Совещаниях молодых писателей Северного Кавказа. Огромное спасибо Фонду СЭИП Сергея Александровича Филатова за то, что переживает за будущее литературы России и помогает молодым писателям.

Сегодня я получила по почте бандероль, где лежали два номера научно-религиозного литературного журнала «Апра» из Тбилиси, где опубликован мой рассказ «Спокойной ночи, Марисабель», переведенный на грузинский язык Шота Ахвледиани. Грузинский переводчик прочитал в Интернете это произведение и через социальную сеть связался со мной и попросил разрешения на перевод, оказывается, этот рассказ произвел на него большое впечатление. Таким же образом Эленэ Занетте, итальянская переводчица, перевела мою другую повесть «Остывшие гильзы» на итальянский язык. Я лично знакома с ней и узнала много интересного о мире переводчиков в Италии. Мне очень нравится то, что эти люди сами изъявили желание перевести.

– Ты окончила отделение журналистики филологического факультета ЧГУ, но на сегодняшний день ты в журналистике не работаешь. Почему?

– Мои статьи публиковались с две тысячи третьего года во многих журналах и газетах республики, их всегда хвалили, говорили, что талантлива... но в штат никогда не брали. Я говорю о тех изданиях, где мне на тот момент хотелось работать. Хотя даже сейчас мне приходят предложения написать статьи... но больше от европейских Интернет-изданий, так как раньше мои статьи были опубликованы в шести странах мира и, оказывается, меня еще помнят. Я не знаю... но, наверное, во мне убили желание. В этом и вся причина.

– А как тебе вообще журналистика в Чеченской Республике? Ты следишь за нашими печатными органами, за радио и ТВ? Могла бы назвать газеты и журналы республики, которые ты читаешь?

– Я честно хочу признаться, что не слежу за сегодняшней журналистикой и больше занимаюсь рисунками и прозой. Раньше, когда я училась в университете, да, я чуть ли не каждый день посещала Центральную городскую библиотеку, где читала все

газеты и журналы. Я не представляла свой день без их прочтения, настолько была вовлечена и в курсе всех веяний, новостей. Могла часами с подругами обсуждать ту или иную журналистскую статью. Особый интерес тогда вызывали местные газеты «Чеченское общество», «Грозненский рабочий», «Объединенная газета», а из журналов «Нана», «Дош», «Лам», «Чеченское общество сегодня». Телевидение и радио я и сейчас не особо смотрю и слушаю. Но в последнее время мне интересны отдельные программы на молодежном телевидении «Даймохк» и «Грозный», нравится креативный подход операторской работы и монтажа. Газеты не читаю, а из журналов – «Вайнах» и «Нана». Критиковать не буду, так как считаю, что если тебе что-то не нравится, то постарайся поступками и делом что-то изменить.

– Ася, как мама относится к твоему творчеству? Для нее это все – продолжение ее дочери или она равнодушна к твоим способностям в литературе и живописи?

– Моя мама нормально относится. Она всегда отпускает в поездки и всячески старается поддерживать меня. Но я не могу сказать, что мама держала меня за руку с детства и стучалась во все двери, проталкивая дочь, как это обычно делают многие мамы. Меня всегда замечали и приглашали другие люди. Мама пришла, насколько я помню, только на одну выставку в две тысячи третьем году в Грозном, где были и мои работы, а на концертные выступления ни разу не пришла. Но я очень хорошо помню матерей других, как они за кулисами причесывали и накрашивали своих детей, передавали букеты после выступления и, раздувая щеки, расхваливали их перед жюри каких-нибудь конкурсов или просто перед нашими артистами. Мама очень много работает, она трудоголик, все финансовые расходы после смерти папы она взяла на себя. Мама – всегда первый человек, которому я показываю свои произведения.

– Ты следишь за чеченской литературой? Читаешь ее?

– Впервые я начала интересоваться чеченской литературой, когда я была занята в молодежной театральной студии «Жималла». Я читала пьесы Мусы Ахмадова, произведения Саида Бадиева, поэзию Апти Бисултанова. Тогда и узнала о существовании литературного объединения «Прометей». В Брюсселе я познакомилась с Таисой Исмаиловой (Дала геч дойла цунна), на тот момент она была главой чеченской диаспоры в Бельгии, поэт, писатель, журналист, она столько прочитала своих замечательных стихотворений по памяти. Она была очень талантливой. От нее я услышала впервые и прочитала прозу Султана Яшуркаева. Любовь к поэзии Баны Гайтукаевой мне привила Зулейхан Багалова, заслуженная артистка ЧИАССР, я раньше часто бывала в редакции журнала «Лам», где она рассказывала о многих чеченских писателях. Так и произошло мое первое знакомство. А сейчас я читаю литературные журналы «Вайнах» и «Нана».

– Не помню, кто, в принципе, это и не важно, на вопрос «ваш любимый писатель (или любимые)», ответил, что «на сегодняшний день это тот, тот и тот». Ключевые слова здесь – это «на сегодняшний день». Смогла бы ты вспомнить писателей дня прошлого, которые тебя когда-то очаровывали, но сейчас вызывают полную апатию?

– Обычно, когда называешь любимого писателя, то окружающие начинают сравнивать и искать сходства. Для меня слово «любимый» все равно, что отделять от других, перечеркивать остальных. Есть определенные писатели, которые нравятся в какие-то моменты жизни. Был период, когда я читала только Сергея Довлатова, Михаила Лермонтова, Александра Пушкина, Николая Гоголя, Уильяма Шекспира или когда читала только детских писателей: Джеймс Барри, Астрид Линдгрен, Джоан Роулинг. Несколько месяцев читала только немецкие, французские, английские сказки. Читаю многих современников, недавно прочитала книгу Джо Витале «Ключ». Перечитываю сейчас американского сценариста, режиссера, актера

и писателя Вуди Аллена. Мне очень нравится, когда писатель оригинально мыслит, когда он интеллектуально развлекает или заставляет плакать.

– А есть такие авторы, книги которых ты перечитываешь?

«Маленький принц» Антуана де Сент-Экзюпери, «Алису в стране чудес» Льюиса Кэрролла, «Унесенные ветром» Магарет Митчелл, рассказы Вуди Аллена, «Сто лет одиночества» Габриэля Гарсиа Маркеса, «Пеппи Длинный чулок» Астрид Линдгрэн, произведения Фредерика Бегбедера, Сергея Довлатова, Антона Чехова, «Петербургские повести» Николая Гоголя.

– Вопрос нашего времени, по поводу Интернета. У тебя есть любимые сайты, на которые ты часто заходишь? Какими социальными сетями пользуешься?

– Я уже шесть лет, как активный пользователь социальной сети Фэйсбук. Зарегистрировалась еще в Женеве, где проходила трехмесячную стажировку по правам национальных меньшинств в офисе Верховного комиссара по правам человека ООН. Меня часто спрашивали сотрудники ООН, есть ли у меня аккаунт, а я даже и не знала, что это такое. Еще я есть в «Одноклассниках», но открыла страницу, чтобы иметь возможность общаться с родными, одноклассниками, однокурсниками и близкими, когда нахожусь за границей или в поездке. А «В Контакте» я зарегистрировалась, чтобы просто слушать музыку, там огромная коллекция аудиозаписей и практически все можно найти. Когда я рисую, то обязательно должна звучать музыка, в основном слушаю Гио Канчели, Чайковского или саундтреки из различных фильмов. Совсем недавно фильм «Жизнь Пи» получил «Оскар» за лучшую музыку в фильмах. Прослушав мелодии, уверилась в правильности выбора. Сайты посещаю по надобности. Но чаще всего пребываю на «Грамота.ру» и в «Журнальном зале», где собраны все последние обновления Интернет-версий литературных журналов.

– На первый взгляд, следующий вопрос покажется глупым, но это не так. Чем бы ты занималась, если бы не занималась тем, чем занимаешься сейчас?

– С детства заметила, что трепетно отношусь к дизайну. Думаю, занималась бы дизайном блокнотов собственного изготовления, их еще называют «hand made» (с английского – своими руками). Я обожаю блокноты и могу несколько часов потратить в магазине, выбирая лучший. Хочется всегда выбрать с креативным дизайном и с налетом под старину или этно, из благородных материалов, какой бы мне понравился, но такое случается редко.

– И последний вопрос: итальянские впечатления отразятся на твоих новых картинах или рассказах и повестях?

– Редко впечатления от поездки сразу же отражаются в прозе или в рисунках. Обычно я всегда делаю заметки в блокноте или небольшие зарисовки, этюды. В них, действительно, то, что меня зацепило, удивило. Сохраняю их. И по истечении времени приходит неожиданно вдохновение. Я всегда должна ответить четко на вопросы перед созданием чего-то нового: «Для чего я это делаю? Что нового хочу привнести? Что я хочу сказать?» Когда нет ясного ответа, то лучше ничего не делать. Но одно могу сказать, что после поездки в Италию, где я провела месяц, я как-то повзрослела и стала смотреть на многие вещи несколько иначе.

– Ася, благодарю тебя за то, что ответила на вопросы. Желаю тебе дальнейших творческих взлетов!

– Спасибо!

Беседовал Саламбек АЛИЕВ

Путевые заметки**Магомед Цунцаев****Приключения в стране пирамид**

Журналист телерадиокомпании «Путь» (Чеченская Республика) и один из постоянных авторов прозаического блока нашего журнала, побывавший в Египте вместе с друзьями-коллегами в самый разгар социально-политических волнений, в легкой, «авантюрной» и игровой манере рассказывает о своих «злоключениях» в стране пирамид.

– Мага, просыпайся! Мы прилетели.
– кто-то сильно пихнул меня в бок. Я протер глаза и посмотрел в иллюминатор.

– Дал бы еще поспать... Смотри, как мы высоко летим, – я с притворным негодованием уставился на Анзора. Внизу простиралась бескрайняя холмистая пустыня, кое-где усеянная искусственными оазисами, из которых проглядывали белые пятнышки домов. Все было так интересно и непривычно, меня невозможно было оторвать от иллюминатора.

– Оохо... – Абдул глубоко вздохнул и медленно приподнялся в кресле, словно воздушный шар, когда самолет резко пошел на снижение.

– Йуухуу! У меня голова кружится! – Анзор блаженно закатил глаза.

– Успокойтесь! Сейчас все подумают, что мы впервые летим! – недовольно бросил я, заметив косые взгляды с соседних кресел.

– А это разве не так?! – Анзор улыбнулся: – Ах, ну да! Я же забыл. Ты же второй раз в самолете.

Мне пришлось тяжело вздохнуть и промолчать. Я и вправду летел второй раз в жизни. В первый раз – когда пришлось отправиться в Турцию в командировку. Тогда еще боялся, вдруг станет плохо во время перелета, но все прошло отлично, если не считать легкого головокружения во время посадки. Так что, мне было уже непривычней, в отличие от моих спутников.

– Восемь дней в самом популярном курортном городе Египта. Только представь, мы здесь и скоро будем отдыхать... – Анзор закатил глаза в предвкушении.

– Ну, если ты прилетел сюда лишь ради отдыха, то я – чтобы поработать!

– Да ладно тебе! Рассуждаешь, как закоренелый трудоголик. Нельзя же упускать такой шанс. В самом деле, вдруг ты больше не сможешь побывать здесь! Абдулла, разве я не прав?!

Абдулла сидел за Анзором, рядом с проходом, что, впрочем, не мешало ему, перегнувшись, смотреть в иллюминатор.

– Знаете, друзья, раз уж мы сюда приехали, то в эти восемь дней просто обязаны вместить и работу, и отдых.

В этот момент самолет начал идти на вираж. Стюардесса прошла по проходу и попросила всех пристегнуться. Я закрепил ремень безопасности и снова попытался уснуть.

Когда самолет приземлился, все начали собираться. Прошло еще около пятнадцати минут, и вот мы вышли к трапу. Стюардесса с натянутой улыбкой пожелала приятного отдыха, на что получила не менее натянутое «Спасибо!». В аэропорту я достал фотоаппарат и начал снимать. После всех проволочек с документами нам наконец разрешили пройти к выходу. У дверей с добродушными лицами нас встречали жители городка, наперебой предлагая свои услуги.

– Давай сумка, я помочь! – на ломаном русском предложил араб и выхватил у меня рюкзак с ноутбуком. Но в последний момент я что-то заподозрил и отказался. Рядом с парнем стояли еще несколько человек, которые также предлагали свои услуги туристам, выходящим из аэропорта.

– Анзор, ма лолахь цуынг хьай чамд! (Анзор, не отдавай ему свой чемодан!) – предупредил я друга, который шел за мной.

– Санеста Бич, я знать автобус! Трансфер! – увидев название отеля на путевочных листах, которые я держал, пытался втолковать нам араб, не отпуская мой рюкзак.

– Не надо! Спасибо, мы сами дойдем!

Наконец, у выхода показался Абдулла, и мы втроем направились к автобусам. Когда мы дошли до стоянки, семейка туристов разобралась с одним из доброжелателей, который вызвался отнести их багаж. Из обрывков речи я понял, что араб требовал с них за свои услуги пять долларов, а жертвы недоразумения утверждали, что он с самого начала ничего им о деньгах не говорил. Я усмехнулся и поделился своими наблюдениями с друзьями. Как оказалось впоследствии, первое впечатление о жителях этого славного городка нас не обмануло: большинство из тех, кто был занят торговлей в рекреационных зонах, зачастую оказывались обыкновенными мошенниками.

Но вот наконец мы приехали в отель. Это было что-то! Стройные зеленые пальмы, прозрачные голубые бассейны, окруженные уютными белыми домиками. Прошло два часа, прежде чем нас разместили в одном из них. Я выбрал комнату поближе к веранде, выходящей на бассейн, и повалился в кровать. Сказывался долгий перелет, клонило ко сну, но голод все же был сильнее. В дверях появился Абдулла и воодушевленно поделился новостью:

– Пойдемте в ресторан, там «шведский стол»! Столько разной еды! Только поскорее, а то обед скоро закончится.

Я взял с собой фотоаппарат и ноутбук, так как прочел в холле отеля, что за вещи, оставленные в комнатах, администрация «не несет ответственности». Эта новость меня, честно сказать, озадачила – необходимость везде таскаться с ноутбуком наперевес меня не прельщала. Мы вошли в помещение ресторана при отеле и заняли столик. Анзор с Абдуллой взяли много разной экзотической еды, хваля по дороге к столику поваров-умельцев, которые приготовили такие необычные блюда. В рационе были котлеты из мяса и неизвестных овощей, салаты, зелень, морепродукты, соусы и супы – благо, хоть хлеб и картошка фри были привычными. Из всего набранного в подносы несъеденным осталось больше половины – не все, что выглядело красивым, оказалось в той же мере вкусным. Потом мы были уже более разборчивыми и выбирали только ту еду, которая напоминала привычную.

В первый же день, попивая холодный коктейль под тентом на побережье Красного моря, мы наконец в полной мере поняли, что лучшего места для отдыха и подобрать было нельзя. Вечером, по совету соседа-отдыхающего, пошли в «Big Park», как это место называли местные. «Большой Парк» представляет собой сеть магазинов, ресторанов и уличных шалашей – своего рода альтернативных кафешек, расположенных на нескольких смежных и параллельных улицах. Я взял с собой камеру, предварительно попросив на ресэпшен положить в сейф ноутбук. Как только мы вступили в пределы «Большого Парка», из толпы отдыхающих к нам хлынули работники тех самых уличных кафе, всевозможными способами зазывая нас каждый в свое заведение, к тому же на разных языках. Дальше – больше: нас обступили, по меньшей мере, семеро таких работников, и каждый норовил увести с собой. Мы почувствовали себя чуть ли не какими-то голливудскими звездами – не хватало только вспышек камер репортеров. Анзор с Абдуллой от этого внимания пришли просто в восторг. Я начал фотографировать все происходящее. Друзья весело переговаривались с «агентами навязчивого маркетинга», и тут ко мне обратился один из них:

– I have hashish, cocaine and marihuana! Anything that you wanna! (У меня есть гашиш, кокаин и марихуана! Все, что вы хотите!)

– Х1окхо бохург хезий шуна, к1ентий?! (Парни, вы слышите, что он говорит?)

– Я был поражен таким предложением и, повернувшись к друзьям, хотел было перевести им, но меня перебил другой араб.

– Хочешь гашиш?! У меня есть. Пойдем мой кафе «Етисалат». Хороший гашиш!

У моих друзей отвисла челюсть. Вслед за ним и другие начали рекламировать наркотики, которые продавались в их заведениях.

– Ничего себе! – наконец опомнился Анзор. – Представь, они прямо на улице, среди людей, никого не стесняясь, наркотики предлагают. Интересно, куда полиция смотрит?!

Но Абдуллу эта ситуация только забавляла. Он смеялся и спорил о цене с продавцом.

– Нет! Это шутка, я не курю гашиш! – расхохотался Абдулла.

– Почему? – на лице араба проступило искреннее недоумение.

– Гашиш – это харам, брат! – укоризненно вставил Анзор.

– Почему харам?! – обиделся наркоторговец.

– Ладно! – Абдулла подмигнул нам и дружески потрепал по плечу араба: – Ты говорил, у тебя Wi-Fi есть, мы пойдем в «Етисалат», но наркотики мы не будем.

– Хорошо! Ты говоришь нет, значит, нет. Пойдем со мной.

Мы вступили под открытый широкий навес, где на полу на мягких подушках восседали посетители. Почти все раскуривали ароматные травы, тех, кто курил наркотики, можно было распознать по обернутому в целлофан кончику пластиковой бутылки, водруженному на кальян, в нем и накапывался наркотический дым. Прежде чем попасть в легкие, он проходил по водяному фильтру курительного устройства с затяжным и тлетворным «бульком». Под навесом сидели не только туристы из разных стран, немало здесь было и самих арабов, в том числе женщины. Все они привычно вдыхали дым, туманящий глаза и разум, обменивались шутками и заливались смехом. Атмосфера царилась нездоровая, мы стояли как в тумане в этом дыму, который медленно рассеивался между свисающих с низкого потолка гирлянд, горевших разноцветными ночными огнями, сквозь которые тоскливо поблескивали звезды.

Мы неловко прошли к столику, который нам предложил официант, и заказали колу со льдом. Подключившись к Wi-Fi-сети, тут же начали делиться шокирующими впечатлениями от отдыха с друзьями в социальных сетях. Абдулла уселся поудобнее, подпер под себя сразу две подушки и, усмехнувшись, указал на соседний столик, за которым сидела семья с ребенком. Пока мама возилась с чадом, глава семьи «летал» на тонких струйках дыма, которые мерно выходили из его легких. После нескольких затяжек роли поменялись: жена отдала ребенка мужу и сама затянулась. По-видимому, посещать такие заведения здесь было равносильно походу с семьей в «Макдоналдс». Слева от нас сидела компания друзей-иностранцев, которые с интересом озирались и говорили о чем-то по-английски. А прямо перед нами располагалась площадка для танцев. Через пару минут на сцену вышло несколько парней в длинных восточных мужских грязных халатах и с небрежно закрученными тюрбанами на головах. Начала играть громкая музыка, заставлявшая перепонки буквально вибрировать от напряжения, а люди на сцене принялись синхронно отплясывать танец под американский рэп. Все это забавляло, но не больше.

Я достал фотоаппарат и включил функцию видеосъемки.

– Абдулла, х1окх положенех лаьцна х1ун эр дара ахь? (Абдулла, что бы ты сказал об этом положении?)

– Со-м ч1ог1а цец ваьккхина кхара. Х1орш иштта наркоманаш бу ца моттар суннам. (Я поражен всем происходящим. Не думал, что тут так балуются наркотиками), – с Абдуллы я перевел камеру на Анзора, который сидел за ним.

– Анзор, а ты что-нибудь скажешь? – но тот даже не повернулся, всецело поглощенный телефоном.

– Йоу! Цхьаь алахь! (Эй! Скажи что-нибудь!) – Я потрепал его за волосы, но он лишь небрежно отмахнулся, коротко бросив: «Сейчас, подожди».

¹ Харам (мусальм.) – грех.

Подобравшись к нему, я заглянул в телефон. Увидев фотографию красивой девушки в уголке диалогового окна, с пониманием кивнул и перестал приставать. Через какое-то время нам надоело сидеть, и мы решили отправиться дальше. Я подошел к менеджеру и попросил счет. Всего вышло 23 доллара, хотя это и было больше того, что мы заказали, но я не стал возражать, поскольку сумма меня не смутила. Что было весьма интересно – тратя доллары, мне казалось, что я трачу небольшие деньги, но, если перевести в российские рубли, сумма получалась очень даже солидной. Вечер для нас закончился уже в другом заведении. Был первый час ночи, когда мы поймали такси и возвратились в отель. По дороге увидели стоявшего возле своего мотоцикла полицейского.

– Смотрите! И полиция тут же, рядом, – водитель посмотрел на нас и ухмыльнулся.

– Police!? Stupid donkeys! (Полиция?! Они глупые ослы!) ... – Дальше из него повалили еще более оскорбительные выражения. Анзору с Абдуллой переводить не потребовалось: знакомые с творчеством Квентина Тарантино – автора многих фильмов с крепким словом в диалогах героев – они только слушали и тихо посмеивались.

Отель встретил нас холодным лазурным бассейном. А потом мы легли спать и, засыпая, я чувствовал на своем лице счастливую улыбку.

Следующие пару дней мы отдыхали и заодно планировали дальнейшие действия: как и где будем снимать, что потребуется, ну и так далее. Для начала решено было съездить в Каир, это нужно было для съемок нашей культурно-просветительской программы: в столице Египта достопримечательности, которые, по заданию телекомпании, надо было включить в сценарий фильма. Нужно было только найти агентство, которое помогло бы нам в этом. Но мы долго не могли найти подходящего в плане цены. Все агентства брали слишком много за свои услуги. Один из представителей частного агентства предложил повезти нас в Каир за четыреста долларов, мы отказались, но он настойчиво стал нас уговаривать.

– Если вас интересуют мечети и музеи Каира, я покажу вам все. Я знаю много интересных мест.

– А вы сможете рассказать нам об этих местах на камеру? – спросил я, улыбнувшись. Араб не смутился – казалось, за эти четыреста долларов он готов был пуститься во все тяжкие.

– Конечно, смогу!

– Как вам цена? Не слишком? – обратился я к друзьям, но араб тут же начал убеждать нас в том, что его услуги самые дешевые в округе.

– Суна дукха хета иза. (Мне кажется, это дорого), – с сомнением высказался Анзор.

– Дукха доьха цо (Он много просит), – поддержал Абдулла.

– Говорите на чеченском? – с сожалением спросил араб. Я кивнул, он с нетерпением уставился на меня и стал ждать нашего ответа.

– Мы подумаем и зайдем завтра. Давайте свою визитку. Мы вам позвоним.

Он протянул карточку с номером, испытующе смотря каждому в глаза, словно маньяк, запоминающий лица жертв.

– Я буду ждать! Заходите сюда, когда решите.

– Хорошо, до свидания, – мы вышли и по дороге уже решили, что не будем звонить. Это было слишком дорого. Но вот через два дня подвернулся случай. Мы с Анзором поехали в мечеть Мустафы в Шарм-аль-Шейхе, где решили помолиться и сделать съемки для фильма. На обратной дороге с водителем такси у нас завязался разговор. Когда он узнал, что нам нужно в Каир, то поспешил предложить свои услуги. Поторговавшись, согласился отвезти нас за 250 долларов, почти столько же нам потребовалось бы на тур-поездку в автобусах от местного агентства. Но, несмотря на то, что хитрый взгляд и скользкая манера говорить у этого араба мне не понравились, я согласился. Анзор молчал, и когда мы сказали Абдулле, что выезжаем в 12 часов ночи, тот лишь пожал плечами: «Ну, что же. Едем, так едем!»

Мне не спалось. До полуночи оставалось еще три часа. За окном слышалась музыка, отдыхающие танцевали и общались за фруктовыми напитками и питьем иного градуса. А мы спали. Абдулла мерно похрапывал за стенкой, которая

была возведена только на четверть, а остальная часть состояла из большого прямоугольного проема, через который, встав на колени в своей постели, я мог видеть кровати приятелей.

– Мага, ты спишь? – Анзору тоже, по-видимому, не спалось. И, как оказалось, по той же причине, что и мне.

– Не-а...

Послышалось, как он переворачивается на другой бок к стене, за которой лежал я.

– Слушай, как думаешь, то, что мы едем с этим типом за шестьсот километров от нашего отеля, это не опасно? В последнее время по новостям часто передавали, что туристы в Египте пропадают аж семьями... Я просто немного сомневаюсь.

Наступила тишина.

– Я не думаю, что все так страшно! – я изобразил что-то наподобие смеха, чтобы подбодрить не столько Анзора, сколько себя. – Он ведь работает на какую-то компанию. А там не будут брать бандитов с улицы.

– Смотри, с нами съемочное оборудование на двести тысяч рублей. У меня «Айфон-5», это еще штук тридцать. Еще паспорта заберут, и рабами сделают где-нибудь на стройке под Шарм-аль-Шейхом. Будем строить курорты для новых туристов! Или еще хуже, высадят нас где-нибудь в пустыне, пришьют и закопают. Там даже землю рыть не придется. Еще неизвестно, сколько трупов под песком на окраинах дорог лежит. Ты же видел, что это за люди. Им доверять нельзя!

Я терпеливо, но с подступающим к горлу страхом выслушал все его пессимистические пассажи.

– Нормальный он человек, Анзор, что ты беспокоишься! Все будет хорошо. Потом будешь еще со смехом вспоминать об этом. Давай спать, не то проспим! – я шумно поерзал в постели и начал громко дышать, давая понять, что разговор окончен. За стенкой еще с минуту не доносилось ни звука, потом послышалось, как Анзор беспокойно переворачивается обратно.

Зазвенел телефон. Я вяло потянулся к столику, нащупал телефон и поднял трубку:

– Алло?

– It's me! We have thirty minute to midnight! Let's go? (Это я! У нас еще тридцать минут до полуночи! Может, поедем?)

– Yes! Ok. You can come to hotel. We will ready! (Да. Хорошо. Можешь приехать в отель. Мы будем готовы!)

– I'm here already. I am waiting you. (Я уже здесь. Я вас жду.)

– Хьай де ги... (Да будь ты неладен...) – оборвав связь, я упал лицом в подушку и еще с минуту боролся со сном.

– Анзор!.. Анзоор! Абдулла! Слышите?! Он приехал. Встаем, парни! – поднявшись, я стал одеваться. Через пять минут встали и Анзор с Абдуллой, им тоже подъем давался так же тяжело, как и мне. Но, умывшись холодной водой, я почувствовал себя бодрее. Собрал и положил в рюкзак ноутбук и аппаратуру для видеокамеры, жесткий диск и еще кое-какие вещи. Не хотелось оставлять ничего ценного в номере. Итак, собравшись, мы вышли из отеля. На остановке нас уже ждало такси. Водитель вышел нам навстречу со странной улыбкой на лице. Открыл багажник, чтобы мы положили вещи. Абдулла, по праву старшинства, сел вперед, мы с Анзором уселись сзади. Улицы были тускло освещены высокими фонарными столбами, которые нависали над дорогой, словно мрачные призраки, готовые вот-вот упасть на проезжающих. Я открыл окно и в лицо мне повеяло ночной свежестью. Мы выехали из города и заблудились в паутине магистралей. Во всяком случае, мне так показалось. Отъехав от города, араб начал притормаживать и остановился на безлюдном перекрестке за другим такси, которое стояло у обочины.

– Come on! – сказал он и тут же вышел из машины. Я удивился и вышел за ним.

– What happened? (Что случилось?) – я испуганно уставился на нашего водителя. Навстречу нам вышел какой-то тип – молодой парень лет двадцати пяти, весь черный от загара, с кудрявыми короткими волосами. Хотя загоревшими в той или иной мере были все арабы в Египте, но этот прямо сверх меры.

– All right! But you must go on his car. It is Kabir. (Все хорошо! Но вы должны поехать на его машине. Это Кабир.)

– Why? (Почему?) – пытаюсь в одном слове выразить все свое огромное недовольство, спросил я.

– My car conked (Моя машина сломалась), – виновато ответил тот.

В моей голове прокрутились разные эпизоды из криминальных фильмов, где жертву запикивали в багажник и, чтобы скрыть следы преступления, поджигали машину. Не знаю почему, но в голову пришло именно это. Меня еще пугало то, что наш водитель, таким образом, возможно, хотел скрыть свою причастность к предстоящему преступлению. Я был перед выбором: либо отказаться пересаживаться в другую машину и приказать отвезти нас обратно в отель, либо закрыть глаза и прыгнуть в пропасть, которая ничего хорошего пока не предвещала. И, к превеликому восторгу мертвецов, лежащих в забытых песках у межгородских трасс Египта, включая мумий из усыпальниц фараонов, которые, по-видимому, аплодировали нашей аванюре стоя, я согласился пересесть и вернулся к друзьям, чтобы предупредить. К моему удивлению, ни Анзор, ни Абдулла не стали спорить. Просто вышли из машины и сели в другую. Скорее всего, они думали, что я знаю, что делаю. Я и сам так думал. Новый водитель перенес наши вещи в багажник своей машины, и мы тронулись в путь.

– What is your name? I don't remember (Как твое имя? Я забыл), – я попытался выдать из себя что-то наподобие улыбки.

– My name is Kabir. What is your name? (Мое имя Кабир. Как тебя зовут?)

– Muhammad!

– Muhammad? – удивился он: – Are you Muslim? (Ты мусульманин?)

– Yes! We are Muslims! (Да! Мы мусульмане!) – я обрадовался, что он об этом спросил. Было забавно, но я даже представил в мыслях, как он признается нам, что вез нас в западню, но так как мы братья по вере, он раскаивается, что хотел так сделать, и теперь отвезет нас обратно. Но никаких признаний за этим не последовало.

– It's fine! (Прекрасно!) – просто ответил он.

Я повернулся к Анзору. Он смотрел в окно и перебирал четки. Я тоже решил сделать зикр: достал четки из кармана. И вот, мы оба сидим, волнуемся и поминаем Аллаха, размышляем о бренности этого мира и горько вспоминаем о том, как хорошо и безопасно было в отеле. Да... Было не до смеха.

Через полчаса мы проехали к блокпосту, но нас не пустили дальше. Сослались на то, что впереди военные ведут ночные зачистки, и дорога будет открыта только через три часа. Что они имели в виду под ночными зачистками, мы так и не поняли. Кабир сказал, что отвезет нас выпить чай, и, развернувшись, направил машину по другой дороге. Мы выехали на участок шоссе, которое не было освещено, более того, впереди ничего нельзя было разглядеть, кроме медного отсвета песка, который тонким слоем покрывал дорогу, скудно освещаемую фарами такси. Вдруг мне в нос ударил запах воды, я уставился во тьму и увидел темные силуэты морских волн, с приглушенным шумом разбивавшиеся о скалистый берег. Еще некоторое время мы ехали вдоль береговой линии, а потом море отступило, скрывшись за горными великанами, которые в ночной мгле угрожающе обступили нас с обеих сторон. Наконец через пару километров вдали появился свет, это оказался небольшой городок, который пролегал через горный кряж. И я услышал, как мои друзья облегченно вздохнули. С самого отеля мы почти не разговаривали друг с другом, целиком погруженные в свои мрачные мысли. Мы остановились возле какой-то уличной забегаловки, у которой собралась целая толпа людей. По машинам, стоявшим у заведения, было видно, что большинство из них – это ночные таксисты. Кабир уселся за «столик», который состоял из стульев, стоявших в форме круга, но без самого стола. Мы тоже расселись. Вскоре нам принесли чай. Мы с Анзором отказались, зато Абдулле чай пришелся по вкусу. Поздоровавшись с Кабиром, к нам подсел другой таксист и заговорил на далеком от совершенства русском. Он спросил, есть ли у меня дети. Я ответил, что не женат. А так как из нас троих женат был только Абдулла, они быстро нашли общий язык, хотя в целом атмосфера была довольно напряженная.

– Что мы здесь делаем? – спросил Анзор.

– Нужно ждать еще минимум два с половиной часа, прежде чем дорогу откроют.

– Давайте тогда поедem в отель и там подождem? Нам же долго ждать нужно. Отоспимся перед дорогой! – подключился Абдулла. Поняв из нашего разговора, о чем речь, Кабир было запротестовал, но его друг сказал ему что-то на арабском, и тот кивнул.

– Кабир вас отвезет. Только вы поехать с ним в Каиро! Хорошо? – обратился к нам знакомый нашего водителя.

– Хорошо! – ответили мы поочередно.

Мы уже трогались, когда он снова подошел к нашей машине.

– Кабир отвезет в Каиро! Договаривались уже. Хорошо?

– Хорошо, хорошо! – поспешил ответить Абдулла арабу, и мы поехали в отель.

Зайдя в номер, мы сразу же начали готовиться ко сну. Когда Абдулла вышел на минуту из номера, Анзор обратился ко мне:

– Мага, ты уверен, что это хорошая идея? Может, найдем другого таксиста?

– Ну, тогда выйди и скажи этому, что все отменяется!

– Тогда поедem на автобусе? Или не поедem совсем.

– Анзор, не хочешь, не езжай! Оставайся, а я поеду один!

– Нее... Мы поедem вместе. Куда ты, туда и мы. И будь, что будет.

Когда мы подъехали к блокпосту, там уже собралась огромная очередь из машин и автобусов. Дорогу не открыли, хотя был уже четвертый час. Военный попросил наши документы. Мы отдали Кабиру загранпаспорта, и тот отправился их регистрировать. Но, к счастью, через десять минут дорогу открыли и нам разрешили проехать. На следующем блокпосту нас задержали подольше, мы даже успели сфотографироваться на фоне огромной пробки, образовавшейся перед шлагбаумом. И вот мы едем за двухэтажным автобусом с туристами под чтение Священного Корана, доносившееся из динамиков такси. Пришло время и для того, чтобы успокоиться. И я, наконец, смог уснуть.

Первое, что я почувствовал при пробуждении, – это жуткое неудобство. От дискомфорта затекли ноги, которые я подобрал, когда засыпал. Открыл глаза и увидел отливавшую золотом под яркой розовой зарей пустыню. Подумалось: как же красиво! Повернулся в сторону Анзора и увидел в окне синее море с плывущими по небу белоснежными облаками, окаймленными предрассветным розово-голубым отливом. Медленно расплылся в улыбке, словно и не просыпался от сладкого радостного сна. Стал смотреть на дорогу, убегавшую далеко вперед и теряющуюся в утренних сумерках. Кабир улыбнулся, заметив в зеркале заднего обзора, как мне понравился пейзаж. Улыбка сразу сползла с моего лица. «Вот как, оказывается, человек за одно мгновение может испортить самое шикарное настроение», – подумалось мне.

Каир показался вдалеке уже в десятом часу утра. Въехав в город, я сразу же позвонил на номер, который мне дали на работе. Его звали Абдул-Али, он был чеченцем и жил в Каире уже много лет. В разговоре я сказал, что мы едем к цитадели Салах-ад-Дина, и Абдул-Али ответил, что скоро подъедет. Кабир не знал дороги в цитадель и часто спрашивал что-то у прохожих, используя слово «кубро». Но вот, наконец, мы выехали на длинный мост и пересекли его. Уже издали показалось это величественное строение, находящееся на Мукаттамской возвышенности в центре столицы. Крепость воинственно нависла над городом, где далеко внизу виднелись маленькие квадратики серых крыш убогих домов. Это было грандиозное зрелище. Казалось, ты перенесся в прошлое, где все еще скачут на арабских лошадях и точат персидские мечи перед сражениями. Некоторым строениям на территории крепости было несколько сотен лет, а то и больше. Я поднялся на крепостную стену возле древней мраморной мечети и стал записывать стенд-ап. На меня с интересом уставилась городская молодежь, которая, по-видимому, часто приходила сюда, чтобы погулять и отдохнуть. Закончив съемку, мы спустились и обошли все музеи и памятники крепости. И через полтора часа, которые протели для нас незаметно, с океаном впечатлений направились к выходу. Чуть впереди нас шли три девушки, облаченные в черные хиджабы. Увидев нас, они начали

суетливо оборачиваться и кокетливо улыбаться, давая возможность разглядеть свои овальные приятные лица. Одна из них сказала нам что-то на арабском, и ее спутницы весело засмеялись. Мы не знали арабского и ничего не смогли ответить, а только улыбались им, понимая, почему мы их так привлекли. Не только эти, многие девушки с интересом, а часто и с приветливыми улыбками нас провожали. Это было равносильно тому, как если бы в центре Грозного разгуливало несколько выходцев из Африки...

Как только мы вышли из цитадели, я позвонил Абдул-Али. Он ждал нас на стоянке перед крепостью уже около часа. Мне стало неловко, что мы заставили его ждать на тридцатиградусной жаре. Ему было от силы лет сорок, он походил на человека, который привык улыбаться даже жизненным трудностям. Но улыбка эта была какой-то странной, сквозь нее словно бы сквозила необъятная грусть, затрагивающая самые глубины души, тоска по чему-то родному и дорогому. Он был очень светловолосым, с небольшой проседью и голубыми прозрачными глазами. Можно было представить, какое внимание он мог привлекать, прогуливаясь по центральным улицам города. Вместе с ним мы отправились в мавзолей имама Шафии, потом поехали в Исламский университет Аль-Азхар. Я с трудом запоминал бесчисленные истории, которые Абдул-Али рассказывал о памятниках древности, что мы посещали. Все было так интересно и завораживающе. Но мои друзья были на пределе. Особенно Абдулла. Это и неудивительно: каирские улицы были узкими, с высокими глиняными строениями в несколько этажей, и из-за отсутствия ветра температура могла доходить до сорока пяти градусов. Напоследок мы с Абдул-Али зашли перекусить в один из местных ресторанчиков, а после трапезы сфотографировались вместе и, попрощавшись, уехали из этого прекрасного города. Каир кардинально отличался от Шарм-аль-Шейха и вообще от курортных городков. В столице и других городах, которые не входили в рекреационную зону страны, люди были намного добрее и религиознее. Чего стоили одни только застенчивые улыбки милостивых арабских девушек в просторных, развевающихся на ветру хиджабах.

К отелю «Sanesta Bitch» мы подъехали уже в 12-ом часу ночи. попрощались с Кабиром, с которым к этому времени у нас завязались вполне дружеские отношения и, войдя в наш просторный номер, повалились спать, усталые и голодные.

Если вы решили поехать на отдых за границу, лучше, конечно, покупать путевки с услугой «все включено». Переплатите немного, но зато всегда (даже во время завтрака) можно хорошенько перекусить после долгой голодной ночи. Но есть и два минуса – во-первых, вам придется стоять в очереди за самым вкусным блюдом из ассортимента «шведского стола». И второе, за один день, в зависимости от физиологических особенностей вашего организма, будете прибавлять, примерно, полкило веса.

После завтрака мы еще пять минут говорили за столом. Делились мыслями о нашем путешествии. Было, о чем поговорить. Вышли, решили взять фруктовые коктейли в баре. Подошли к стойке. Анзор, как обычно, начал в шутку читать рэп бармену:

– Эй, друг – море подруг!

Приготовь-ка нам Клеопатру, чтобы вдруг

Все вокруг услышали моего сердца стук...

Он был в музыкальной группе несколько лет назад. И по привычке жестикулировал рукой перед улыбающимся барменом. Того это забавляло, а зачастую бармен и сам пытался вставить пару строчек на английском, учитывая то, что русского совсем не знал.

Вечером мы опять пошли в «Биг Парк». Взяли такси. По дороге водитель обыденным тоном предложил нам наркотики. Он и выглядел как типичный наркоторговец: небритый, неряшливый, в грязном балахоне и с ободренным тюрбаном на голове. По бессмысленному взгляду и скудной речи сразу было видно, что и сам он частенько злоупотребляет этой мерзостью.

Высадились на рынке. Гуляли вдоль магазинчиков, покупая сувениры и подарки близким и друзьям. Уже вечером я решил купить солнцезащитные очки, и мы с Анзором подошли к молодому продавцу, стоявшему за широкой стойкой с очками на любой вкус. Разговорившись, удивили его, сказав, что мы мусульмане. Еще больше он удивился, узнав, что мы из Чеченской Республики.

– Your President Ramazan Kadirov? Yea? (Ваш Президент Рамзан Кадыров? Да?)

– Yes!

– I know his! It is real muslim! (Я знаю его! Он настоящий мусульманин!)

Нас он удивил тем, что знал Главу Чеченской Республики и восторгался им. На лбу у него был странный круглый шрам. С гордостью указав на него, он спросил, почему у меня такого нет. Вначале я не понял, что это могло значить, но потом вспомнил, что такой шрам появляется у людей, поклоняющихся Всевышнему с огромным рвением. При частом и долгом суджуде² это место на лбу натирается и появляется такой небольшой шрам. Мы еще долго говорили о разных вещах, потом к нам подошел другой араб, напарник первого. Напарник тоже начал о себе рассказывать, а потом даже поделился своими недостатками: сказал, что единственный его минус – это то, что он увлекается наркотиками, но это бывает очень редко, только по праздникам. У меня чуть челюсть не отвисла. Мне даже показалось, что у них так заведено, если ты чему-нибудь искренне рад, будь добр употребить наркотики.

В последние два дня до отъезда мы, как бывалые, уже ничему не удивлялись, были готовы к любому повороту событий. Часто ссорились с менеджерами общественных заведений и продавцами в магазинах, если те хотели нас обмануть. Несколько раз даже чуть было не доходило до драки. Все в торговом районе Шармаль-Шейха уже знали о «бесстрашных шишани», которых нельзя было обмануть или припугнуть и с которыми нежелательно было иметь дела.

Уже у самолета перед вылетом я в последний раз достал фотоаппарат и крикнул Абдулле с Анзором, которые уже поднялись по трапу и ждали меня. Они обернулись, я сфотографировал их, улыбающихся и скучающих по дому. Так улыбался и Абдул-Али из Каира. Через пять часов, уже в Чеченской Республике, разглядывая сквозь окно автомобиля мелькавшие леса и горы, я по-настоящему понял, как же это трудно – расстаться с домом и жить где-то далеко на чужбине...

А наше путешествие в одну из самых знаменитых и таинственных стран Магриба (так арабы называют Египет и некоторые другие арабоязычные страны Африки) подошло к концу, навсегда оставшись пусть и небольшим, но все же приключением в песках Востока...

²Суджуд (мусальм.) – земной поклон при чтении определенных аятов Корана.

Муслим Гапурев**Рожденный под счастливой звездой**

Мы продолжаем серию публикаций о факелоносцах Олимпийских игр в Сочи, представляющих Чеченскую Республику. на этот раз герой нашего эксклюзивного очерка – олимпийский чемпион Ислам-Бек Альбиев.

Когда 28 декабря 1988 года в семье Сайд-Селима и Малики Альбиевых родился мальчик, названный Ислам-Беком, вряд ли они предполагали, что ему уготована звездная судьба. Но при этом не без оснований рассчитывали на то, что его судьба будет счастливой и безоблачной.

Жизнь в Советском Союзе хоть и была далека от идеальной, но при этом люди чувствовали свою социальную защищенность. Да и идеология партии КПСС, внушавшая, что «завтра жить будет легче, чем сегодня», делала свое дело.

Но буквально через год в СССР начался экономический кризис, приведший в итоге к ряду межнациональных конфликтов, следствием чего стал развал страны. Венцом недалекновидной политики тогдашнего руководства России стала война, начавшаяся в декабре 1994 года в Чеченской Республике. На момент начала военных действий Ислам-Беку не было и шести лет, поэтому о его счастливом детстве говорить не приходится. Зато все тяготы военного времени он хлебнул сполна. Дом Альбиевых был основательно разрушен, так что семья вынуждена была жить у родственников на окраине Грозного в поселке Войково. Это место знаменито Дворцом культуры железнодорожников им. Н.К. Крупской, в котором прописалась известная далеко за пределами республики секция дзюдо общества «Локомотив». Именно туда к тренеру Зелиму Ахмадову и привел Ислам-Бека летом 1999 года двоюродный брат Малики – Мовсар Эпендиев. Сам бывший неплохим борцом вольного стиля, Мовсар разглядел в шустром мальчишке задатки спортсмена. К тому же, помимо спорта, в разрушенном Грозном молодежи и заняться было нечем. Все это и определило дальнейшую судьбу Ислам-Бека Альбиева, который, хоть и не стал дзюдоистом, но спорт полюбил крепко и уже не представлял свою жизнь без него.

Начавшаяся в декабре 1999 года вторая военная кампания заставила Ислам-Бека прервать тренировки, но и за те несколько месяцев занятий он сумел стать вторым на юношеском первенстве республики. Понятно, что за столь короткий срок освоить технику дзюдо нереально, поэтому побед Ислам-Бек добивался во многом за счет своей невероятной физической силы, которая проявилась еще в младенческом возрасте.

Родители Ислам-Бека вспоминают, как он уже в 6-7 месяцев ломал дугу детской кроватки, сильно раскачивая перекладину. Они купили несколько кроваток для Ислам-Бека, но все тщетно – ребенок с постоянством, достойным лучшего применения, умудрялся расшатывать и ломать их. В конце концов, Сайд-Селим заказал на мебельной фабрике детскую кроватку особой крепости, но и ее участь была под стать предыдущим.

Если первую войну Альбиевы провели в Грозном, то с началом второй – Сайд-Селим перевез семью в Ингушетию, здраво рассудив, что дважды судьбу испытывать не стоит. Но, как известно, судьба находит человека в любом месте, куда бы тот от нее ни прятался. Неизвестно, добился бы высот в дзюдо Ислам-Бек Альбиев, но успехам, достигнутым в греко-римской борьбе, он обязан в первую очередь тому обстоятельству, что никаких иных секций в окрестностях ингушского села Сурхахи, где прожила без малого четыре года семья Альбиевых, не было. Надо сказать, что родители всегда поддерживали Ислам-Бека в его увлечении спортом, понимая, что это поможет ему стать настоящим мужчиной.

Большую роль в жизни Ислам-Бека сыграл и заслуженный тренер РСФСР Ахмед Атабиевич Гасаев, сумевший увлечь его новым видом спорта. Под руководством

Гасаева за несколько лет упорных тренировок Ислам-Бек Альбиев стал одним из самых перспективных борцов страны в своем весе.

В 2003 году семья Альбиевых вернулась домой, но с Гасаевым Ислам-Бек продолжил тесно общаться. И свою победу в 2005-м году на первенстве Европы среди кадетов в Албании он считает полностью заслугой Ахмеда Атабиевича. К сожалению, судьба отвела этому талантливому тренеру недолгий век – в том же 2005 году его не стало (Дала гечдойла цунна).

Гасаев умел разглядеть в каждом человеке его лучшие качества и методично развивать их. Так было и с Ислам-Бек, который неоднократно в своих интервью выражал благодарность своему первому тренеру, привившему ему основы техники греко-римской борьбы и, что немаловажно, научившему вести честную и красивую борьбу.

Забегая вперед, скажу, что после олимпийского триумфа Альбиев заявил, что посвящает свою победу в первую очередь родителям и Ахмеду Гасаеву. Это характеризует самого Ислам-Бека, ведь благодарность – удел сильных и достойных людей.

После смерти Гасаева Альбиев стал заниматься под началом известного чеченского тренера Уматгирея Молдыевича Тавбулатова. В 2006 году на первенстве России среди юниоров Альбиев стал третьим, но защищать честь страны на первенстве мира среди юношей тренеры сборной все же доверили именно ему. И Ислам-Бек не подвел: уверенно пройдя весь турнир, в финале он со счетом 11:0 победил турка Сучу Сонера.

Надо отдать должное порядочности Тавбулатова, который не стал «привязывать» к себе перспективного спортсмена, а отправил его тренироваться в московский клуб «Спарта», где условия для тренировок были значительно лучше, нежели в ДЮСШ №3 Грозненского района, которым он руководил. Сначала Ислам-Бек занимался под началом Алексея Васильевича Иршинского, а в последующем все победы Альбиева по праву разделяли с ним, помимо Тавбулатова (его первого тренера), Феликс Петрович Аваков и Давид Акопович Кадилов.

В январе 2007 года Ислам-Бек победил на традиционном международном турнире Гран-при «Иван Поддубный». В финале он выиграл у лидера этой категории, призера чемпионатов Европы и мира 2006 года Вячеслава Джасте, кому до этого дважды уступал. Эта победа придала Альбиеву уверенности в своих силах. В феврале того же года Ислам-Бек впервые в составе взрослой сборной России отправился на крупный турнир – Кубок мира в турецкий город Анталия. Выиграв у хозяина ковра, призера чемпионата мира 2006 года Эмика Буньямина и призера чемпионата мира 2005 года Мирзаде Дарзи Сабер Сайеда из Ирана, Альбиев в упорной борьбе в трех периодах уступил американцу Уоррену Джозефу – 6:8. Учитывая, что американец был действующим чемпионом мира, а возраст Альбиева был совсем еще юный – восемнадцать с небольшим, «бронзу» Кубка мира можно считать большим успехом. Но Ислам-Бек считал иначе, так как с детства все места, кроме первого, он расценивал как неудачу.

Говоря о спорте высших достижений, надо отметить, что успеха добиваются только амбициозные люди, ставящие перед собой самые высокие, казалось бы, невыполнимые задачи.

Безусловно, у Ислам-Бека Альбиева была цель, достижению которой он подчинил всю свою жизнь. И этой целью была Олимпиада. Но чтобы попасть на нее, надо было пролить море пота на тренировках и пройти многие турнирные испытания.

Надо сказать, что с 2006 года, т.е. с 17-летнего возраста, Ислам-Бек Альбиев уже принимал участие во взрослых соревнованиях, хотя по возрасту еще несколько лет мог выступать за юношеские и молодежные команды. И не просто стал выступать, а занимать призовые места. На юношеском уровне у Ислам-Бека практически не было соперников, и тренеры, понимая, что отсутствие соперничества может привести к деградации, предложили ему состязаться со взрослыми борцами. Для Ислам-Бека это была отличная возможность поднять уровень своего мастерства. Но случилось невероятное: Альбиев вместо того, чтобы как прилежный ученик внимать каждому практическому уроку зрелых и опытных спортсменов, стал жестко с ними

конкурировать. И безуспешно. В частности, так было на чемпионате России 2006 года в Краснодаре, где он стал бронзовым призером. В предолимпийском и олимпийском году Альбиев стал чемпионом России, что дало основание тренерам сборной в 2008 году включить его в олимпийскую команду. Особо хочется отметить полуфинальную схватку чемпионата России 2008 года в Новосибирске между Ислам-Бек Альбиевым и Вячеславом Джасте. Первый период при равном счете 1:1 по последнему действию остался за чеченским борцом. Второй – при таком же счете – выиграл борец из Краснодара. А в третьем, решающем периоде, когда все висело на волоске, Альбиев в который раз проявил свой бойцовский характер – 2:0. Все это говорит о том, насколько высока была конкуренция за олимпийскую путевку. Как тут не вспомнить слова Харви Маккея: «Мелочи не играют решающей роли, они играют все». Ведь одно малейшее неточное движение в решающей схватке, секундное замешательство, небольшое недомогание, судейская предвзятость – и все, прощай мечта об Олимпиаде! К слову, в финале того чемпионата России Ислам-Бек выиграл у другого чеченского борца Чингиза Лабазанова.

Пройдя такой жестокий отбор, Ислам-Бек априори не мог плохо выступить на Играх в Пекине.

Свою готовность к Олимпиаде Альбиев подтвердил за месяц до ее начала победой в Мадриде на Гран-при по греко-римской борьбе.

...Олимпиада в Пекине началась для российской команды крайне неудачно: к четвертому дню не было завоевано ни одной золотой медали. Но тут в дело вступили борцы – извечные «палочки-выручалочки» российского спорта. И в первой же категории до 55 кг победу праздновал российский борец Назир Манкиев. Следующую категорию до 60 кг с особым нетерпением ждали чеченские любители спорта, ведь на ковер должен был выйти Ислам-Бек Альбиев. Но было и серьезное волнение. Сколько в истории было случаев, когда уверенно побеждавший на иных турнирах спортсмен на Олимпийских играх терял контроль над собой и попросту «перегорал». Проигрывали более опытные и титулованные борцы, а тут совсем еще мальчишка, которому двадцать лет исполнится лишь через четыре с половиной месяца после завершения пекинской Олимпиады. По видеоряду не заметно волнение Альбиева, но сам он потом признавался, что такой наэлектризованной, волнительной обстановки не было ни на одном турнире, где ему пришлось бороться. Но, помимо моральной, была нагрузка и физическая. Между первой схваткой и второй борцы отдыхали 20-30 минут, а дальше и того меньше – всего 15-20 минут. Ислам-Бек признался, что выходил на каждую последующую схватку с неостывшим потом от предыдущей. Даже отдышаться толком не успевал. Но, поскольку в таких условиях были все борцы, преимущество имел тот, кто мог совладать со своими нервами, избежал травм, да и в целом был лучше подготовлен функционально.

Именно таковым оказался Ислам-Бек Альбиев, выступивший в Пекине выше всяких похвал. На пути к финалу им были одержаны разгромные победы над уже знакомым ему турком Сучу Сонером – 12:0 (досрочная победа), серебряным призером Олимпиады 2004 года кубинцем Роберто Монсоном Гонсалесом – 8:0, действующим чемпионом Азии Русланом Тюменбаевым из Киргизии – 10:0. В финале Альбиев встречался с опытным борцом из Азербайджана Виталием Рахимовым – экс-чемпионом Европы, победителем и призером различных международных турниров. Российские тренеры опасались, что решающим фактором в финальном противостоянии станет опыт 24-летнего Рахимова. Но, к счастью, главную роль сыграла невероятная воля, настрой и жажда победы чеченского борца. Небольшая деталь: в полуфинальной схватке с Тюменбаевым Альбиев получил серьезную травму головы. Врачи остановили кровь и перевязали голову. В одном из эпизодов схватки повязка немного сползла с его головы. Альбиев настолько решительно сорвал ее и отбросил в сторону, что многим стало ясно – такой настрой присущ только будущему чемпиону.

Так оно и случилось: Альбиев уверенно выиграл в финале в двух периодах (2:0, 4:0). Поразительно, но ни одному из своих соперников, которые на Олимпийские игры приехали не для развлечения, Альбиев не отдал ни единого балла. В истории греко-римской борьбы такое под силу было лишь великому Александру Карелину.

Путь от новичка до олимпийского чемпиона Ислам-Бек проделал за рекордно

короткие восемь лет. К тому же, Ислам-Бек стал самым молодым олимпийским чемпионом в истории греко-римской борьбы. Для любителей статистики сообщу, что до Ислам-Бека таковым был советский борец Сурен Налбандян, победивший в 1976-м году на Играх XXI Олимпиады в Монреале в возрасте 20-ти лет и 51-ого дня. Ислам-Бек же стал победителем Игр в возрасте 19-ти лет 228-ми дней.

К слову, самым молодым олимпийским чемпионом среди борцов обоих стилей является македонец Шабан Трстена, представлявший Югославию на XXIII Олимпиаде 1984 года в Лос-Анджелесе в весовой категории до 52 кг. Он победил в возрасте 19-ти лет 221-ого дня. Но достижение Трстены сильно нивелируется тем фактом, что он стал чемпионом на Играх, бойкотированных странами соцлагеря, т.е. теми странами, в которых сильно развита борьба.

Дотошные журналисты выяснили, что первые две золотые медали в копилку российской команды привнесли борцы, живущие в одном номере. «А с вами в номере никто больше не живет?» – шутливо спрашивали они.

После победы счастливый Ислам-Бек делился своими эмоциями: «Сегодня все получилось в соответствии с принципом: пришел, увидел, победил. Я просто знал, что за меня болеют все родственники, вся страна и не мог их подвести. Был предельно настроен на победу, поэтому, наверное, и показалось, что все сложилось у меня легко и просто. И я рад, что моя детская мечта стать олимпийским чемпионом осуществилась!»

Глава Чеченской Республики Рамзан Кадыров сразу после олимпийского триумфа Альбиева сказал: «Сегодня этот парень сделал для престижа республики больше, чем тысяча дипломатов».

Надо сказать, что российские борцы на Олимпиаде-2008 выступили выше всяких похвал, завоевав шесть золотых, две серебряные и две бронзовые медали. Тем самым они в очередной раз доказали, что российская школа борьбы является одной из сильнейших в мире.

Приятно отметить, что помимо Альбиева еще один чеченский борец Бувайсар Сайтиев внес лепту в копилку команды, завоевав в Пекине в соревнованиях борцов вольного стиля свое третье олимпийское золото.

Вообще, Олимпийские игры в Пекине стали самыми удачными за всю историю чеченского спорта. Еще один чеченский «вольник» Рамзан Ирбайханов (Рамазан Шахин) стал победителем Игр, но уже в составе турецкой команды, а Зелимхан Хусейнов, выступавший в составе сборной Азербайджана, также в состязании борцов-вольников остановился в шаге от пьедестала, заняв в итоге пятое место.

Однажды Ислам-Бек рассказал мне, как в 2006 году он столкнулся в лифте с олимпийским чемпионом 2004 года Алексеем Мишиным. Всю дорогу Альбиев с пиететом смотрел на Мишина, как на человека с другой планеты. Спустя два года молодые борцы так же стали смотреть и на самого Альбиева.

После победы на Олимпийских играх Ислам-Беку Альбиеву «за большой вклад в развитие физической культуры и спорта, высокие спортивные достижения на Играх XXIX Олимпиады 2008 года в Пекине» вручили орден Дружбы.

Победа на Олимпиаде придала Альбиеву уверенность в своих силах. В феврале 2009 года он победил на Кубке мира, заодно взяв реванш у Фуада Алиева за поражение на чемпионате Европы 2007 года. Кубок мира проходил в небольшом французском городке Клермон-Ферран, который, похоже, становится счастливым для чеченских борцов: в далеком 1987-м году чемпионами мира там стали Аслаудин Абаев (в греко-римской борьбе) и Адлан Вараев (в вольной).

В апреле того же 2009 года Альбиев в блестящем стиле выигрывает чемпионат Европы в Вильнюсе. Заслуженный тренер СССР и России Сайдахмет Абдулаев, присутствовавший на том турнире, делился со мной впечатлениями: «У Ислам-Бека было такое большое преимущество над соперниками, что он выиграл даже с серьезной травмой руки».

Тренерский штаб сборной России разрешил пропустить чемпионат России 2009 года лидерам команды, среди которых значился и Ислам-Бек Альбиев. Но свой высокий класс чеченский борец еще раз подтвердил в июне на представительном турнире «Гран-при Германии» в Дортмунде.

Впереди был чемпионат мира в датском городе Хернинг.

За полтора месяца до чемпионата мира на сборе в Тырныаузе Кабардино-Балкарской Республики Альбиев, работая с отягощениями, почувствовал острую и сильную боль в боку, которая потихоньку перешла в позвоночник. Скрутило так, что он даже шагу ступить не мог.

В голову сразу влетела предательская мысль, что на чемпионат мира, с которым он связывал большие надежды, поехать не удастся. Под присмотром местных эскулапов Ислам-Бек несколько дней пролежал в постели. Ни о каких тренировках не было и речи. Когда, оставив команду тренироваться на сборах, Альбиев улетел в Москву на обследование в ЦИТО, мало кто из тренеров и спортсменов верил, что он успеет восстановиться к чемпионату мира. Но, к счастью, Ислам-Бек был поставлен опытными врачами на ноги, и в конце августа он уже полноценно тренировался с командой на сборе в Адлере.

Если на Олимпиаде в Пекине Ислам-Бек Альбиев выступил в роли темной лошадки, то на чемпионат мира в Хернинг он приехал бесспорным фаворитом. Соответственно, и настрой соперников на него был особый. Начал Альбиев с уверенной победы над Вузлексисом Ривасом Эпинозой из Венесуэлы. В следующем поединке в двух сетах был повержен неоднократный призер чемпионатов Европы Давор Стефанек из Сербии. В 1/4 финала Альбиев в довольно упорной борьбе победил Стига-Андре Бержа из Норвегии. Счет встречи говорит сам за себя – 1:0, 1:0. Очень сложной выдалась полуфинальная схватка с бронзовым призером Олимпийских игр и Кубка мира Нурбахытом Тенизбаевым из Казахстана. Первый период, завершившийся со счетом 1:1, принес победу Альбиеву по последнему действию. Второй период остался за казахстанским борцом – 3:0. Лишь в третьем решающем периоде Альбиев, проявив невероятную силу воли, сумел склонить чашу весов в свою пользу – 1:0. В финале чеченский борец в двух периодах (1:0, 3:0) победил экс-чемпиона мира Дилшода Арипова из Узбекистана и стал чемпионом мира!

Альбиев так прокомментировал свой успех: «На Олимпиаде в Пекине никто не считал меня фаворитом. В Данию я приехал олимпийским чемпионом и лучшим борцом Европы в своем весе. Поэтому на меня и настраивались особенно. Первые поединки давались очень тяжело. Но к финалу я поймал кураж, и меня уже было не остановить». Но при этом он отметил, что золотая медаль в Дании ему далась тяжелее, чем в Пекине: «Я предвидел, что соперники на меня будут особо настраиваться, поэтому готовился со всей серьезностью. Но завершающий этап подготовки осложняли

травма спины и ограничения в питании, которых я, как верующий мусульманин, придерживался в священный месяц Рамадан».

Российские борцы греко-римского стиля завоевали в Дании одну золотую и две серебряные медали. Ислам-Бек Альбиев стал единственным борцом, поднявшимся на высшую ступень пьедестала почета. Иначе выступление команды можно было назвать провальным.

Это было невероятно: в свои двадцать лет Ислам-Бек Альбиев завоевал все титулы в своем виде спорта. На вопрос: «А что дальше?» – Ислам-Бек ответил: «2009 год получился удачным – я стал чемпионом Европы и мира, выиграл Кубок мира, можно сказать, подтвердил статус олимпийского чемпиона. Вроде, выиграл уже все, что можно, но мотивации от этого меньше не стало. Буду преумножать».

После победы Альбиева на Олимпийских играх трехкратный олимпийский чемпион Александр Карелин сказал в отношении него: «...Имеет замечательные перспективы, чтобы стать кратным...». Но великий Сан Саныч не предполагал, что Ислам-Бек перейдет в более тяжелую категорию. Глупо ставить под сомнение решение спортсмена, выигравшего все титулы в греко-римской борьбе. Его доводы, что у него «не та структура тела, чтобы гонять вес, а сгонка отнимает все силы и приводит к многочисленным травмам», в принципе, обоснованы. Ситуация сложилась таким образом, что в свою прежнюю категорию до 60 кг Ислам-Бек уже «не помешался», а до следующей (до 66 кг) ему откровенно не хватало массы и фактуры. Доходило до смешного: на взвешивание в новой для себя категории Ислам-Бек мог прийти, жуя банан, в то время, как его соперники несколько дней «сушились», не позволяя себе даже лишней глоток воды. Зато после взвешивания до следующего дня (начала соревнований) они успевали набрать сброшенные несколько кило, и поэтому складывалось ощущение, что Ислам-Бек ненароком перепутал категории. Возможно, идеальной для Альбиева явилась бы категория до 63-64 кг, но выбирать, как говорится, не приходится. Тем более, что великие чемпионы утверждают себя в любых обстоятельствах. Так что, свою состоятельность теперь Ислам-Беку надо было доказывать с чистого листа.

В новой категории Альбиев начал победную поступь в июне 2010-го года, выиграв Гран-при Германии. В финале он одолел двукратного чемпиона Европы и призера чемпионата мира Томаша Лоринца из Венгрии. Через две недели была одержана победа и на чемпионате России. Успехи были налицо, но при этом было видно, что достигаются они невероятными усилиями.

Ни один человек не может постоянно тренироваться и бороться на пределе своих возможностей. Когда-то должен быть срыв. У Альбиева он случился в Баку на международном турнире Голден Гран-при в июле 2010 года. К слову, это был первый проигранный им турнир после олимпийского триумфа. В оправдание Ислам-Бека скажу, что в Баку неудачно выступила вся российская команда, включая олимпийских чемпионов Алексея Мишина, Асланбека Хуштова, чемпиона мира и неоднократного чемпиона Европы Амбако Вачадзе. Лишь Олег Шокалов стал бронзовым призером. Связано это было, скорее всего, с тем, что команда не успела выйти из-под больших нагрузок, полученных в высокогорье Кабардино-Балкарии.

Чемпионат мира 2010, прошедший в Москве, Ислам-Бек Альбиев вынужден был пропустить из-за рецидива старой травмы – растяжения паховых мышц.

В последующем у Альбиева победы сочетались с поражениями.

Окончание следует.

К нашим иллюстрациям**Абрек Зелимхан в творчестве Зайнди Аласханова**

Творческое наследие художника Зайнди Аласханова уникально и одновременно национально. Школой его мастерства стала сама жизнь, вернее, неразрывная связь с Родиной, обычаями и традициями чеченского народа. Кажется, что его творчество вместило в себя все, чего ему не хватает вдали от родного края (поскольку живет и работает он в Москве): национальную еду, национальную одежду, красоту природы и состояние души, вкус родника и запах кукурузной лепешки. «Я не профессиональный художник, но всю свою сознательную жизнь мысленно рисую. Представляю тот или иной объект, меняю его размеры, цвет».

История собственного народа не может оставить равнодушным никого. И Зайнди Аласханов не является исключением. В своем творчестве он неоднократно возвращался к прошлому чеченского народа, поэтому начал цикл работ, посвященных абреку Зелимхану Харачоевскому.

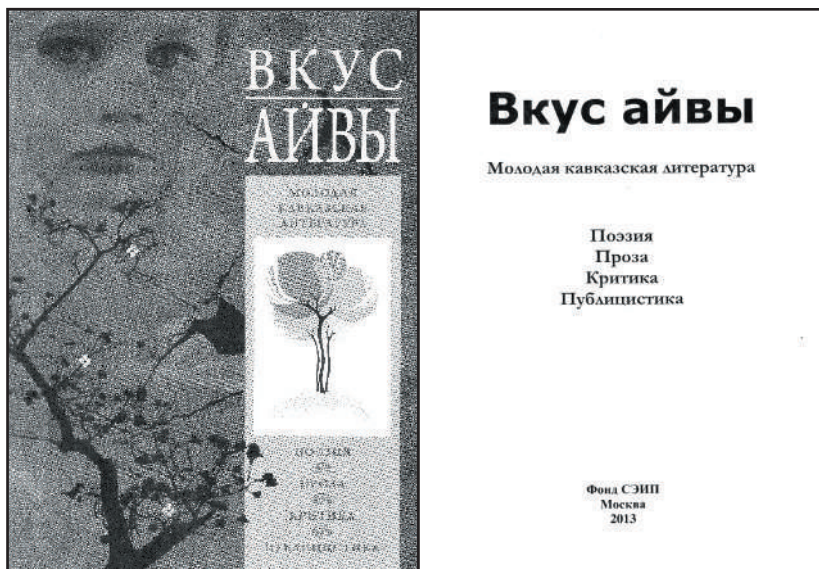
«Чтобы создать образ абрека, надо прочувствовать своего героя, заглянуть в прошлое, пропустить через себя всю его жизнь и постараться разгадать тайну чужой души. Вместе с ним я утоляю жажду, сижу в засаде. Пропускаю через свое сердце боль и горечь разлуки с семьей, устаю от тревожного ожидания наступающей ночи...»

З. Аласханов пишет своего героя таким, каким представляет себя на его месте. Его занимают проблемы бытия, нравственно-психологические аспекты поведения людей в конфликтных ситуациях. Абрек Зелимхан в гармонии с природой – единственным другом в моменты одиночества и тоски, заката и предстоящей ночи. Законы духовной нравственности, которым он следует, побуждают его жить достойно в полном смысле этого слова, несмотря на гонения, несправедливость власти к нему и его семье. В то же время сквозь страдания проступает надежда на улучшение доли людской на этой грешной земле. Именно это и пытается изобразить художник.

В процессе подготовки работы над циклом картин «Абрек Зелимхан» Зайнди Аласханов объездил почти всю горную Чечню, «перелопатил» гору литературы, послушал рассказы из разных уст и разные варианты этих историй, проработал всевозможные детали. Эта титаническая работа потребовала напряжения духовных и физических сил. А самое главное – терпения в сборе материала и в написании полотен. Возможно, родственники абрека найдут внешние расхождения в облике, но духовный мир персонажа пережит самим художником. В процессе работы над циклом картин духовный мир самого Зайнди Аласханова обогащался и усложнялся. Возможно, менялись представления о прошлом. Теперь готовый мир картины оказывает на нас давление, и мы мысленно стремимся понять художника.

На обложке журнала представлены следующие работы художника: 1 стр. – «Тучи стущаются», 2 стр. – «Зелимхан», 3 стр. – «Закат», 4 стр. – «У родника Девичья коса».

Зура Итсмилорд

Книжные новинки**Вкус айвы. Молодая кавказская литература:
Проза, поэзия, критика, публицистика**

6 сентября на XIV Международной книжной ярмарке в Москве и 24 сентября в рамках 6-го Совещания молодых писателей Северного Кавказа в Грозном состоялись презентации сборника молодых писателей Северного Кавказа «Вкус айвы». Сборник издан в Москве по итогам 4-го и 5-го Совещаний молодых северокавказских писателей, ежегодно проводимых Фондом социально-экономических и интеллектуальных программ под руководством С.А. Филатова и при поддержке журналов «Дружба народов», «Знамя», «Новый мир», «Континент», «Октябрь», Интернет-журнала молодых писателей «Пролог». Встречи и мастер-классы в рамках этих совещаний прошли, начиная с 2008 г., в Кабардино-Балкарии, Адыгее, Карачаево-Черкесии, Северной Осетии, Дагестане. На этот раз – в Чеченской Республике (г. Грозном) с 21 по 25 сентября 2013 г. Произведения для издания в этой книге были рекомендованы руководителями мастер-классов по поэзии и прозе махачкалинского совещания – поэтом и сценаристом Александром Тимофеевским, литературными критиками Евгением Ермолиным и Лидией Довлеткиреевой.

Что беспокоит молодых кавказцев? О чем болят их сердца? Как они ощущают и чувствуют время, родину, себя?.. Разноголосые и разноликие, искренние, равнодушные, они размышляют о последних войнах, об истории, о людях, о литературе. И хотят быть услышанными.

В сборник вошли произведения 20-ти авторов из Дагестана, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии, Чеченской Республики в жанрах поэзии, прозы, критики и публицистики. Наиболее яркие из них – Зураб Бемурзов, Хава Гагаева, Марина Гаджиева, Елена Милосердова в поэзии, Сулиман Мусаев, Висали Эбиев, Ася Умарова, Айгюн Мамедова в прозе, Ольга Лизункова, Саламбек Алиев, Багдат Тумалаев в публицистике.

Цель этой книги – поддержать молодые дарования, а также дать возможность читателям увидеть срез современной литературы кавказцев, начинающих

свою художественную биографию. Здесь собраны произведения, созданные на русском языке, хотя среди авторов есть и литераторы-билингвы.

Какие-то из представленных текстов уже отличаются творческой зрелостью, другие пока слабы, как свеча на ветру.

Какие же темы беспокоят молодых кавказцев?

Сулиман Мусаев из Грозного предложил самую зрелую, добротную прозу. В его рассказах «Письмо», «Вкус айвы», «Седа» действительно звучит голос Кавказа, чеченский голос, но голос, который будет услышан не только чеченцем, но и представителем любой другой этнокультуры. Изначально они написаны на родном языке и переведены автором на русский. В них – живые картины, нетрафаретные герои, чьи жизненные перипетии заставляют активно им сопереживать. Продуманные диалоги и внутренние монологи, детали и символы, другие средства психологического письма, коими уверенно владеет этот прозаик, ненавязчиво дают возможность читателю размышлять о жизни и смерти, исторической судьбе чеченского народа в связи с депортацией и последними войнами, о национальных взаимоотношениях в современной России, о глобализации, о будущем республики и страны... Сирота Мовли из рассказа «Вкус айвы» катализирует в себе трагедию всего народа, высланного с цветущего Кавказа в бескрайние просторы холодного Казахстана и Сибири: голод, сиротство, бесправие, одиночество, тоску по Родине, гибель близких... Но, несмотря на это, столь мощно звучит мотив преодолевающей силы человека, способного, как и герой Кайсына Кулиева, «в черный день видеть белизну снега», не потерявшего чистоту души, верного и на чужбине традициям своего края, придающим стальную терпимость сердцу. А запах айвы, ее вкус, не знакомый маленькому переселенцу, приходит во снах... как символ родной земли... надежды на возвращение, неизбежного торжества светлых начал жизни. Тематически и интонационно перекликается с прозой Сулимана и художественная публицистика другого чеченского автора Саламбека Алиева.

Милена Тедеева из Владикавказа представила прозу нон-фикшн, которая поразила своей искренностью, способностью автора в судьбе отдельно взятого героя либо семьи высветить острые проблемы современности. Цхинвал и цхинвальцы до и после августовских событий, межнациональные отношения, дружба и вражда, вера и отчаяние, потери и обретения, любовь к отчужденному дому и боль – все переплелось в клубок яркой нити, которую с наслаждением разматывает читатель, уставший от официальных версий и тенденциозных репортажей о Грузии и Осетии.

Хоррор и фэнтези предпочитает самый юный автор совещания – 14-летний Исмаил Гаджиев из Дагестана.

Представленная проза и поэзия разнообразна по своему тематическому выражению, по уровню мастерства авторов, среди которых есть и уже состоявшиеся писатели, профессионально занимающиеся литературой, как, например, Сулиман Мусаев, Милена Тедеева – участники Форумов молодых писателей России, стран СНГ и дальнего зарубежья в Липках, публикующиеся в литературных журналах Москвы, Владикавказа, Нальчика, Грозного. А есть и те, кто делают первые робкие шаги в литературе. Однако и тех, и других объединяет любовь к слову, жажда творчества и уважение к писательскому труду.

Лидия Махмудова

Сведения об авторах и переводчиках

Абузар Айдамиров (1933–2005) – чеченский писатель и поэт. Народный писатель ЧИАССР (1977). Родился в селе Мескеты Ножай-Юртовского района. В 1963 году окончил историко-филологический факультет Чечено-Ингушского государственного пединститута. В 1967-1969 гг. учился на Высших литературных курсах при Союзе писателей СССР. В 1964 году был принят в члены Союза писателей СССР. В 1969-1989 гг. был членом правления Союза писателей ЧИАССР. Автор исторической трилогии о Кавказской войне XIX века: «Долгие ночи», «Молния в горах» и «Буря», они переведены на арабский, турецкий, французский и другие языки. На русский язык переведен только первый из романов. В 2004 году был избран председателем Союза писателей ЧР.

Абу Исмаилов (1949). Родился в Чимкентской области Казахской ССР. Окончил филологический факультет ЧИГУ в 1967 году. Первые стихи появились еще в школьные годы; в 1964 были опубликованы в газете «Ленинский путь», а в 1967 году – в альманахе «Орга», куда со временем пришел работать сам. Работал также корректором, редактором в Чечено-Ингушском книжном издательстве, корреспондентом радио, телевидения, газеты «Ленинана некъ» и других изданий. Автор многих книг прозы и поэзии, в том числе: «Бирдолаг» (1988), «Дош» (2005), цикла рассказов «Умар-Хаджи» (журнал «Вайнах», №№ 5-7, 2004), пьес и поэтических сборников.

Муса Шамсадов (1961). Поэт, прозаик. Окончил в 1984 г. Ставропольский государственный университет (физико-математический факультет). Писать начал в школьные годы. Его стихи и рассказы печатаются в республиканской периодической печати с 1978 года. Работал в школе, в отделе культуры Итум-Калинского района, в администрации того же района начальником организационно-аналитического отдела. С 2011 года занимается предпринимательской деятельностью.

Роза Межиева. Редактор отдела публицистики журнала «Вайнах», историк, журналист, психолог. Пишет стихи, прозу, публицистические статьи. Публиковаться начала в школьные годы (стихи в газете «Комсомольское племя»). Участница Форума молодых писателей ЮФО в ст. Вешенской в 2005 г., 2-го и 3-го Совецаний молодых писателей и критиков Северного Кавказа в Майкопе (2009) и Карачаево-Черкесии (2010), X Всероссийского форума молодых писателей и критиков в Липках (2010). Автор поэтических подборок в журналах: «Вайнах», «Нана», «Дон» и в журнале «Эльбрус Минги Тау» в переводе на балкарский язык.

Ахмет Асхабов (1955). Родился в Казахстане, в Актюбинской области, Хобдинском районе. Образование среднее. С 1981 по 2013 годы жил и работал чабаном в Казахстане. Пишет стихи и рассказы. В журнале публикуется впервые.

Лидия Довлеткиреева. 1-й зам. главного редактора журнала «Вайнах», доцент кафедры русского языка ЧГУ. Журналист, литературовед и критик. Участник Вешинского форума молодых литераторов ФО (2005), Совецаний молодых писателей и критиков Северного Кавказа в Нальчике (2008), Майкопе (2009), Домбае (2010), VIII–X Всероссийских форумов молодых писателей и критиков в Липках (2008-2010), стипендиат Министерства культуры РФ в номинации «Молодые таланты России» (2008). Лауреат премии журнала «Вайнах» (2008). Публикации – в республиканской прессе, «Литературной газете», журналах «Дон», «Дружба народов», «Волга XXI век», «Литература Юга России» (Краснодар), научных сборниках Ставрополя, Нальчика, Грозного, Краснодара и др.

Магомед Цунцаев (1992). Родился в Грозном, детские годы прошли в Волгоградской области. Окончил школу юных корреспондентов «Возрождение Чечни». Увлекается музыкой, рисованием. Прозу пишет с 15 лет. Студент четвертого курса филологического факультета (специальность «журналистика») ЧГУ. Работает журналистом телерадиокомпании «Путь» им. А.А. Кадырова. Участник III Совецания молодых писателей Северного Кавказа в Карачаево-Черкесии. Публиковался в журналах «Вайнах» и «Территория ЧЕ».

Муслим Гапуев (1965). Родился в Грозном. Окончил нефтепромысловый факультет Грозненского нефтяного института. Пишет рассказы, статьи, очерки. Публикуется на страницах местной печати. Член Союза журналистов России. Является главным редактором чеченского спортивного журнала «Борцовский круг».

Зура Итсмиалорд. Образование высшее. Специальность: филолог, преподаватель, переводчик. Пишет статьи публицистического характера, рассказы. Публикуется в республиканских периодических изданиях.

Подписка на журнал «Вайнах» в отделениях Почты России и в редакции. Стоимость полугодовой подписки - 330 руб.